

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.com](http://Royallib.com)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Тилли Коул

«Тысяча незабываемых поцелуев»

Пролог

Рун

Было ровно четыре момента, которые определили мою жизнь.
Этот был первым.

Блоссом Гроув, Джорджия

США

Двенадцать лет назад

5 лет

— *Jeg vil dra! Jeg vil reise hjem igjen!* (прим. пер. норвежский. Я хочу уехать! Сейчас же! Я хочу вернуться домой!) — я кричал так громко, как только мог, говоря своей маме, что хочу уехать сейчас же! Я хотел вернуться домой!

— Мы не собираемся домой, Рун. И мы не уедем. Теперь это наш дом, — ответила она по-английски. Она присела на корточки и посмотрела мне прямо в глаза. — Рун, — сказала она нежно, — я знаю, что ты не хотел покидать Осло, но твой папа получил новую работу в Джорджии. — Она провела рукой вверх и вниз по моей руке, но от этого я не почувствовал себя лучше. Я не хотел быть в этом месте, в Америке.

Я хотел вернуться домой.

— *Slutt & snakke engelsk* (прим. перев. норв. Перестань говорить по-английски!)! — огрызнулся я. Я ненавидел говорить по-английски. С тех пор, как мы отправились в Америку из Норвегии, мама с папой говорили только на английском. Они сказали, что я должен практиковаться.

Я не хотел!

Моя мама встала и подняла коробку с земли.

— Мы в Америке, Рун. Все здесь говорят по-английски. Ты говоришь на английском столько же, сколько и на норвежском. Настало время использовать его.

Я стоял на своем, глядя на свою маму, когда она обошла меня и направилась к дому. Я оглядел небольшую улочку, на которой мы теперь жили. Здесь было восемь домов. Все они были большими, но выглядели по-разному. Наш был выкрашен в красный цвет, с белыми окнами и большим крыльцом. Моя комната была большая и на нижнем этаже. Я думал, что это своего рода круто. В любом случае неважно. Я никогда раньше не спал внизу — в Осло моя спальня была наверху.

Я посмотрел на дома. Все они были выкрашены в яркие цвета: светло-голубые,

желтые, розовые... Затем я посмотрел на соседний дом. Прямо по соседству — нас разделял участок травы. Оба дома были большими, и наши дворы тоже, но между ними не было забора. Если бы я хотел, я мог бы забежать на их двор и ничего бы меня не остановило.

Дом был ярко-белым с крыльцом вокруг него. На крыльце стояла кресло-качалка и висели качели. Рамы их окон были черными, и прямо напротив моего окна было окно их дома. Прямо напротив! Мне не понравилось это. Мне не нравилось, что я мог увидеть их комнату, а они мою.

На земле валялся камень. Я пнул его ногой, наблюдая, как он катится по улице. Затем повернулся, чтобы последовать за своей мамой, как вдруг услышал шум. Он доносился из дома по соседству с нашим. Я посмотрел на их переднюю дверь, но никто не вышел. Я начал подниматься по ступенькам своего крыльца, когда увидел какое-то движение сбоку дома — в окне соседнего дома, в том, что напротив моего.

Моя рука застыла на перилах, и я наблюдал, как девочка, одетая в яркое голубое платье, выбиралась через окно. Она спрыгнула на траву и обтерла руки о свои бедра. Я нахмурился, мои брови опустились вниз, когда я ждал, что она поднимет голову. У нее были каштановые волосы, которые были уложены на голове как птичье гнездо. А сбоку был большой белый бант.

Когда она подняла взгляд, то посмотрела прямо на меня. Затем она улыбнулась. Ее улыбка была такой широкой. Она быстро помахала, затем побежала вперед и остановилась передо мной.

Она вытянула свою руку.

— Привет, меня зовут Поппи Личфилд, мне пять лет, и я живу по соседству.

Я уставился на девочку. У нее был забавный акцент. Английские слова, которые я изучал в Норвегии, звучали по-другому. У девочки — Поппи — было пятно грязи на лице и ярко-желтые резиновые сапоги на ногах. Сбоку на них был нарисован огромный красный шар.

Она выглядела странно.

Я поднял взгляд от ее ног и вперился взглядом в ее руку. Она все еще держала ее вытянутой. Я не знал, что делать. Не знал, чего она хотела.

Поппи вздохнула. Покачивая головой, она потянулась к моей руке и обхватила ее своей. Она потрясла ими дважды и сказала:

— Рукопожатие. Моя бабушка говорит, что правильно пожимать руку новым людям, с которыми знакомишься. — Она указала на наши руки. — Это рукопожатие. И это вежливо, потому что я не знаю тебя.

Я не сказал ничего, по какой-то причине мой голос не давал о себе знать. Когда я опустил взгляд, то понял, что это оттого, что наши руки все еще были соединены.

На ее руке тоже была грязь. На самом деле она вся была грязная.

— Как тебя зовут? — спросила Поппи. Ее голова была наклонена набок. Небольшая веточка застряла в ее волосах. — Эй, — сказала она, дергая наши руки. — Я спросила твое имя.

Я прочистил свое горло.

— Меня зовут Рун. Рун Эрик Кристиансен.

Поппи сморщила лицо, ее большие розовые губы были смешно оттопырены.

— Звучит странно, — выпалила она.

Я вырвал свою руку.

— *Nei det gjør jeg ikke* (прим. норв. Нет, не звучит! — выплюнул я. Ее лицо поморщилось еще сильнее.

— Что ты только что сказал? — спросила Поппи, когда я повернулся, чтобы пойти к своему дому. Я больше не хотел разговаривать с ней.

Чувствуя злость, я развернулся.

— Я сказал: Нет, не звучит! Я говорил по-норвежски! — сказал я на этот раз на английском. Зеленые глаза Поппи стали больше.

Она подошла ближе и еще ближе, и спросила:

— Норвежский? Как у викингов? Моя бабушка читала мне книгу о викингах. Там было сказано, что они из Норвегии. — Ее глаза стали еще больше. — Рун, ты викинг? — ее голос потерял всю писклявость.

От этого я почувствовал себя лучше. Я выпятил грудь. Мой папа всегда говорил, что я викинг, как все мужчины в нашей семье. Мы были большими, сильными викингами.

— Ja (прим. перев. норв. Да), — сказал я. — Мы настоящие викинги из Норвегии.

На лице Поппи растянулась большая улыбка, громкое девчачье хихиканье вырвалось из ее рта. Она вытянула руку и потянула мои волосы.

— Так вот почему у тебя длинные светлые волосы и кристально-голубые глаза. Потому что ты — викинг. Поначалу я подумала, что ты выглядишь как девочка...

— Я не девочка! — перебил я, но, казалось, Поппи было все равно. Я провел рукой по своим длинным волосам. Они доставали мне до плеч. У всех мальчиков в Осло были такие волосы.

— ...но теперь я вижу, что это потому, что ты настоящий викинг. Как Тор. У него тоже длинные светлые волосы и голубые глаза! Ты такой же как Тор!

— Ja, — согласился я. — Тор такой. И он самый сильный Бог из всех.

Поппи кивнула головой, затем положила руки на мои плечи. На ее лице появилась серьезность, а ее голос понизился до шепота:

— Рун, я не рассказываю это всем, но я отправляюсь на поиски приключений.

Я поморщился. Я не понимал. Поппи сделала шаг ближе и посмотрела в мои глаза. Она сжала мои руки и наклонила голову вбок, оглядела все вокруг нас, затем наклонилась, чтобы заговорить:

— Обычно я не беру людей в свои путешествия, но ты викинг; все мы знаем, что викинги вырастают большими и сильными, и они очень-очень хороши в приключениях и исследованиях, и долгих походах и захватах злодеев и... самых разных вещах!

Я все еще был в замешательстве. Но затем Поппи сделала шаг назад и вытянула руку.

— Рун, — сказала она, ее голос был серьезным и уверенным, — ты живешь по соседству, ты викинг, а я просто обожаю викингов. Я думаю, что мы должны быть лучшими друзьями.

— Лучшими друзьями? — спросил я.

Поппи кивнула и толкнула свою руку дальше ко мне. Медленно вытянув свою собственную руку, я схватил ее и два раза потряс, как она показывала мне.

Рукопожатие.

— Так теперь мы лучшие друзья? — спросил я, когда Поппи убрала руку.

— Да! — сказала она радостно. — Поппи и Рун. — Она поднесла палец к подбородку и подняла голову. Поппи выпатила губы снова, как будто очень упорно думала. — Звучит хорошо, как думаешь? «Поппи и Рун — лучшие друзья навеки!».

Я кивнул, потому что это хорошо звучало. Поппи протянула мне руку.

— Покажи мне свою комнату! Я хочу рассказать тебе, какое приключение ждет нас следующим. — Она начала тянуть меня вперед, и мы вбежали в мой дом.

Когда прошла через дверь моей спальни, Поппи подбежала прямо к окну.

— Эта комната прямо напротив моей!

Я кивнул, и она завизжала, подбежав ко мне и снова схватила мою руку в свою.

— Рун! — сказала она взволнованно, — мы сможем разговаривать ночью и сделать переносные рации из банок и шнурков. Мы можем шептать наши секреты друг другу, когда все будут спать, и мы сможем играть и играть, и...

Поппи продолжала говорить, но я не обращал внимания. Мне нравился звук ее голоса. Мне нравился ее смех, и мне нравился большой белый бант в ее волосах.

«Может, в конце концов, в Джорджии будет не так плохо, — подумал я, — нет, точно не будет, если Поппи Личфилд будет моим самым лучшим другом».

И с того дня были Поппи и я.
Поппи и Рун.
Лучшие друзья навеки.
Или я так думал.
Забавно, как все меняется.

1 глава

Поппи

*Девять лет назад
8 лет*

— Куда мы собираемся, папочка? — спросила я, когда он нежно взял меня за руку и повел к машине. Я оглянулась на свою школу, задумываясь, почему меня раньше забрали с уроков. Был только перерыв на обед. Я еще не должна была уходить.

Мой папа ничего мне не сказал, пока мы шли, но сжал мою руку. Я осматривала забор, странное чувство поселилось в моем желудке. Я любила школу, любила учиться, и следующим уроком была история. Это был мой самый любимый предмет. Я не хотела пропускать ее.

— Поппи! — Рун, мой самый лучший друг, стоял у забора, наблюдая, как я уходила. Его руки крепко вцепились в металлические прутья. — Куда ты собираешься? — крикнул он. Я сидела рядом с Руном в классе. Мы всегда были вместе. В школе не было весело, когда кого-то из нас не было там.

Я повернула голову в поисках ответа на лице папочки, но он не смотрел на меня. Он молчал. Снова оглянувшись на Руна, я крикнула:

— Я не знаю!

Рун наблюдал за мной все время, что мы шли к машине. Я забралась на заднее сиденье и села на дополнительную подушку сиденья, и мой папочка пристегнул меня.

Я услышала звонок на школьном дворе, сигнализирующий о конце ланча. Посмотрела в окно и наблюдала, как все дети бегут внутрь. Рун остался у забора, наблюдая за мной. Его светлые волосы развевались на ветру, когда он сказал одним ртом:

— Ты в порядке?

Но мой папа сел в машину и начал отъезжать, прежде чем я смогла ответить.

Рун бежал вдоль забора, следуя за нашей машиной, пока не пришел мистер Дэвис и сказал ему зайти внутрь.

Когда школа пропала из виду, папа сказал:

— Поппи?

— Да, папочка? — ответила я.

— Ты же знаешь, что бабушка живет с нами уже какое-то время?

Я кивнула. Моя бабушка переехала в комнату напротив моей некоторое время назад. Моя мама сказала, так случилось, потому что ей нужна помощь. Мой дедушка умер, когда я была совсем маленькой. Моя бабушка жила сама по себе годами, пока не переехала к нам.

— Ты помнишь, что мы с мамой рассказывали тебе из-за чего это? Почему бабушка больше не может жить одна?

Я выдохнула через нос и прошептала:

— Да. Потому что ей нужна наша помощь. Потому что она больна. — Мой желудок перевернулся, когда я говорила. Моя бабушка была моим лучшим другом. Ну, она и Рун находились на абсолютной вершине. Моя бабушка говорила, что я в точности, как она.

Прежде чем она заболела, у нас было много приключений. Она читала мне каждую

ночь о великих открытиях мира. Рассказывала мне об истории — об Александре Македонском, римлянах и моем любимом самурае из Японии. Он также был любимым и у бабушки.

Я знала, что бабушка больна, но она никогда не вела себя как больной человек. Она всегда улыбалась, крепко обнимала меня и смешила. Всегда говорила, что в ее сердце лунный свет, а в улыбке солнце. Мама говорила, что это означало, что она счастлива.

Она тоже делала меня счастливой.

Но последние несколько недель бабушка много спала. Она слишком уставала, чтобы делать что-нибудь еще. В действительности, большинство вечеров я читала ей, пока она гладила мои волосы и улыбалась. И все было в порядке, потому что улыбка моей бабушки — это лучшая улыбка, которую можно получить.

— Правильно, тыковка, она больна. На самом деле она очень-очень больна. Ты понимаешь?

Я нахмурилась, но кивнула и сказала:

— Да.

— Поэтому мы едем домой раньше, — объяснил он. — Она ждет тебя. Она хочет увидеть тебя. Хочет увидеть своего маленького дружочка.

Я не понимала, почему папа везет меня домой рано, чтобы повидаться с бабушкой, когда первым делом после школы я шла в ее комнату и говорила с ней, пока она лежала в кровати. Она любила слушать, как прошел мой день.

Мы повернули на нашу улицу и припарковались на подъездной дорожке. Мой папа не двинулся несколько секунд, но затем повернулся ко мне и сказал:

— Я знаю, тебе только восемь, тыковка, но сегодня ты должна быть большой храброй девочкой, хорошо?

Я кивнула. На лице моего отца появилась печальная улыбка.

— Вот это моя девочка.

Он вышел из машины и подошел к моему заднему сиденью. Взяв меня за руку, папочка вытащил меня из машины и повел к дому. Я видела, что машин было больше чем обычно. Я только открыла рот, чтобы спросить, чьи они все, когда миссис Кристиансен, мама Руна, пересекла двор между нашими домами с большим блюдом еды в руках.

— Джеймс! — позвала она, и мой папа повернулся, чтобы поприветствовать ее.

— Аделис, привет, — сказал он в ответ. Мама Руна остановилась перед нами. Ее длинные светлые волосы были распущены сегодня. Они были такого же цвета, как и у Руна. Миссис Кристиансен была довольно симпатичной. Я любила ее. Она была доброй, и называла меня дочерью, которой у нее никогда не было.

— Я сделала это вам. Пожалуйста, скажи Айви, что я молюсь о вас всех.

Папа отпустил мою руку, чтобы взять блюдо.

Миссис Кристиансен наклонилась и поцеловала меня в щеку.

— Ты будешь хорошей девочкой, Поппи, хорошо?

— Да, мэм, — ответила я, наблюдая, как она пересекает лужайку к своему дому.

Мой папа вздохнул, затем махнул головой, чтобы я последовала за ним внутрь. Как только мы прошли через переднюю дверь, я увидела, что мои тети и дяди сидят на диванах, мои кузены и кузины играли со своими игрушками на полу гостиной. Моя тетя Сильвия сидела с моими сестрами, Саванной и Идой. Они были младше меня, им было четыре и два года. Они помахали мне, когда увидели меня, но тетя Сильвия держала их на своих коленях.

Никто из них не говорил, но многие вытирали глаза, большинство из них плакали.

Я была так растеряна.

Я прижалась к ноге папочки, крепко сжимая ее. Кто-то стоял в дверном проеме кухни — моя тетя Делла, Диди как я всегда называла ее. Она была моей самой любимой тетей. Она была молодой и веселой, и всегда смешила меня. Даже хотя моя мама была старше своей сестры, они были похожи. У обеих были длинные каштановые волосы и зеленые глаза, как и у меня. Но Диди была очень красивой. Однажды я бы хотела выглядеть, как она.

— Привет, Попс, — сказала она, но я видела, что ее глаза покраснели, а голос звучал забавно. Диди посмотрела на моего папочку. Она взяла блюдо из его рук и сказала: — Ты должен идти вместе с Поппи, Джеймс. Время настало.

Я стала идти вместе с папочкой, но оглянулась, когда Диди не последовала за нами. Я открыла рот, чтобы позвать ее по имени, но она внезапно развернулась, поставила блюдо на стол и опустила голову на руки. Она плакала, настолько сильно, что громкие звуки доносились из ее рта.

— Папочка? — прошептала я, чувствуя что-то странное в желудке. Мой папа обернул руку вокруг моего плеча и повел меня оттуда. — Все в порядке, тыковка. Диди просто нужно минутку побыть одной.

Мы направились в комнату к бабушке. Перед тем как папа открыл дверь, он сказал:

— Бабушка там, тыковка, и Бетти, бабушкина медсестра, тоже там.

Я нахмурилась.

— Зачем здесь медсестра?

Папочка толкнул дверь в комнату, и мама встала со стула рядом с кроватью бабушки. Ее глаза были красными, а волосы в полном беспорядке. Волосы мамы никогда не были в беспорядке.

В задней части комнаты я увидела медсестру. Она что-то писала в планшете. Она улыбнулась и помахала мне, когда я вошла. Затем я посмотрела на кровать. Бабушка лежала. Мой желудок перевернулся, когда я увидела иглу, торчащую из ее руки, с прозрачной трубкой, которая вела к мешочку, висящему на металлическом крюке сбоку.

Я встала, замерев, внезапно испугавшись. Затем моя мама подошла ко мне, а бабушка посмотрела в мою сторону. Она выглядела по-другому по сравнению с прошлым вечером. Ее кожа была бледнее, а глаза не были такими яркими.

— Где мой маленький дружок? — голос бабушки был тихим и звучал странно, но ее улыбка согрела меня.

Захихикав над бабушкой, я бросилась к ее кровати.

— Я здесь! Пришла из школы пораньше, чтобы увидеть тебя!

Бабушка подняла палец и щелкнула по кончику моего носа.

— Вот это моя девочка!

Я широко улыбнулась в ответ.

— Я просто хотела, чтобы ты навестила меня ненадолго. Я всегда чувствую себя лучше, когда свет моей жизни сидит рядом и разговаривает со мной.

Я снова улыбнулась. Потому что я была «светом ее жизни», «зеницей ока». Она всегда так называла меня. Бабушка втайне говорила мне, что это означало, что я была ее любимицей. Но она говорила мне, что я должна держать это в секрете, чтобы не расстроить кузин и маленьких сестер. Это был наш секрет.

Руки внезапно сжали мою талию, и папа поднял меня так, что я оказалась рядом с бабушкой на кровати. Бабушка взяла меня за руку. Она сжала мои пальцы, но я могла заметить, какие холодные были ее руки. Бабушка глубоко вдохнула, но это прозвучало странно, как будто что-то потрескивало в ее груди.

— Бабушка, ты в порядке? — спросила я и наклонилась вперед, чтобы прижаться в нежном поцелуе к ее щеке. Обычно от нее пахло табаком из-за сигарет, которые она курила. Но сегодня я не ощущала этот запах.

Бабушка улыбнулась.

— Я устала, девочка. И я... — Бабушка сделала еще один вдох, и ее глаза закрылись на краткое мгновение. Затем они снова открылись, она заерзала на кровати и сказала... — и я уйду на какое-то время.

Я нахмурилась.

— Куда ты собираешься, бабушка? Можно мне тоже пойти? — Мы всегда вместе отправлялись на поиски приключений.

Бабушка улыбнулась, но покачала головой.

— Нет, девочка. Туда, куда я собираюсь, ты не можешь последовать за мной. Еще нет. Но в один день, много лет спустя, ты снова увидишь меня.

Моя мама рыдала позади меня, но я просто уставилась на бабушку в замешательстве.

— Но куда ты собираешься, бабушка? Я не понимаю.

— Домой, милая, — сказала бабушка. — Я собираюсь домой.

— Но ты дома, — продолжила я.

— Нет, — бабушка покачала головой, — это наш ненастоящий дом, девочка. Жизнь... ну, это просто огромное приключение, пока она есть у нас. Приключение, чтобы наслаждаться и любить всем своим сердцем, прежде чем мы отправимся в самое величайшее приключение из всех.

Мои глаза расширились от волнения, затем я почувствовала печаль. Моя нижняя губа начала дрожать.

— Но мы лучшие друзья, бабушка. Мы всегда вместе идем на поиски приключений. Ты не можешь отправиться без меня.

Слезы потекли из моих глаз по щекам. Моя бабушка подняла свою свободную руку, чтобы стереть их. Эта рука была такой же холодной, как и та, которую я держала.

— Мы всегда отправляемся на поиски приключений вместе, деточка, но не в этот раз.

— Ты не боишься идти одна? — спросила я, а моя бабушка вздохнула.

— Нет, девочка, нет никакого страха. Я вообще больше не боюсь.

— Но я не хочу, чтобы ты уходила, — молила я, в горле запершило.

Рука бабушки осталась на моей щеке.

— Ты увидишь меня в своих снах. Это не прощание.

Я моргнула. Затем снова моргнула.

— Как ты видишь дедушку? Ты всегда говорила, что он приходит в твоих снах. Он говорит с тобой и целует твою руку.

— Так и есть, — сказала она. Я вытерла свои слезы. Бабушка сжала мою руку, и посмотрела на мою маму позади меня. Когда она снова посмотрела на меня, то сказала: — Пока не ушла у меня есть новое приключение для тебя.

Я замерла.

— Да?

Я услышала, как что-то стеклянное поставили на стол позади меня. Я хотела повернуться, но прежде чем я это сделала, бабушка сказала:

— Поппи, какое самое любимое воспоминание моей жизни, про которое я тебе рассказывала? То, из-за чего я всегда улыбалась?

— Поцелуи дедушки. Его сладкие незабываемые поцелуи. Все воспоминания о поцелуях мальчиков ты получила от него. Ты говорила мне, что это твои самые любимые воспоминания. Не деньги, не вещи, а только поцелуи от дедушки, — потому что все они были особенные и заставляли тебя улыбаться, заставляли тебя чувствовать себя любимой, потому что он был твоей родственной душой. Твоим навечно и навсегда.

— Верно, девочка, — ответила она. — Поэтому, вот твое приключение... — Бабушка снова посмотрела на мою маму. В этот раз, когда я повернулась, то увидела, что она держала большую стеклянную банку, наполненную множеством розовых бумажных сердечек.

— Ничего себе! Что это? — спросила я, взволнованно.

Мама вложила банку в мои руки, и моя бабушка открыла крышку.

— Это тысяча незабываемых поцелуев от твоего мальчика. Или, по крайней мере, будет, когда ты заполнишь их все.

Мои глаза расширились, когда я пыталась сосчитать все сердечки. Но я не могла. Тысяча — это много!

— Поппи, — сказала бабушка, я подняла голову и увидела, что ее зеленые глаза блестят. — Это твое приключение. Я хочу, чтобы ты меня помнила, когда меня не будет рядом.

Я снова посмотрела на банку.

— Но я не понимаю.

Бабушка потянулась к своей тумбочке и подняла ручку. Она передала ее мне и сказала:

— Я долгое время болею, девочка, но воспоминания, от которых я чувствую себя лучше, — это те, когда твой дедушка целовал меня. Не просто обыденные поцелуи, а особенные, те, от которых мое сердце почти взрывалось в груди. Те, что дедушка убедился, что я не забуду. Поцелуи под дождем, поцелуи на рассвете, поцелуи на выпускном... те, когда он прижимал меня ближе и шептал, что я самая красивая девочка в комнате.

Я слушала и слушала, мое сердце казалось таким наполненным. Бабушка указала на все сердечки в банке.

— Это банка для записи твоих поцелуев, Поппи. Всех поцелуев, от которых твое сердце готово взорваться. Самых особенных, тех, которые ты захочешь вспомнить, когда будешь старая и седая, как я. Тех, которые будут вызывать у тебя улыбку, когда ты будешь воспроизводить их в голове.

Касаясь ручки, она продолжила:

— Когда ты найдешь мальчика, который будет твоим на веки вечные, каждый раз, когда ты будешь получать сверхособенный поцелуй от него, доставай сердечко. Пиши на нем, где вы были, когда целовались. Затем, когда ты тоже станешь бабушкой, твои внуки — твои лучшие дружочки — смогут услышать о них, так же как я рассказывала тебе о своих. У тебя будет банка сокровищ со всеми драгоценными поцелуями, которые заставили твое сердце парить.

Я устала сидеть на банке и выдохнула:

— Тысяча — это много. Это много поцелуев, бабушка!

Бабушка рассмеялась.

— Это не так много, как ты думаешь, девочка. Особенно, когда ты найдешь свою вторую половинку. У тебя много лет впереди.

Бабушка втянула воздух, и ее лицо исказилось, как будто ей было больно.

— Бабушка, — позвала я, внезапно очень испугавшись. Ее рука сжала мою. Бабушка открыла глаза, и в этот раз слезинка скатилась по ее бледной щеке. — Бабушка? — сказала я тише на этот раз.

— Я устала, деточка. Я устала, и мне почти пора уходить. Я просто хотела увидеть тебя в последний раз, чтобы отдать тебе эту банку. Поцеловать тебя, чтобы я смогла помнить тебя каждый день на небесах, пока не увижу тебя снова.

Моя нижняя губа снова задрожала, бабушка покачала головой.

— Никаких слез, девочка. Это не конец. Просто небольшая пауза в наших жизнях. И я буду приглядывать за тобой, каждый день. Я буду в твоём сердце. Буду в вишневой роще, что мы так сильно любим, под солнцем и при ветре.

Веки бабушки затрепетали, и руки мамы опустились на мои плечи.

— Поппи, подари бабушке крепкий поцелуй. Она устала, ей нужно отдохнуть.

Сделав глубокий вдох, я наклонилась вперед и прижалась в поцелуе к бабушкиной щеке.

— Я люблю тебя, бабушка, — прошептала я, и она погладила мои волосы.

— Я тоже люблю тебя, девочка. Ты свет моей жизни. Никогда не забывай, что я любила тебя так сильно, как бабушка вообще может любить свою малышку внучку.

Я держала ее за руку и не хотела отпускать, но мой папа поднял меня с кровати и в конце концов мне пришлось отпустить руку. Я очень сильно сжала свою банку, слезы капали на пол. Мой папа опустил меня на пол, и когда я повернулась уходить, бабушка окликнула меня по имени:

— Поппи?

Я оглянулась назад, и бабушка улыбалась...

— Помни, лунные сердца и солнечные улыбки...

— Я всегда буду помнить, — сказала я, но не чувствовала счастья. Все, что я чувствовала — это печаль. Я слышала, как мама плакала позади меня. Диди прошла мимо нас в коридоре. Она сжала мое плечо. На ее лице тоже была печаль.

Я не хотела быть здесь. Я больше не хотела находиться в этом доме. Развернувшись, я посмотрела на своего папу.

— Папа, могу я пойти в вишневую рощу?

Папа вздохнул.

— Да, малышка. Я приду и проверю тебя позже. Только будь осторожна. — Я увидела, что мой папа берет свой телефон и звонит кому-то. Он просил их последить за мной, пока я буду в роще, но я убежала прежде, чем поняла, с кем он говорил. Я направилась к передней двери, прижимая свою банку с тысячью пустыми незабываемыми поцелуями к груди. Выбежала из дома, затем с крыльца. Я бежала и бежала без остановки.

Слезы лились по моему лицу. Я слышала, как кричали мое имя.

— Поппи! Поппи, подожди!

Я оглянулась назад и увидела, что Рун наблюдает за мной. Он был на своем крыльце, но немедленно начал догонять меня по траве. Но я не остановилась, даже для Руна. Я должна была добраться до вишневых деревьев. Это было любимым местом моей бабушки. Я хотела быть в ее любимом месте. Потому что мне было грустно, из-за того, что она уйдет. Уйдет на небеса.

В ее настоящий дом.

— Поппи, подожди! Притормози! — кричал Рун, когда я повернула за угол к роще в парке. Я пробежала через вход, под огромными деревьями, которые были в полном цвету, и создали туннель над моей головой. Трава была зеленой под моими ногами, а над головой было голубое небо. Ярко-розовые и белые лепестки покрывали деревья. Дальше, в конце рощи, было самое большое дерево. Его ветки висели низко. Ствол был самым толстым во всей роще.

Оно было самым любимым у нас с Руном.

И у моей бабушки тоже.

Я задыхалась. Когда я была под любимым деревом моей бабушки, то опустилась на землю, сжимая свою банку, пока слезы текли по моим щекам. Я слышала, как Рун встал рядом со мной, но не подняла взгляд.

— Поппимин? — сказал Рун. Он так называл меня. Это означало «моя Поппи» по-норвежски. Я любила, когда он говорил на норвежском со мной. — Поппимин, не плачь, — прошептал он.

Но я ничего не могла поделать. Я не хотела, чтобы бабушка покидала меня, даже если и понимала, что она должна. Я знала, когда вернусь домой, бабушки уже не будет там — ни сейчас и ни когда-либо.

Рун опустился на место рядом со мной и притянул меня в объятия. Я прижималась к его груди и плакала. Я любила объятия Руна, он всегда так крепко держал меня.

— Моя бабушка. Рун, она больна и уходит.

— Я знаю. Моя мама сказала мне, когда я вернулся из школы.

Я кивнула у его груди. Когда больше не могла плакать, то села и вытерла щеки. Я посмотрела на Руна, который наблюдал за мной, и попыталась улыбнуться. Когда я это сделала, он взял мои руки в свои и притянул их к груди.

— Мне жаль, что ты грустишь, — сказал Рун и сжал мою руку. Его футболка была теплая от солнца. — Я не хочу, чтобы ты когда-нибудь грустила. Ты — Поппимин: ты всегда улыбаешься. Всегда счастлива.

Я шмыгнула носом и положила голову на его плечо.

— Я знаю. Но бабушка — мой лучший друг, Рун, и ее больше не будет со мной.

Рун ничего не сказал сначала, но затем заговорил:

— Я тоже твой лучший друг. Я никуда не собираюсь. Обещаю. Навсегда-навсегда.

Моя грудь, которая так сильно болела, внезапно перестала так сильно болеть. Я кивнула.

— Поппи и Рун навеки, — сказала я.

— Навеки, — повторил он.

Мы сидели в тишине некоторое время, пока Рун не спросил:

— Для чего эта банка? Что в ней?

Вытянув руку, я взяла банку и подняла ее в воздухе.

— Моя бабушка подарила мне новое приключение. То, что будет длиться всю мою жизнь.

Брови Руна были нахмурены, и его длинные светлые волосы упали на глаза. Я убрала их в сторону, и он полуулыбнулся, когда я сделала это. Все девочки в школе хотели, чтобы он так улыбался им, — они сами говорили мне. Но он улыбался только мне. Я говорила им, что никто из них в любом случае не может заполучить его, он был моим лучшим другом, и я не хотела делиться.

Рун махнул рукой в сторону банки.

— Я не понимаю.

— Ты помнишь, любимые воспоминания моей бабушки? Я рассказывала тебе.

Я видела, что Рун сосредоточенно думал, затем внезапно сказал:

— Поцелуй от твоего дедушки?

Я кивнула и сорвала бледно-розовый лепесток вишневого цветка с ветки, свисающей над моей головой. Я уставилась на лепесток. Они были бабушкины любимые. Она любила их, потому что они не оставались надолго. Она говорила мне, что самые лучшие и красивые вещи не остаются надолго. Вишневые цветки были слишком красивыми, чтобы цвести весь год. Они были особенные, потому что их жизнь коротка. Как самураи — чрезвычайная красота, быстрая смерть. Я все еще не до конца понимала, что это означало, но она сказала, что я пойму, когда стану старше.

Хотя я думала, она была права. Потому что моя бабушка не была такой старой, и она уходила молодая, по крайней мере, так сказал папа. Может, поэтому она так любила вишневые цветки. Потому что она была точно такой же.

— Поппимин?

Услышав голос Руна, я подняла голову.

— Я прав? Поцелуй твоего дедушки — любимые воспоминания твоей бабушки?

— Да, — ответила я, опуская лепесток, — из-за всех поцелуев, что она получала от него, ее сердце почти взрывалось. Бабушка сказала, что его поцелуй были самой лучшей вещью в мире. Потому что они означали, что он любит ее. Что он заботится о ней. И он любил ее за то, какой она была.

Рун сердито посмотрела на банку и фыркнул.

— Я все еще не понимаю.

Я рассмеялась, когда его губы надулись, а лицо сморщилось. У него были красивые губы, они были очень пухлые — губки бантиком. Я открыла банку и вытащила пустое розовое бумажное сердечко. Я вытянула его между собой и Руном.

— Это пустые поцелуи, — я указала на банку. — Бабушка дала мне тысячу таких, чтобы собрать за всю жизнь. — Я опустила сердце обратно в банку и взяла его за руку. — Новое приключение, Рун. Чтобы собрать тысячу незабываемых поцелуев от моей второй половинки, прежде чем я умру.

— Я... что... Поппи? Я в замешательстве! — сказал он, но я слышала злость в его голосе. Рун мог быть очень угрюмым, когда хотел.

Я вытащила ручку из кармана.

— Когда мальчик, которого я люблю, поцелует меня, когда это будет ощущаться так особенно, что мое сердце почти взорвется, — только сверхособенный поцелуй, — я напишу детали поцелуя на одном из сердечек. Это для тех времен, когда я буду старая и седая, и захочу рассказать своим внукам о самых особенных поцелуях в своей жизни. И о милом мальчике, что подарил мне их.

Я подскочила на ноги, волнение пробежало сквозь меня.

— Этого бабушка хотела от меня, Рун. Поэтому я должна скорее начать! Я хочу сделать это для нее.

Рун тоже подскочил на ноги. Именно в этот момент из-за порыва ветра лепестки с веток вишни пронеслись прямо там, где мы стояли, и я улыбнулась. Но Рун не улыбался. На самом деле он выглядел явно взбешенным.

— Ты собираешься целовать мальчика для своей банки? Особенного мальчика? Того, кого любишь? — спросил он.

Я кивнула.

— Тысяча поцелуев, Рун! Тысяча!

Рун покачал головой, его губы были поджаты.

— Нет! — зарычал он. Улыбка сошла с моего лица.

— Что? — спросила я.

Рун сделал шаг ближе, яростно качая головой.

— Нет! Я не хочу, чтобы ты целовала мальчика ради своей банки! Я не позволю этому произойти!

— Но... — я попыталась заговорить, но Рун взял мою руку в свою.

— Ты мой лучший друг, — сказал он и выпятил свою грудь, потянув мою руку. — Я не хочу, чтобы ты целовала мальчиков!

— Но я должна, — объяснила я, указывая на банку. — Я должна сделать это для своего приключения. Тысяча поцелуев — это много, Рун. Ты все еще будешь моим лучшим другом. Никто никогда не будет значить для меня больше, чем ты, глупенький.

Он сурово уставился на меня, затем на банку. В моей груди снова заболело, по выражению его лица я видела, что он несчастлив. Он снова был не в духе.

Я сделала шаг ближе к своему другу, и глаза Руна вперились в мои.

— Поппимин, — сказал он более глубоко, его голос был тверже и уверенней. — Поппимин! Это значит моя Поппи. Навечно и навсегда. Ты МОЯ Поппи!

Я открыла рот, чтобы крикнуть на него в ответ, сказать ему, что это приключение, которое я должна начать. Но когда я собралась сделать это, Рун наклонился вперед и внезапно прижал свои губы к моим.

Я замерла. Я не могла двинуть ни мускулом, когда чувствовала его губы на своих. Они были теплые. На вкус как корица. Из-за ветра его волосы щекотали мою щеку. Они начали щекотать мой нос.

Рун отстранился, но его лицо оставалось близко к моему. Я пыталась дышать, но в моей груди было забавное ощущение. Такое легкое и воздушное. И мое сердце билось так сильно. Так сильно, что я прижала руку к груди, чтобы почувствовать, как оно яростно бьется.

— Рун, — прошептала я. Я подняла руку, чтобы прижать пальцы к своим губам. Рун моргнул и затем снова моргнул, пока наблюдал за мной. Я вытянула руку и прижала свои пальцы к его губам.

— Ты поцеловал меня, — прошептала я ошеломленная. Рун поднял свою руку, чтобы взять мою. Он опустил наши соединенные руки к моему боку.

— Я подарю тебе тысячу поцелуев, Поппимин. Все их. Никто не будет целовать тебя, кроме меня.

Мои глаза расширились, но сердце не замедлилось.

— Это будет вечность, Рун. Никогда не целовать никого другого — это значит, что мы будем вместе вечность, и во веки веков!

Рун кивнул и затем улыбнулся. Он не часто улыбался. Обычно это была полуулыбка или ухмылка. Но он должен улыбаться. Он был очень красивым, когда это делал.

— Я понимаю. Потому что мы навечно и навсегда. Навеки, помнишь?

Я медленно кивнула головой и затем склонила ее в сторону.

— Ты подаришь мне все мои поцелуи? Достаточно, чтобы заполнить банку? — спросила я.

Рун еще раз улыбнулся мне.

— Все их. Мы заполним полную банку и больше. Мы соберем больше тысячи.

Я ахнула. Я внезапно вспомнила банку. Вытянула руку, чтобы достать свою ручку и

открыть крышку. Вытащила пустое сердечко и села писать. Рун сел на колени передо мной и положил руку на мою, помешав мне писать.

Я подняла взгляд в замешательстве. Он сглотнул, заправил свои длинные волосы за ухо и спросил:

— Когда... я... целовал... тебя... твое сердце почти взорвалось? Это было сверхособенно? Ты сказала, только сверхособенные поцелуи могут попасть в банку. — Его щеки окрасились в ярко-красный, и он опустил глаза.

Не думая, я наклонилась вперед и обернула руку вокруг шеи моего лучшего друга. Я прижала свою щеку к его груди и прислушалась к биению его сердца.

Оно билось так же быстро, как и мое.

— Было, Рун. Это было так особенно, как только могло быть.

Я ощутила, что Рун улыбнулся у моей головы, затем я отстранилась. Скрестила ноги и положила бумажное сердечко на крышку банки. Рун сел, тоже скрестив ноги.

— Что ты напишешь? — спросил он. Я постукивала ручкой по своим губам, упорно думая. Затем выпрямилась и наклонилась вперед, прижав ручку к бумаге.

— Было, Рун. Это было так особенно, как только могло быть.

Когда закончила писать, я опустила сердечко в банку и закрыла крышку. Я подняла взгляд на Руна, который наблюдал за мной все время, и гордо объявила:

— Вот. Мой первый незабываемый поцелуй.

Рун кивнул головой, но его глаза опустились к моим губам.

— Поппимин?

— Да? — прошептала я. Рун потянулся к моей руке. Он начал вырисовывать узоры на тыльной стороне кончиком пальца.

— Могу я... могу я снова поцеловать тебя?

Я сглотнула, чувствуя бабочек в животе.

— Ты хочешь снова поцеловать меня... уже?

Рун кивнул.

— Я уже некоторое время хотел поцеловать тебя. И сейчас ты моя и мне нравится это. Мне понравилось целовать тебя. Ты на вкус как сахар.

— Я ела печенье на обед. С пекановым маслом. Бабушкино любимое, — объяснила я.

Рун сделал глубокий вдох и наклонился. Его волосы упали вперед.

— Я хочу сделать это снова.

— Ладно.

И Рун поцеловал меня.

Он целовал меня и целовал, и целовал.

К концу дня у меня было еще на четыре больше незабываемых поцелуев в банке.

Когда я пришла домой, мама сказала мне, что моя бабушка ушла на небеса. Я побежала в свою комнату так быстро, как могла. Я поторопилась лечь спать. Как и обещала, бабушка была в моем сне. Поэтому я рассказала ей о пяти поцелуях от моего Руна.

Моя бабушка широко улыбнулась и поцеловала меня в щеку.

Я знала, что это будет лучшее приключение моей жизни.

2 глава

Рун

Два года назад

Пятнадцать лет

Зал погрузился в тишину, когда она вышла на сцену. Ну, не все было в тишине — кровь редела в моих ушах, когда моя Поппи аккуратно села. Она выглядела прекрасно в своем черном платье без рукавов; ее длинные каштановые волосы были убраны в пучок, сверху которого был бант.

Подняв фотоаппарат, что всегда висел у меня на шее, я приблизил объектив, когда она расположила смычок у струн виолончели. Я всегда любил ловить ее в этот момент. В момент, когда она закрывала свои зеленые глаза. В момент, когда на ее лице было самое идеальное выражение — взгляд, который появлялся до начала музыки. Выражение чистой страсти к звукам, что должны последовать.

Я сделал снимок в идеальное время, и затем заиграла мелодия. Опустив фотоаппарат, я сосредоточился только на Поппи. Я не мог фотографировать, пока она играла. Я не мог допустить, что пропущу хоть часть того, как она выглядела на сцене.

На моих губах появилась маленькая улыбка, когда ее тело начало раскачиваться под музыку. Она любила эту симфонию, играла ее так долго, как я мог помнить. Ей не нужны были ноты для этого. «Зелёные рукава»¹ лились из ее души с помощью смычка.

Я не мог перестать пялиться, мое сердце билось как гребаный барабан, когда губы Поппи дернулись в улыбке. Ее глубокие ямочки исчезли, когда она концентрировалась на сложных местах. Ее глаза оставались закрытыми, но можно было сказать, какую часть музыки она обожала. Ее голова наклонялась в сторону, а улыбка растягивалась на губах.

Люди не понимали, что даже после всего этого времени, она по-прежнему была моей. Нам было всего по пятнадцать, но с тех пор как я поцеловал ее в вишневой роще в восемь лет, никогда не было никого другого. Я был слеп ко всем другим девушкам. Я видел только Поппи. В моем мире существовала только она.

И она отличалась от всех других девочек в нашем классе. Поппи была необычная, не популярная. Ее не беспокоило, что о ней думают другие — никогда. Она играла на виолончели, потому что любила ее. Она читала книги, училась ради удовольствия, просыпалась рано, только чтобы посмотреть рассвет.

Вот почему она была для меня всем. Моим навечно и навсегда. Потому что она была уникальной. Уникальной, в городе полном точных копий красивых дурочек. Она не хотела чьего-то одобрения, не хотела никого обводить вокруг пальца и не хотела бегать за парнями. Она знала, что у нее есть я, как и я знал, что у меня есть она.

Мы были всем, что нам было нужно.

Я поерзал на своем сиденье; звук виолончели стал тише, когда Поппи заканчивала музыкальную партию. Снова подняв свой фотоаппарат, сделал финальный снимок, когда Поппи убрала свой смычок от струн, с довольным выражением, которое украшало ее красивое лицо.

Услышав звук аплодисментов, я опустил фотоаппарат. Поппи убрала инструмент от груди и встала на ноги. Она сделала небольшой поклон, затем осмотрела зал. Ее глаза встретились с моими, она улыбнулась.

Я думал, что мое сердце выскочит из груди.

Я ухмыльнулся в ответ, убирая свои волосы от лица с помощью пальцев. Щечки Поппи покраснели, затем она покинула сцену; освещение зрительного зала заполнило помещение. Поппи была последней выступающей. Она всегда закрывала концерт. Она была лучшим музыкантом в районе в нашей возрастной группе. По моему мнению, она затмевала всех людей из последующих трех возрастных групп.

Один раз я спросил у нее, как у нее получается так играть. Она ответила мне просто: мелодия выливается из-под ее смычка так же легко, как она дышит. Я не мог представить себе, что означает иметь такой талант. Но это была Поппи — самая изумительная девушка в мире.

Когда аплодисменты стихли, люди начали покидать зал. Рука прижалась к моей. Миссис Личфилд вытирала свои слезы. Она всегда плакала, когда Поппи выступала.

— Рун, милый, нам нужно отвезти этих двоих домой. Ты встретишь Поппи?

— Да, мэм, — ответил я и тихо рассмеялся над Идой и Саванной. Сестренки Поппи, девяти и одиннадцати лет, спали на своих местах. Они не очень увлекались музыкой, не как Поппи.

Мистер Личфилд закатил глаза и слегка помахал, затем повернулся к девочкам, чтобы забрать их домой. Миссис Личфилд поцеловала меня в макушку, и затем они ушли.

Когда шел по проходу, я слышал шепот и хихиканья, доносящиеся справа. Посмотрев на те места, я заметил группу девятиклассниц, которые смотрели в мою сторону. Я опустил голову, игнорируя их взгляд.

Такое случалось часто. Я понятия не имел, почему так много девочек оказывало мне столько внимания. Я был с Поппи так долго, как себя помню. Я не хотел никого другого. Я желал, чтобы они перестали пытаться забрать меня у моей девочки — такого никогда не случится.

Я прошел через выход и направился к закулисной двери. Воздух был уплотненным и влажным, из-за чего моя черная рубашка липла к телу. Мои черные джинсы и черные ботинки, вероятно, были слишком теплыми для весенней погоды, но я одевался в таком стиле каждый день, независимо от погоды.

Видя, как выступающие начали выходить за дверь, я прислонился к стене зала, приставив ногу к окрашенной белым кирпичной стене. Я скрестил руки на груди, только раскрывая их, чтобы убрать волосы с глаз.

Я наблюдал, как выступающие обнимаются со своими семьями, затем заметил тех же самых девушек, что пялились на меня, и опустил глаза в пол. Я не хотел, чтобы они подходили. Мне было нечего им сказать.

Мой взгляд все еще был опущен, когда я услышал шаги рядом с собой. Я поднял голову как раз, когда Поппи бросилась ко мне, ее руки обернулись вокруг моей спины, сжимая меня крепко.

Я рассмеялся и обнял ее в ответ. Я был ростом уже почти сто восемьдесят три сантиметра, поэтому возвышался над ста пятьюдесятью двумя сантиметрами Поппи. Хотя мне нравилось, как она идеально мне подходила.

Глубоко вдохнув, я вобрал приторно-сладкий запах ее духов и прижал щеку к ее голове. После последнего сжатия, Поппи отстранилась и улыбнулась мне. Ее зеленые глаза сильнее выделялись из-за туши и легкого макияжа, ее губы розовые и пухлые от вишневого бальзама для губ.

Я провел руками по ее бокам и выше, остановившись, когда они обхватили ее мягкие щеки. Реснички Поппи затрепетали, отчего она выглядела очень мило.

Не в силах сопротивляться желанию почувствовать ее губы на своих, я медленно наклонился вперед, почти улыбаясь, услышав, как Поппи затаила дыхание, как она делала каждый раз, когда я целовал ее, в тот самый момент, прежде чем наши губы соприкасались.

Когда наши губы встретились, я выдохнул через нос. Поппи всегда была такой на вкус — вишневой, как ее бальзам для губ, который заполнил мой рот. И Поппи поцеловала меня в ответ, ее маленькие ручки все еще крепко сжимали мою черную рубашку.

Медленно и нежно я ласкал ее рот, пока, наконец, не отстранился, оставив три коротких легких поцелуя на ее опухших губах. Я сделал вдох и наблюдал, как ее глаза, затрепетав, открылись.

Ее зрачки были расширены. Она облизала свою нижнюю губу, прежде чем сверкнула яркой улыбкой.

— Поцелуй триста пятьдесят два. С моим Руном у стены зрительного зала. — Я задержал дыхание, ожидая, что она продолжит. Блеск в глазах Поппи сказал мне, что слова, которые я надеялся услышать следующими, слетят с ее губ. Наклонившись ближе, балансируя на цыпочках, она прошептала: — И мое сердце почти взорвалось. — Она записывала только сверхособенные поцелуи. Только те, что переполняли ее сердце. Каждый раз, когда мы целовались, я ждал этих слов.

Каждый раз, когда она произносила их, она восхищала меня своей улыбкой.

Поппи рассмеялась. Я не удержался и широко улыбнулся на звук счастья в ее голосе. Затем прижался в еще одном быстром поцелуе к ее губам и сделал шаг назад, закинув руку на ее плечо. Я прижал ее ближе и расположил щеку на макушке ее головы. Рука Поппи обвивала мою спину и живот, и я повел ее от стены. Когда я сделал это, Поппи замерла.

Я поднял голову и увидел, что девятиклассницы показывают на Поппи и шепчутся друг с другом. Их взгляды были сосредоточены на Поппи в моих руках. Мои челюсти сжались. Я ненавидел, что они относились к ней так из-за ревности. Большинство девушек никогда не давали Поппи и шанса, потому что хотели то, что было у нее. Поппи говорила, что ей все равно, но я видел, что все не так. Тот факт, что она застыла в моих руках, говорил о многом.

Переминаясь с ноги на ногу перед Поппи, я ждал, когда она поднимет голову. Как только она сделала это, я категорично заявил:

— Игнорируй их.

Мой желудок ухнул вниз, когда я наблюдал ее вымученную улыбку.

— Я игнорирую, Рун. Они не беспокоят меня.

Я наклонил голову в сторону и приподнял брови. Поппи покачала головой.

— Это правда. Я уверяю тебя, — попыталась солгать она. Поппи посмотрела мне через плечо и пожала плечами. Когда она встретила глазами с моими, то сказала: — Но я понимаю это. Я хочу сказать, посмотри на себя, Рун. Ты великолепен. Высокий, загадочный, необычный... Норвежец! — Она рассмеялась и прижала ладонь к моей груди. — В тебе есть все признаки «плохиша». Девочки ничего не могут поделать, и хотят тебя. Ты — это ты. Ты совершенство.

Я сделал шаг ближе и наблюдал, как ее зеленые глаза расширились.

— И ты, — добавил я.

Напряжение спало с ее плеч.

Я положил свою руку на ее, что все еще была на моей груди.

— И я не загадочный, Поппимин. Ты знаешь обо мне все, нет никаких секретов и тайн.

— Для меня, — спорила она, еще раз встретившись со мной взглядом. — Ты не загадочный для меня, но ты такой для всех девочек в школе. Все они хотят тебя.

Я вздохнул, начиная злиться.

— А все, чего хочу я, — это ты. — Поппи смотрела на меня, как будто хотела что-то найти в моем выражении лица. Это только раздражало меня больше. Я переплел наши пальцы и прошептал:

— Навеки.

Искренняя улыбка растянулась на губах Поппи.

— Навечно и навсегда, — она, наконец, прошептала в ответ.

Я опустил голову, чтобы прижаться лбом к ее. Мои руки обхватили ее щеки, и я заверил ее:

— Я хочу тебя и только тебя. Я понял это, когда мне было пять лет, и ты пожала мою руку. Никакая другая девушка не изменит этого.

— Да? — спросила Поппи, но я мог слышать, что веселье вернулось в ее милый голосок.

— Ja, — я ответил на норвежском, услышав сладкий звук ее хихиканья в своих ушах. Она любила, когда я говорил на своем родном языке. Я поцеловал ее в лоб, затем сделал шаг назад, продолжая держать ее руки. — Твои мама и папа повезли девочек домой, они попросили меня передать тебе.

Она кивнула, а затем посмотрела на меня с беспокойством.

— Что ты думаешь насчет сегодня?

Я закатил глаза, сморщив нос.

— Как всегда ужасно, — сказал я сухо.

Поппи рассмеялась и ударила меня по руке.

— Рун Кристиансен! Не будь таким грубым! — отчитала она меня.

— Ладно, — сказал я, притворяясь раздраженным. Я прижал ее к своей груди, обернув руки вокруг спины, удерживая Поппи возле себя. Она завизжала, когда я начал целовать ее щеку вверх и вниз, держа ее руки прижатыми к бокам. Я опустил губы к ее шее, и она задержала дыхание, все смешки были забыты.

Я переместил рот выше и прикусил мочку ее уха.

— Ты была изумительна, — прошептал я тихо. — Как всегда. Ты была идеальна. Ты владеешь этой сценой. Владеешь всеми в этой комнате.

— Рун, — пробормотала она, я слышал счастливые нотки в ее голосе.

Я отстранился, все еще не расцепляя рук.

— Я горжусь тобой, когда вижу на этой сцене, — признался я.

Поппи покраснела.

— Рун, — сказала она застенчиво, но я наклонил голову, чтобы удержать контакт глаза в глаза, когда она пыталась увернуться. — «Карнеги-холл», помнишь. В один прекрасный день, я буду смотреть твоё выступление в «Карнеги-холл».

Поппи удалось освободить одну руку, и она шлепнула меня по руке.

— Ты мне льстишь.

Я покачал головой.

— Никогда. Я говорю только правду.

Поппи прижала свои губы к моим, и я прочувствовал ее поцелуй до кончиков пальцев на ногах. Когда она отстранись, я отпустил и разжал наши пальцы.

— Мы пойдем на поле? — спросила она, когда я начал вести ее по парковке, держа ее как можно ближе, когда мы проходили мимо группы девятиклассниц.

— Я бы предпочел побыть вдвоем с тобой, — сказал я.

— Джори спросила, придем ли мы. Все будут там. — Поппи посмотрела на меня. По тому как дергались ее губы, я знал, что хмурюсь. — Сегодня вечер пятницы, Рун. Нам по пятнадцать, и ты проводишь большую часть вечеров, наблюдая, как я играю на виолончели. У нас осталось полтора часа до комендантского часа, мы, правда, должны увидеться с нашими друзьями как нормальные подростки.

— Ладно, — я сдался и обернул руку вокруг ее плеча. Наклонившись, я прижал рот к ее уху и сказал: — Но завтра ты будешь в моем распоряжении.

Поппи обняла меня за талию и крепко сжала.

— Обещаю.

Мы услышали, что девочки позади нас упомянули мое имя. Я раздраженно вздохнул, когда Поппи слегка напруглась.

— Это потому что ты другой, Рун, — сказала Поппи, не поднимая головы. — Ты любишь искусство, увлечен фотографией. Носишь темную одежду. — Она рассмеялась и покачала головой. Я убрал волосы со своего лица, и Поппи указала на это. — Но в основном из-за этого.

Я нахмурился.

— Из-за чего?

Она вытянула руку и потянула прядь моих длинных волос.

— Когда ты делаешь это. Когда откидываешь свои волосы назад. — Я приподнял бровь, озадаченный. Поппи пожала плечами. — Это в какой-то степени неотразимо.

— Ja? — сказал я, прежде чем остановился и встал перед Поппи, слишком демонстративно убирая волосы назад, пока она не засмеялась. — Неотразимо, ага? Так тоже?

Поппи захихикала и убрала мою руку от волос, чтобы обернуть вокруг своей. Когда мы были на пути к полю — части парка, где подростки с нашей школы зависали по вечерам — Поппи сказала:

— На самом деле меня не беспокоит, что другие девушки смотрят на тебя. Я знаю, что ты чувствуешь ко мне, потому что я чувствую к тебе то же самое. — Поппи закусил нижнюю губу. Я знал, что это из-за того, что она нервничала, но не знал почему, пока она не сказала: — Единственная девушка, которая беспокоит меня — это Эйвери. Потому что она

так долго хочет тебя, и я уверена, что она сделает все, чтобы заполучить тебя.

Я покачал головой. Мне даже не нравилась Эйвери, но так как она была в нашей группе друзей, она всегда околачивалась поблизости. Всем моим друзьям нравилась она, они все думали, что Эйвери самая красивая в округе. Но я никогда не замечал этого, и я ненавидел, как она относилась ко мне. Ненавидел то, что из-за нее Поппи беспокоилась.

— Она ничего не значит, Поппимин, — успокоил я ее. — Ничего.

Поппи прижалась ближе к моей груди, и мы повернули направо к нашим друзьям. Я прижимал Поппи ближе с каждым нашим шагом. Эйвери выпрямилась, когда мы подошли.

Повернув голову к Поппи, я повторил:

— Ничего.

Поппи схватилась за мою рубашку, показывая мне, что слышала меня. Ее лучшая подруга Джори подпрыгнула на ноги.

— Поппи! — закричала Джори взволнованно, подойдя и притянув Поппи в объятия. Мне нравилась Джори. Она была легкомысленная, редко думала, прежде чем сказать, но любила Поппи, а Поппи любила ее. Она была одной из немногих в нашем маленьком городке, которая находила причудливость Поппи привлекательной, а не просто странной.

— Как ты, милая? — спросила Джори, делая шаг назад. Она осмотрела черное платье для выступления. — Ты выглядишь прекрасно! Так чертовски мило!

Поппи склонила голову в знак благодарности. Я снова взял ее за руку, повел нас вокруг небольшого костра, что они зажгли в костровой чаше, и мы сели. Я прислонился к длинной скамейке, потянув Поппи вниз — сесть между моих ног. Она сверкнула улыбкой, когда садилась со мной, прижав свою спину к моей груди, а голову к моей шее.

— Итак, Попс, как все прошло? — Джайсон, мой лучший друг, спросил через костер. Мой другой близкий друг, Дикон, сидел рядом со мной. Он кивнул подбородком в приветствии, его подруга Руби махнула нам тоже.

Поппи пожала плечами.

— Нормально, я полагаю.

Когда я обернул руку вокруг ее груди, держа ее крепко, я посмотрел на своего темноволосого друга и добавил:

— Звезда концерта. Как всегда.

— Это просто виолончель, Рун. Ничего слишком особенного, — тихо спорила Поппи.

Я покачал головой, протестуя.

— Она вызвала бурные овации.

Я увидел, что Джори улыбнулся мне. Я также заметил, что Эйвери пренебрежительно закатила глаза. Поппи проигнорировала Эйвери и начала болтать с Джори по поводу уроков.

— Да ладно, Попс. Я клянусь, что мистер Миллер гребаный злой пришелец. Или демон. Черт, он откуда-то за пределами того, что мы знаем. Вызван директором, чтобы мучить нас — слабых молодых землян слишком сложной алгеброй. Вот, как он получает жизненную силу, я уверена в этом. И я думаю, что он осведомлен обо мне также. Ну, тот факт, что он знает, что я понимаю его внеземное происхождение, потому что, Господи, этот человек продолжает опускать меня и посылать уничижительные взгляды.

— Джори! — Поппи рассмеялась так сильно, что все ее тело затряслось. Я улыбнулся на ее веселье, затем абстрагировался и наклонился дальше к скамейке, пока наши друзья болтали. Я лениво вырисовывал узоры на руках Поппи, ожидая нашего ухода. Я не возражал сидеть с нашими друзьями, но предпочитал быть с ней наедине. К ее компании я стремился, единственное место, где я хотел быть, — с ней.

Поппи захихикала на что-то, что еще сказала Джори. Ее смех был таким сильным, что она толкнула фотоаппарат вокруг моей шеи, в сторону. Поппи извиняющейся улыбнулась. Я наклонился, поднял ее подбородок своим пальцем и поцеловал ее в губы. Я хотел только быстрый и нежный поцелуй, но когда рука Поппи запуталась в моих волосах, притягивая меня ближе, он стал чем-то большим. Когда Поппи приоткрыла губы, я встретился своим языком с ее, потеряв свое дыхание.

Пальцы Поппи потянули мои волосы. Я обхватил ее щеку, чтобы продолжить поцелуй так долго, как это возможно. Если бы мне не нужно было дышать, полагаю, я бы никогда не переставал целовать ее.

Потерянные в поцелуе, мы разорвали его только тогда, когда кто-то прочистил горло на другой стороне костра. Я поднял голову и увидел ухмылку Джадсона. Когда опустил взгляд на Поппи, ее щеки горели. Наши друзья смеялись, а я крепче сжал Поппи. Я не был смущен тем, что целовал свою девочку.

Разговор снова возобновился, и я поднял фотоаппарат проверить, в порядке ли он. Мама с папой подарили мне его на тринадцатый день рождения, когда заметили, что фотографирование становится моей страстью. Это был винтажный Canon 1960 года. Я брал его с собой везде, делая тысячи фотографий. Я не знал почему, но ловить моменты — очаровывало меня. Возможно, потому что иногда всё, что у нас было — это моменты. Нет дублей... всё, что происходит в настоящий момент, определяет жизнь, возможно, это и есть сама жизнь. Но, если запечатлеть эти моменты на пленку, то они могут жить вечно. Для меня фотографии были магией.

Я мысленно прокрутил фотопленку. Фотографии дикой природы и вишневых деревьев из рощи крупным планом занимали большую часть пленки. Затем были сегодняшние фото Поппи. Ее красивое лицо, когда музыка завладевает ею. Еще я видел это выражение на ее лице только, когда она смотрела на меня. Для Поппи я был особенным, как и ее музыка.

В обоих случаях связь была нерушима.

Вытащив свой телефон, я поднял его перед нами, камера была направлена на нас. Поппи больше не принимала участие в разговоре вокруг нас. Она молча проводила пальцами по моей руке. Застав ее врасплох, я сделал фото как раз тогда, когда она посмотрела на меня. Я захихикал, когда ее глаза сощурились в раздражении. Хотя знал, что она не была зла, несмотря на усилие, которые она приложила, чтобы так выглядеть. Поппи любила все наши фото, даже если они были сделаны, когда она меньше всего этого ожидала.

Когда сфокусировался на своем телефоне, моё сердце сразу же начало учащенно биться. На фото, когда Поппи смотрела на меня, она выглядела прекрасно. Но меня сразило наповал выражение ее лица. Взгляд в ее зеленых глазах.

В этот момент, в этот единственный захваченный момент, попал тот самый взгляд. Тот, что она дарила мне так же охотно, как и своей музыке. Тот, что говорил мне, что я владею ею так же, как она мной. Тот, что гарантировал, что мы оставались вместе все эти годы. Тот, что говорил, что хоть мы и молоды, мы знали, что нашли свою вторую половинку друг в друге.

— Дашь мне посмотреть?

Тихий голос Поппи отвлек мое внимание от экрана. Она улыбалась мне, и я опустил телефон, чтобы она увидела.

Я смотрел на Поппи, не на фото, когда ее взгляд опустился на экран. Я видел, как ее взгляд смягчился, и намек на легкую улыбку коснулся ее губ.

— Рун, — прошептала она, когда потянулась, чтобы взять мою свободную руку.

Я сжал ее руку, и она сказала:

— Я хочу копию этой фотографии. Она идеальна. — Я кивнул и поцеловал ее в макушку.

Я думаю, поэтому-то я и любил фотографировать. С помощью этого можно было вытащить на поверхность чистые, настоящие эмоции за долю секунды.

Выключая камеру на своем телефоне, я увидел изображение на экране.

— Поппимин, — сказал я тихо, — нам нужно домой. Становится поздно.

Поппи кивнула. Я встал на ноги и потянул ее вверх.

— Вы уходите? — спросил Джадсон.

Я кивнул.

— Да. Увидимся в понедельник.

Я помахал им всем и взял Поппи за руку. Мы не говорили много по пути домой. Когда остановились у дверей Поппи, я притянул ее ближе к себе и расположил руку сбоку ее шеи.

Поппи посмотрела на меня.

— Я так горжусь тобой, Поппимин. Нет никаких сомнений, что ты поступишь в «Джюльярд». Твоя мечта сыграть в «Карнеги-холл» воплотится в жизнь.

Поппи ярко улыбнулась и потянула ремешок фотоаппарата вокруг моей шеи.

— А ты поступишь в школу искусств «Тиш» в Нью-Йорке. Мы поедем в НЙ вместе, как это всегда и должно было быть. Как мы всегда планировали.

Я кивнул и коснулся губами ее щеки.

— Тогда не будет больше никакого комендантского часа, — пробормотал я, поддразнивая. Поппи рассмеялась. Перемещаясь к ее рту, я прижался в нежном поцелуе к ее губам и отстранился.

Когда я выпустил ее руку, мистер Личфилд открыл дверь. Он увидел, как я отхожу от его дочери, и покачал головой, посмеиваясь. Он точно знал, что мы делали.

— Спокойной ночи, Рун, — сказал он сухо.

— Спокойной ночи, мистер Личфилд, — ответил я, видя, как Поппи покраснела, когда он жестом показал ей войти внутрь.

Я пошел по траве к своему дому. Открыл дверь, прошел через гостиную и увидел, что мои родители расположились на диване. Они оба сидели, подавшись вперед на своих местах, и казалось, были напряжены.

— Привет, — сказал я, и мама подняла голову.

— Привет, малыш, — сказала она.

Я нахмурился.

— Что не так? — спросил я, и мама стрельнула взглядом в отца.

Она покачала головой.

— Ничего, малыш. Поппи играла хорошо? Извини, что мы не смогли прийти.

Я уставился на своих родителей. Они что-то скрывали, я точно знал. Когда они не продолжили, я медленно кивнул, отвечая на их вопрос.

— Она была идеальна. Как всегда.

Я подумал, что заметил слезы в глазах мамы, но она быстро сморгнула их. Желая избежать неловкости, я поднял свой фотоаппарат.

— Я проявлю пленку и пойду спать.

Когда я повернулся уходить, мой папа сказал:

— Завтра мы собираемся семьей, Рун.

Я остановился как вкопанный.

— Я не могу пойти. Планировал провести день с Поппи.

Мой папа покачал головой.

— Не завтра, Рун.

— Но... — я собирался спорить, но папа перебил меня, его тон был неумолимым.

— Я сказал «нет». Ты едешь, это не обсуждается. Вы сможете увидеться с Поппи, когда мы вернемся. Мы уедем не на весь день.

— Что на самом деле происходит?

Мой папа подошел, чтобы встать возле меня. Он положил руку мне на плечо.

— Ничего, Рун. Я просто мало вижу вас из-за работы. Я хочу изменить это, поэтому мы проведем день на пляже.

— Ну, тогда может Поппи поехать с нами? Она любит пляж. Это ее второе любимое место.

— Не завтра, сынок.

Я стоял молча, начиная злиться, но видел, что он был непреклонен. Папа вздохнул.

— Иди прояви фотографии, Рун, и перестань беспокоиться.

Делая, как и сказал, я спустился в подвал, в небольшую боковую комнату, которую папа преобразовал в фотолабораторию для меня. Я все еще проявлял пленку в старом стиле, вместо того, что пользоваться цифровой камерой. Я думал, что это приводит к более лучшему результату.

Через двадцать минут, я отступил от линии новых фото. Я также распечатал фото со своего телефона — Поппи и я на поле. Я поднял его и понес к себе в спальню. По пути просунул голову в спальню Алтона, когда проходил мимо, проверяя, спал ли мой двухлетний брат. Он спал, свернувшись у своего коричневого плюшевого медведя, его непослушные светлые волосы разметались по подушке.

Зашел к себе в комнату и включил лампу. Я посмотрел на часы и отметил, что уже почти полночь. Проведя рукой по лицу, я подошел к окну и улыбнулся, когда увидел, что дом Личфилдов погрузился в темноту, остался только тусклый свет от прикроватной лампы Поппи — сигнал Поппи, что все чисто, и я мог идти.

Я закрыл свою дверь и выключил лампу. Комната погрузилась в темноту. Я быстро переоделся в свои штаны и футболку для сна. Тихо поднял окно и вылез. Я пробежал по траве между нашими домами и забрался в комнату Поппи, закрывая окно так быстро, как мог.

Поппи была в кровати под одеялом. Ее глаза были закрыты, а дыхание было тихим и ровным. Улыбнувшись на то, какой милой она выглядела с рукой под щекой, я подошел, положил подарок на тумбочку и забрался рядом с ней на кровать.

Я лег рядом с ней, моя голова делила с ней одну подушку.

Мы проделывали это годами. Первый раз, когда я остался, был случайностью. Я забрался в ее комнату в двенадцать, чтобы поговорить, но уснул. К счастью, я проснулся достаточно рано следующим утром, чтобы прокрасться к себе в спальню незамеченным. Но на следующую ночь я остался целенаправленно, и на ночь после этого, и так почти каждую ночь. К счастью, нас не поймали. Я не был уверен, что буду нравиться мистеру Личфилду так же, если он узнает, что я сплю в кровати его дочери.

Но оставаться рядом с Поппи в кровати становилось все труднее и труднее. Сейчас, когда мне было пятнадцать, я чувствовал себя по-другому рядом с ней. Я видел ее по-другому. И я знал, что она тоже. Мы целовались все больше и больше. Поцелуи становились все более страстными, наши руки стали исследовать те части тела, что не должны были. Становилось все труднее и труднее останавливаться. Я хотел большего. Я хотел свою девочку каждым возможным способом.

Но мы были молоды. Я понимал это.

Хотя от этого не становилось легче.

Поппи завозилась рядом со мной.

— Я задавалась вопросом, придешь ли ты сегодня. Я ждала, но тебя не было в твоей комнате, — сказала она сонно, когда убрала мои волосы с лица.

Схватив ее руку, я поцеловал ее ладонь.

— Мне нужно было проявить пленку, и мои родители вели себя странно.

— Странно? Как? — сказала она, подбираясь ближе и целуя меня в щеку.

Я покачал головой.

— Просто... странно. Я думаю, что-то происходит, но они говорят мне не беспокоиться.

Даже в тусклом свете я видел, что Поппи свела брови от беспокойства. Я сжал ее руку, подбадривая.

Вспоминая подарок, что принес ей, я вытянул руку за себя и поднял фото в простой серебристой рамке с тумбочки. Я нажал на значок фонарика на своем телефоне и протянул фотографию Поппи, чтобы она могла лучше рассмотреть.

Она тихо вздохнула, и я наблюдал, как улыбка осветила ее лицо. Она держала рамку и поглаживала пальцами стекло.

— Я люблю это фото, Рун, — прошептала она, затем поставила его на тумбочку. Она смотрела на него еще несколько секунд, затем повернулась ко мне.

Поппи подняла одеяло и держала его, чтобы я мог забраться под него. Я положил свою руку на талию Поппи и переместился ближе к ее лицу, оставляя нежные поцелуи на ее щеках и шее.

Когда я поцеловал местечко за ее ушком, Поппи начала хихикать и отстраняться.

— Рун! — прошептала она. — Щекотно!

Я отстранился и взял ее за руку.

— Так, — Поппи подняла другую руку, чтобы играть с длинной прядью моих волос, — чем займемся завтра?

Закатив глаза, я ответил:

— Ничем, папа хочет, чтобы мы устроили семейный день. На пляже.

Поппи села от возбуждения.

— Правда? Я люблю пляж!

Мой желудок ухнул вниз.

— Он сказал, что мы поедem одни, Поппи. Только семьей.

— Ох, — сказала Поппи, разочарованно. Она легла на кровать. — Я сделала что-то не так? Твой папа всегда приглашал меня с вами.

— Нет, — заверил я ее. — Об этом я и говорил. Они вели себя странно. Он сказал, что хочет, чтобы мы провели день семьей, но я думаю, тут есть что-то еще.

— Хорошо, — сказала Поппи, но я мог слышать печаль в ее голосе.

Я обхватил ее голову и пообещал.

— Я вернусь к ужину. Мы проведем завтрашний вечер вместе.

Она положила руки на мои запястья.

— Хорошо.

Поппи уставилась на меня, ее зеленые глаза были большими в тусклом свете. Я погладил ее волосы рукой.

— Ты так прекрасна, Поппи.

Мне не нужен был свет, чтобы увидеть, что она покраснела. Я сократил небольшое пространство между нами и обрушил свои губы на ее. Поппи вздохнула, когда я протиснул свой язык в ее рот, ее руки схватили меня за волосы.

Это ощущалось так хорошо, рот Поппи становился все более жаждущим, чем больше мы целовались, я опустил руки, чтобы провести по ее голым рукам и затем к талии.

Поппи легла на спину, когда моя рука скользнула вниз, чтобы коснуться ее ноги. Я навис над ней, и Поппи отстранилась от моего рта с придыханием. Но я не перестал целовать ее. Я покрывал поцелуями ее подбородок, перемещаясь к шее, мои руки скользили по ее ночнушке, чтобы погладить нежную кожу ее талии.

Пальцы Поппи потянули меня за волосы, и она приподняла левую ногу, чтобы обернуть ее вокруг задней части моего бедра. Я застонал у ее горла, снова перемещаясь, чтобы завладеть ее ртом. Когда мой язык скользнул по ее, я переместил пальцы дальше по ее телу. Поппи разорвала поцелуй.

— Рун...

Я опустил голову к сгибу между ее шеей и плечом, глубоко вдыхая. Я хотел ее так сильно, что это было сложно принять.

Я вдохнул и выдохнул, когда Поппи погладила мою спину рукой вверх и вниз. Я сфокусировался на ритме ее пальцев, вынуждая себя успокоиться.

Проходила минута за минутой, но я не двигался. Я был доволен, когда лежал на Поппи, вдыхая ее тонкий аромат, мои руки были на ее мягком животе.

— Рун? — прошептала Поппи. Я поднял голову.

Рука Поппи немедленно оказалась на моей щеке.

— Малыш? — прошептала она, и я мог слышать беспокойство в ее голосе.

— Я в порядке, — прошептал я в ответ, сохраняя свой голос таким тихим, как это было возможно, чтобы не разбудить ее родителей. Я посмотрел в ее глаза. — Я просто хочу тебя так чертовски сильно, — я опустил свой лоб к ее и добавил: — Когда мы делаем так, когда позволяем себе зайти так далеко, я как будто теряю свой разум.

Пальцы Поппи зарылись в мои волосы, и я закрыл глаза, любя ее прикосновения.

— Мне жаль, я...

— Нет, — сказал я яростно, немного громче, чем намеревался. Я отодвинулся. Глаза Поппи округлились. — Не надо. Не извиняйся за то, что остановила меня, ты никогда не

должна извиняться за это.

Поппи приоткрыла свои распухшие от поцелуев губы и вздохнула.

— Спасибо тебе, — прошептала она. Я переместил руку и опустил пальцы, чтобы переплести с ее.

Сдвинувшись в сторону, я раскрыл объятие и показал головой, чтобы она подвинулась ко мне. Она положила голову мне на грудь. Я закрыл глаза и просто сосредоточился на своем дыхании.

В конце концов, сон начал одолевать меня. Поппи проводила пальцами по моему животу. Я почти уснул, когда Поппи прошептала:

— Ты — мое всё, Рун Кристиансен, я надеюсь, ты знаешь это.

Мои глаза сразу открылись, а грудь переполнилась эмоциями. Положив пальцы под ее подбородок, я приподнял его вверх. Ее рот ждал моего поцелуя.

Я целовал ее нежно, сладко и медленно. Глаза Поппи оставались закрытыми, и она улыбнулась. Чувствуя, что моя грудь готова взорваться от довольного взгляда на ее лице, я прошептал:

— Навеки.

Поппи прижалась к моей груди и прошептала в ответ:

— Навечно и навсегда.

И мы оба уснули.

3 глава

Рун

— Рун, нам нужно поговорить, — сказал папа, когда мы обедали в ресторане с видом на пляж.

— Вы собираетесь разводиться?

Лицо папы побледнело.

— Боже, нет, Рун, — заверил он меня быстро и взял маму за руку, чтобы подчеркнуть это. Мама улыбнулась мне, но я видел, что в ее глазах стоят слезы.

— Тогда что? — спросил я. Мой папа медленно откинулся на стуле.

— Твоя мама расстроена моей работой, не мной. — Я был в замешательстве, пока он не добавил: — Меня отправляют назад в Осло, Рун. У компании возникли проблемы там, и меня отправляют, чтобы устранить их.

— Надолго? — спросил я. — Когда ты вернешься?

Мой папа провел рукой по своим густым, коротким светлым волосам, так же как делал я.

— Вот в чем загвоздка, — сказал он осторожно. — Это может занять годы. Или месяцы. — Он вздохнул. — Реалистично будет сказать — от одного до трех лет.

Мои глаза расширились.

— Ты оставишь нас в Джорджии на такой большой срок?

Мама вытянула руку и накрыла ею мою. Я уставился на нее безэмоционально. Затем истинные последствия того, что сказал папа, начали просачиваться в мой мозг.

— Нет, — сказал я себе под нос, зная, что он не сделает этого со мной. Не может сделать этого.

Я поднял голову. Чувство вины было написано на их лицах.

Я знал, что это была правда.

Сейчас я все понял. Почему мы приехали на пляж. Почему он хотел, чтобы мы были одни. Почему он отказал в компании Поппи.

Мое сердце бешено колотилось, когда я беспокойно перебирал руками на столе. Мой разум обдумывал все... они бы не... он бы не... я не смогу!

— Нет, — выплюнул я громко, привлекая взгляды с ближайших столиков. — Я не

поеду. Я не оставлю ее.

В поисках поддержки, я повернулся к маме, но она опустила голову. Я отдернул свою руку от ее.

— Мама? — молил я, но она медленно покачала головой.

— Мы семья, Рун. Мы не можем расстаться на такой большой срок. Мы должны поехать все вместе.

— Нет! — в этот раз я закричал, отталкивая свой стул от стола. Я встал на ноги, мои кулаки сжались по бокам. — Я не оставлю ее! Вы не заставите меня! Это наш дом. Здесь! Я не хочу возвращаться в Осло.

— Рун, — сказал папа примирительно, вставая из-за стола и протягивая мне руку. Но я не мог находиться так близко к нему. Развернувшись на пятках, я выбежал из ресторана, так быстро как мог, и направился на пляж. Солнце исчезло за густыми облаками, в результате чего холодный ветер поднимал песок. Я продолжал бежать, направляясь к дюнам, грубый песок ударял мне в лицо.

Когда я бежал, то пытался бороться со злостью, которая закипала внутри меня. Как они могли сделать это со мной? Они знали, как я сильно нуждался в Поппи.

Я трясся от злости, когда взбирался на самую высокую дюну и опускался, чтобы сесть на пике. Я лег на спину и уставился в серое небо, представляя жизнь в Норвегии без нее. Меня затошнило. Затошнило только от мысли, что ее не будет рядом со мной, я не смогу держать ее за руку, целовать ее губы...

Я едва мог дышать.

Мой разум усиленно работал, обдумывая идеи, которые помогут мне остаться. Я обдумывал каждую возможность, но знал своего отца. Когда он решил что-то, ничего не могло изменить его мнения. Взгляд на его лице ясно дал мне понять, что не было иного выхода. Они забирали меня от моей девочки, от моей души. И я не мог сделать ни одной гребаной вещи, чтобы изменить это.

Я слышал, как кто-то забрался на дюну позади меня, и знал, что это был мой папа. Он сел рядом со мной. Я отвернулся, уставившись на океан. Я не хотел признавать его присутствия.

Мы сидели в тишине, пока я, наконец, не нарушил ее и спросил.

— Когда мы уезжаем?

Я ощущал, что папа застыл рядом со мной, вынуждая меня посмотреть в его сторону. Он уже смотрел мне в лицо, в его взгляде было сочувствие. Мой желудок ухнул дальше.

— Когда? — выдавил я.

Папа опустил голову.

— Завтра.

Все затихло.

— Что? — шокировано прошептал я. — Как это возможно?

— Мы с мамой узнали около месяца назад. Мы решили не говорить тебе до последней минуты, потому что знали, как ты воспримешь это. Я нужен им в офисе в понедельник, Рун. Мы уладили все с твоей школой, переводом твоих оценок. Твой дядя готовит наш дом в Осло к нашему возвращению. Моя компания наняла грузчиков, которые упакуют все в доме в Блоссом Гроув и перевезут наши вещи в Норвегию. Они отправятся завтра сразу после нашего отъезда.

Я сердито зыркнул на папу. В первый раз в своей жизни я ненавидел его. Я стиснул зубы и отвернулся. Меня тошнило от всей той злости, что бурлила в моих венах.

— Рун, — папа сказал тихо, положив руку мне на плечо.

Я сбросил его руку.

— Нет, — зашипел я. — Не смей прикасаться ко мне или говорить со мной снова, — выплюнул я, отвернув голову. — Я никогда не прощу тебя, — заверил я. — Я никогда не прощу тебя за то, что увез меня от нее.

— Рун, я понимаю... — он пытался сказать, но я перебил его.

— Ты не понимаешь. Ты понятия не имеешь, что я чувствую, что Поппи значит для меня. Никакого гребаного понятия. Потому что если бы понимал, то не забирал бы меня от нее. Ты бы сказал компании, что не можешь переехать. Что мы должны остаться.

Папа вздохнул.

— Рун, я организатор производства, я должен ехать туда, где нужен, и прямо сейчас — это Осло.

Я ничего не сказал. Мне было плевать, что он был долбаным организатором производства, какой-то разваливающейся компании. Я был взбешен, что он сказал мне только сейчас. Я был взбешен тем, что мы уезжаем и точка.

Когда я не заговорил, папа сказал:

— Я соберу наши вещи, сынок. Будь в машине через пять минут. Я хочу, чтобы сегодняшний день ты провел с Поппи. Я хочу дать тебе, по крайней мере, это время.

Горячие слезы стояли в глазах. Я отвернул голову, чтобы он не видел их. Я был так зол, так зол, что не мог остановить гребаные слезы. Я никогда не плакал, когда мне было грустно, только когда был зол. И прямо сейчас я был так взбешен, что едва мог дышать.

— Это не навсегда, Рун. Через пару лет мы вернемся. Я обещаю. Моя работа и вся наша жизнь здесь, в Джорджии. Но я должен ехать туда, где нужен компании, — сказал папа. — В Осло не так плохо, это наша родина. Я знаю, что твоя мама будет счастлива снова находиться рядом со своей семьей. Я думал, что ты, может, тоже.

Я не ответил. Потому что несколько лет вдали от Поппи были целой жизнью. Мне было плевать на свою семью.

Я был потерян, смотря за наплывами волн, и ждал так долго, как мог, прежде чем встал на ноги и направился к машине. Я хотел добраться до Поппи, но в то же самое время, не знал, как сказать ей, что уезжаю. Я не мог вынести мысль, что разобью ее сердце.

Сработал гудок машины, и я побежал к ней, где меня ждала семья. Мама пыталась улыбнуться, но я проигнорировал ее и скользнул на заднее сиденье. Когда мы отъехали от побережья, я уставился в окно.

Почувствовав руку на своей, я повернулся и увидел, что Алтон вцепился в рукав моей футболки. Его голова наклонилась в сторону.

Я взъерошил его непослушные светлые волосы. Алтон рассмеялся, но его улыбка увяла, и он продолжал смотреть в моем направлении всю дорогу до дома. Я находил это ироничным, как мой младший брат, казалось, понимал, как сильно мне больно, и делал это лучше моих родителей.

Поездка, казалось, длилась вечность. Когда мы подъехали на подъездную дорожку, я практически выпрыгнул из машины и побежал к дому Личфилдов.

Я постучал в переднюю дверь. Миссис Личфилд ответила через несколько секунд. Минуту она смотрела в мое лицо, я видел сочувствие в ее взгляде. Она посмотрела через двор на моих маму и папу, что выходили из машины, и слабо помахала им.

Она тоже знала.

— Поппи здесь? — смог выдавить из себя я, выталкивая слова из сжатого горла.

Миссис Личфилд притянула меня в объятия.

— Она в вишневой роще, милый. Она провела там весь день, читая. — Миссис Личфилд поцеловала меня в макушку. — Мне жаль, Рун. Сердце моей дочери разобьется, когда ты уедешь. Ты — вся ее жизнь.

А она — моя жизнь, хотел я добавить, но не мог вымолвить ни слова.

Миссис Личфилд отпустила меня, я попятился назад, спрыгнул с крыльца и бежал всю дорогу до рощи.

Я был там через три минуты и сразу же заметил Поппи под нашим любимым вишневым деревом. Я остановился, не попадаясь на глаза, и наблюдал, как она читала свою книгу, а ее фиолетовые наушники были на голове. Ветки, отяжелевшие от розовых вишневых лепестков, накренились вокруг нее как защитный щит, отгораживая ее от яркого солнца. На ней было надето белое платье с коротким рукавом, белый бант был прицеплен с боку ее длинных

каштановых волос. Я чувствовал себя как во сне.

Мое сердце сжалось. Я видел Поппи каждый день с того времени, как мне исполнилось пять. Спал рядом с ней почти каждую ночь с двенадцати лет. Целовал ее каждый день с восьми лет, и любил ее всей душой так много дней, что сбился со счета.

Я понятия не имел, как прожить и дня без нее. Как дышать без нее.

Как будто почувствовав мое присутствие, она оторвалась от страниц своей книги. Когда я ступил на траву, она одарила меня своей самой широкой улыбкой. Это была улыбка, предназначенная только мне.

Я пытался улыбнуться в ответ, но не мог.

Я шел по опавшим вишневым цветочкам, дорожка была так завалена их лепестками, что выглядела как бело-розовая лужа под моими ногами. Чем ближе я подходил, тем быстрее увядала улыбка Поппи. Я не мог ничего скрыть от нее. Она знала меня так же, как я знал самого себя. Она видела, что я расстроен.

Я говорил ей прежде, что во мне не было загадочности. Ни для нее. Она была единственным человеком, который знал меня вдоль и поперек.

Поппи замерла, сдвинувшись только, чтобы снять наушники с головы. Она положила книгу рядом с собой на землю, обернула руки вокруг согнутых ног и просто ждала.

Сглотнув, я упал на колени перед ней, и, пораженно, моя голова упала вперед. Я боролся с тяжестью в груди. В конце концов, поднял голову. Взгляд Поппи был настороженный, как будто она знала, что бы ни вылетело из моего рта, это изменит все.

Изменит нас.

Изменит наши жизни.

Приведет к краху нашего мира.

— Мы уезжаем, — наконец, смог выдохнуть я.

Я видел, как ее лицо побледнело.

Отведя взгляд, мне удалось сделать еще один короткий вдох, и я добавил:

— Завтра, Поппимин. Возвращаемся в Осло. Папа отрывает меня от тебя. Он даже не пытался остаться.

— Нет, — прошептала она в ответ. Она наклонилась вперед. — Мы можем что-нибудь сделать? — дыхание Поппи ускорилося. — Может, ты можешь остаться с нами? Переехать к нам? Мы можем что-нибудь придумать. Мы можем...

— Нет, — перебил ее я. — Ты знаешь, что мой папа не позволит это. Они знали об этом неделями, они уже договорились о моем переводе из школы. Родители не сказали мне, потому что знали, как я отреагирую. Я должен уехать, Поппимин. У меня нет выбора. Мне придется.

Я уставился на одинокий вишневый цветок, когда он оторвался от низко висящей ветки. Он как перышко опустился на землю. Я знал, что с этого момента, когда увижу вишневое дерево, буду думать о Поппи. Она проводила все свое время здесь в роще со мной рядом. Это было одно из самых любимых ее мест.

Я зажмурил глаза, представляя ее совершенно одну в этой роще завтра — никто не будет отправляться на поиски приключений с ней, никто не услышит ее смех... никто не подарит ей поцелуй для ее банки, от которого сердце почти взорвется.

Чувствуя, как мою грудь пронзает острая боль, я повернулся к Поппи, и мое сердце разбилось надвое. Она все еще не сдвинулась со своего места под деревом, а по ее лицу тихо текли дорожки соленых слез, ее маленькие ручки были сжаты в кулачки и лежали на дрожащих коленях.

— Поппимин, — прохрипел я, наконец, выпуская свою боль на свободу. Я бросился к ней и сгреб ее в объятия. Поппи растворилась во мне, плача у меня на груди. Я закрыл глаза, чувствуя каждую частичку ее боли.

Это боль была и моей.

Мы на какое-то время замерли в такой позе, пока, наконец, Поппи не подняла голову и прижала свою дрожащую ладонь к моей щеке.

— Рун, — сказала она, ее голос надломился, — что... что я буду делать без тебя?

Я покачал головой, без слов говоря ей, что не знаю. Я не мог говорить, мои слова были заперты в сжавшемся горле. Поппи уткнулась в мою грудь, ее руки как тиски сжались вокруг моей талии.

Часы пролетали, а мы все молчали. Солнце опускалось, оставляя позади себя желтовато-красное небо. Вскоре появились звезды и луна, яркая и полная.

Холодный ветер поднимался в роще, из-за чего лепестки вихрем носились вокруг нас. Когда я почувствовал, что Поппи начала дрожать в моих руках, я знал, что пришло время уходить.

Поднимая руки, я провел пальцами по густым волосам Поппи и прошептал:

— Поппимин, мы должны уходить.

Она только схватила меня сильнее в ответ.

— Поппи? — я снова попытался.

— Я не хочу уходить, — сказала она почти неслышно, ее сладкий голосок сейчас был хриплым. Я опустил голову, когда она подняла свою и ее зеленые глаза вперились в мои. — Если мы покинем рощу, это будет означать, что почти пришло время и тебе покинуть меня.

Я провел тыльной стороной руки по ее красным щекам. Они были холодными на ощупь.

— Никаких прощаний, помнишь? — напомнил я ей. — Ты всегда говорила, что нет такого явления, как прощание. Потому что мы всегда можем увидеть друг друга в наших снах. Как с твоей бабушкой. — Слезы потекли из глаз Поппи, я стер капли подушечкой большого пальца.

— И ты замерзла, — сказал я тихо. — Уже правда поздно, мне нужно отвести тебя домой, чтобы у тебя не было проблем из-за того, что пропустила комендантский час.

Слабая, вынужденная улыбка появилась на губах Поппи.

— Я думала, что настоящие викинги любят нарушать правила?

Я слегка рассмеялся и прижал лоб к ее. Оставил два нежных поцелуя в уголках ее губ и ответил:

— Я провожу тебя до двери, и как только твои родители уснут, я заберусь в твою спальню на еще одну ночь. Это похоже на нарушение правил? Достаточно для викинга?

Поппи хихикнула.

— Да, — ответила она, убирая длинную прядь моих волос с глаз. — Ты единственный викинг, который будет мне когда-либо нужен.

Взяв ее за руки, я поцеловал кончики ее пальцев и встал. Я помог Поппи подняться на ноги и притянул к своей груди. Обнимая, я прижал ее ближе. Ее сладкий запах заполнил мой нос. Я поклялся запомнить, как именно она ощущалась в этот момент.

Ветер усиливался. Я разомкнул наши объятия и взял Поппи за руку. В тишине, мы начали идти по усыпанной цветками дорожке. Поппи оперлась головой на мою руку, немного запрокинув ее назад, чтобы взглянуть на ночное небо. Я поцеловал ее в макушку и услышал, как она тяжело вздохнула.

— Ты когда-нибудь замечал, насколько темнее небо над рощей? Оно темнее, чем в любом месте в городе. Оно выглядит черным как смоль, но с яркой луной и мерцающими звездами. В сравнении с розовыми вишневыми деревьями, оно выглядит как из сна, — я запрокинул голову, чтобы посмотреть на небо, и уголок моего рта дернулся в усмешке. Она была права. Оно выглядело почти невероятно.

— Только ты замечаешь что-то подобное, — сказал я, когда снова опустил голову. — Ты всегда видишь мир не так, как другие. Это одна из черт, что я люблю в тебе. Искательница приключений, которую я встретил, когда мне было пять.

Хватка Поппи на моей руке усилилась.

— Моя бабушка всегда говорила, что небеса выглядят так, как ты хочешь. — Из-за печали в ее голосе у меня перехватило дыхание.

Она вздохнула.

— Любимое место бабушки было под нашим вишневым деревом. Когда я сижу там и смотрю на ряды деревьев, затем поднимаю голову на черное как смоль небо, я иногда задумываюсь, сидит ли она под тем же деревом на небесах, глядя вдоль вишневых деревьев, как мы, на черное небо.

— Я уверен, что так и есть, Поппи. И она улыбается, глядя на тебя, как и обещала.

Поппи вытянула руку и взяла яркий розовый цветок. Она приподняла руку перед собой, уставившись на цветок в своей ладони.

— Бабушка всегда говорила, что лучшее в жизни умирает быстро, как вишневые цветки. Потому что нечто такое прекрасное не может длиться вечно и не должно. Оно живет краткий миг, чтобы напомнить нам, как драгоценна жизнь, прежде чем угасает так же быстро как появилось. Она говорила, что своей краткой жизнью, это учит нас большему, чем то, что находится рядом всегда.

Мое горло начало сжиматься от боли в ее голосе. Она подняла голову.

— Потому что ничто такое идеальное не может жить вечно. Как, например, падающие звезды. Мы видим обычные звезды над собой каждую ночь. Большинство людей принимают их как должное, даже забывают, что они есть. Но если человек видит падающую звезду, он запоминает этот момент навсегда, он даже загадывает не нее желание.

Она сделала глубокий вдох.

— Они пролетают так быстро, что люди наслаждаются кратким мгновением, что они были с нами.

Я чувствовал, что слезы упали на наши соединенные руки. Я был в замешательстве, неуверенный, почему она говорила о таких грустных вещах.

— Потому что чему-то настолько идеальному и особенному суждено исчезнуть. Это развеется на ветру. — Поппи приподняла вишневый цветок, что все еще был в ее руке. — Как этот цветок. — Она бросила его, и порыв ветра унес цветок. Сильный поток воздуха понес его к небу, все выше и выше над деревьями.

Он исчез с нашего поля зрения.

— Поппи... — я начал говорить, но она перебила меня.

— Может, мы как вишневые цветки, Рун. Как падающие звезды. Мы так молоды, а любили так сильно и так ярко, что, может быть, должны просто исчезнуть. — Она показала на рощу позади нас. — Слишком сильная красота — быстрая смерть. Наша любовь жила достаточно долго, чтобы вынести урок. Показать нам, на какую любовь мы способны.

Мое сердце ухнуло в желудок. Я повернул Поппи лицом к себе. Опустошенный взгляд на ее красивом лице резал меня на месте.

— Послушай меня, — сказал я, чувствуя панику. Обхватив лицо Поппи руками, я пообещал: — Я вернусь к тебе. Переезд в Осло не навсегда. Мы будем болтать каждый день, переписываться. Мы все еще будем Поппи и Руном. Ничто не разрушит это, Поппи. Ты всегда будешь моей, всегда будешь владеть половинкой моей души. Это не конец.

Поппи шмыгнула носом и сморгнула слезы. Мой пульс ускорился от страха, что она решит отказаться от нас. Потому что мне бы это не пришло в голову. Между нами еще ничего не кончено.

Я сделал шаг ближе.

— Между нами ничего не кончено, — сказал я яростно. — Навеки, Поппимин. Навечно и навсегда. Ничего не закончится. Ты не можешь думать о таком. Не о нас.

Поппи встала на цыпочки и отразила мою позу, обхватив своими руками мое лицо.

— Ты обещаешь мне, Рун? Потому что ты должен подарить мне еще сотни поцелуев. — Ее голос был робким и застенчивым... и в нем проскальзывал страх.

Я рассмеялся, чувствуя, как страх рассеивается из моего тела, и облегчение занимает его место.

— Обещаю. Я подарю тебе больше тысячи. Я подарю тебе две или три, или даже четыре.

Радостная улыбка Поппи успокоила меня. Я целовал ее медленно и нежно, держа ее так

близко, как мог. Когда мы отстранились, глаза Поппи распахнулись, и она произнесла:

— Поцелуй номер триста пятьдесят четыре. С моим Руном в вишневой роще... и мое сердце почти взорвалось.

Затем Поппи пообещала:

— Все мои поцелуи твои, Рун. Никто не сможет прикоснуться к этим губам, кроме тебя.

Я коснулся ее губ своими еще один раз и повторил ее слова.

— Все мои поцелуи твои. Никто не сможет прикоснуться к этим губам, кроме тебя.

Я взял ее за руку и повел к нашим домам. Свет в моем доме еще горел. Когда мы подошли к подъездной дорожке дома Поппи, я наклонился и поцеловал ее в кончик носа. Перемещая рот к ее уху, я прошептал:

— Дай мне час, и я приду к тебе.

— Ладно, — прошептала Поппи в ответ. Затем я подпрыгнул, когда она нежно положила ладонь на мою грудь. Поппи сделала шаг ближе. Серьезное выражение на ее лице заставило меня нервничать. Она уставилась на свою руку, затем медленно провела пальцами по моей груди и вниз к моему животу.

— Поппимин? — спросил я, неуверенный, что происходит.

Не говоря ни слова, она убрала свою руку и пошла к двери. Я ждал, что она обернется и объяснит, но она не сделала этого. Она прошла через открытую дверь, оставляя меня прикованным к месту на подъездной дорожке. Я все еще мог ощущать тепло от ее руки на своей груди.

Когда свет на кухне Личфилдов включился, я повернул к своему дому. Как только я дошел до двери, я заметил гору коробок в коридоре.

Они, вероятно, собрали вещи и прятали их от меня.

Проходя мимо них, я заметил маму с папой в гостиной. Папа позвал меня по имени, но я не откликнулся. Я вошел в свою комнату, а он остановился позади меня.

Я двинулся к тумбочке и начал собирать все, что хотел взять с собой, особенно наше с Поппи фото в рамке, которое я сделал прошлым вечером. Когда я рассматривал фотографию, мой желудок сжался от боли. Если это было возможно, я уже скучал по ней. Скучал по дому.

Скучал по своей девочке.

Чувствуя, что папа все еще стоит позади меня, я сказал тихо:

— Я ненавижу тебя за то, что делаешь это со мной.

Я заметил, что он сделал резкий вдох. Развернулся, и увидел, что мама стоит рядом с ним. Шок отпечатался в выражении ее лица, как и у папы. Я никогда так плохо к ним не относился. Я любил своих родителей. И никогда не понимал, как подростки могут не любить их.

Но теперь я понимал.

Я ненавидел их.

Никогда прежде я не чувствовал такой ненависти к кому-либо.

— Рун... — начала мама, но я сделал шаг вперед и перебил ее.

— Я никогда не прощу вас за то, что сделали это со мной. Я так сильно ненавижу вас обоих прямо сейчас, что не могу даже стоять рядом с вами.

Я был удивлен резкостью своего голоса. Он был хриплым, наполненным злостью, что нарастала во мне. Злостью, которую я даже не думал, что можно чувствовать. Знаю, что для большинства людей я казался угрюмым, замкнутым, но на самом деле я редко злился. Сейчас мне казалось, что я создан из нее. Только ненависть бежал по моим венам.

Ярость.

Глаза мамы были переполнены слезами, но первый раз в жизни мне было все равно. Я хотел, чтобы они чувствовали себя так же плохо, как и я сейчас.

— Рун... — сказал папа, но я повернулся к нему спиной.

— Во сколько мы уезжаем? — рявкнул я, прерывая то, что он хотел сказать.

— Мы уезжаем в семь утра, — проинформировал он меня тихо.

Я закрыл глаза. У меня оставалось только несколько часов с Поппи. Через восемь часов

я оставлю ее позади. Оставлю все позади кроме этой ярости. Уверен, она будет путешествовать со мной.

— Это не навсегда, Рун. Тебе станет легче. Ты встретишь кого-то еще. Ты будешь двигаться дальше...

— Нет! — взревел я, повернулся и бросил лампу с моей тумбочки через всю комнату. Стеклянная колба разрушилась при ударе. Я тяжело дышал, сердце быстро билось в груди, когда я сердито смотрел на своего папу. — Не смей больше говорить ничего подобного! Я не буду двигаться дальше без Поппи. Я люблю ее! Ты понимаешь это? Она мое все, а ты отрываешь нас друг от друга. — Я заметил, как его лицо побледнело. Я сделал шаг вперед.

Мои руки дрожали.

— У меня нет выбора, я должен поехать с вами и понимаю это. Мне только пятнадцать. И я не настолько глуп, чтобы верить, что могу остаться здесь один. — Я сжал руки в кулаки. — Но я буду ненавидеть вас. Я буду ненавидеть вас обоих каждый день, пока мы не вернемся. Вы можете думать, что раз мне всего пятнадцать, я забуду Поппи, как только какая-нибудь шлюшка в Осло начнет флиртовать со мной. Но этого никогда не произойдет. И я буду ненавидеть вас каждую секунду, пока не вернусь к ней.

Я сделал паузу, чтобы вдохнуть, а затем добавил:

— И даже потом, я буду ненавидеть вас за то, что забрали меня от нее. Потому что из-за вас я пропущу годы, когда мог находиться рядом со своей девочкой. Не думайте, что только из-за того, что я молод, я не понимаю, что между нами с Поппи. Я люблю ее. Я люблю ее больше, чем вы можете себе представить. А вы увозите меня, даже не задумавшись, что я буду чувствовать. — Я повернулся спиной, подошел к шкафу и начал вытаскивать свою одежду. — Поэтому с этого момента, мне плевать, что вы вообще чувствуете. Я никогда не прощу вас за это. Ни одного из вас. Особенно тебя, папа.

Я начал паковать чемодан, который мама, должно быть, положила мне на кровать. Мой папа остался на своем месте, молча уставившись в пол. Затем он развернулся и сказал:

— Поспи немного, Рун. Мы уезжаем рано.

Каждый волосок на моей шее встал от раздражения, что он уклонился от моих слов, но потом он тихо добавил:

— Мне жаль, сынок. Я понимаю, как много Поппи значит для тебя. Я не говорил тебе об отъезде, чтобы избавить тебя от нескольких недель этой боли. Очевидно, это не помогло. Но это реальная жизнь, и моя работа. Однажды ты поймешь.

Дверь закрылась за ним, и я опустился на кровать. Я провел руками по лицу и мои плечи поникли, когда я уставился на пустой шкаф. Но злость все еще была на месте, пылая в моем животе. Она пылала даже сильнее, чем прежде.

Я был предельно уверен, что она там и останется.

Я бросил остатки рубашек в чемодан, не заботясь, помнутся ли они. Подошел к окну и увидел, что дом Поппи весь погружен в темноту, за исключением тусклого света, которым она дала мне знать, что все чисто.

После того как закрыл дверь спальни, я вылез в окно и побежал по траве. Окно было слегка приоткрыто в ожидании меня. Я пролез через него и крепко закрыл за собой.

Поппи сидела в центре своей кровати, ее волосы были распущены, а лицо чисто вымыто. Я сглотнул, когда увидел, какая она красивая в своей белой ночнушке; ее руки и ноги обнажены, а кожа мягкая и гладкая.

Я сделал шаг ближе к кровати и увидел, что в руке она держала фото. Когда она поднял голову, я заметил, что она плачет.

— Поппимин, — сказал я тихо, мой голос надломился, когда я видел ее такой расстроенной.

Поппи поставила рамку на кровать и положила голову на подушку, похлопав по матрасу рядом с собой. Так быстро как мог, я лег рядом с ней, передвинувшись, пока нас не разделяли сантиметры.

Как только я увидел покрасневшие глаза Поппи, гнев внутри меня, казалось, вспыхнул.

— Малышка, — сказал я, накрывая своей рукой ее, — пожалуйста, не плачь. Я не могу выдержать твоих слез.

Поппи сглотнула.

— Мама сказала мне, что ты правда уезжаешь завтра рано утром.

Я опустил глаза и медленно кивнул.

Поппи провела пальцами по моему лбу.

— Поэтому у нас осталось только сегодня, — сказала она. Я чувствовал, как будто кинжал пронзил мое сердце.

— Да, — ответил я, моргнув.

Она уставилась на меня странно.

— Что? — спросил я.

Поппи подвинула свое тело ближе. Так близко, что наши груди соприкоснулись, а ее губы нависли над моим ртом. Я мог ощущать мятную зубную пасту в ее дыхании.

Я облизал губы, когда мое сердце застучало сильнее. Пальцы Поппи скользнули по моему лицу, по шее и ниже по груди, пока она не достигла края моей футболки. Я заерзал на кровати, нуждаясь в пространстве, но прежде чем я мог отодвинуться, Поппи придвинулась и прижала свой рот к моему. Как только я попробовал ее на своих губах, я наклонился ближе, затем ее язычок выскользнул, чтобы встретиться с моим.

Она целовала меня медленно, более страстно, чем прежде. Когда ее рука забралась мне под футболку и легла на мой голый живот, я изогнул спину и тяжело сглотнул. Я ощущал, как рука Поппи дрожала на моей коже. Я посмотрел ей в глаза, и мое сердце пропустило удар.

— Поппимин? — прошептал я и провел рукой по ее голой руке. — Что ты делаешь?

Поппи переместила руку вверх, пока та не оказалась на моей груди, и из-за комка, который застрял в горле, мой голос затих.

— Рун? — прошептала Поппи, когда опустила голову, чтобы оставить поцелуй на моем горле. Мои глаза закрылись, когда ее теплый рот коснулся моей кожи. Поппи проговорила возле моей шеи: — Я... хочу тебя.

Время остановилось. Мои глаза распахнулись. Поппи отодвинулась и наклонила голову, пока ее зеленые глаза не встретились с моими.

— Поппи, нет, — запротестовал я, качая головой, но она приложила палец к моим губам.

— Я не могу... — она замолчала, а затем взяла себя в руки и продолжила. — Я не могу позволить, чтобы ты покинул меня, и никогда не узнать, каково это — быть с тобой. — Она сделала паузу. — Я люблю тебя, Рун. Очень сильно. Надеюсь, ты знаешь это.

Мое сердце забилось по-новому, когда почувствовало любовь от своей другой половинки. Быстрее и сильнее. Бесконечно сильнее, чем раньше.

— Поппи, — прошептал я, пораженный ее словами. Я знал, что она любила меня, потому что я любил ее. Но это был первый раз, когда мы сказали это вслух.

Она любит меня.

Поппи ждала в тишине. Не зная, каким способом ответить, я провел кончиком носа по ее щеке, отстранившись только чтобы посмотреть в ее глаза.

— Jeg elsker deg.

Поппи сглотнула, затем улыбнулась.

Я улыбнулся в ответ.

— Я люблю тебя, — я перевел на английский, чтобы убедиться, что она правильно поняла.

Ее лицо вновь стало серьезным, и она передвинулась, чтобы сесть в середине кровати. Потянувшись к моей руке, она притянула меня сесть напротив нее. Ее руки опустились к краю моей футболки.

Сделав неуверенный вдох, она потянула ее верх, чтобы стянуть через мою голову. Я закрыл глаза, ощущая ее теплое дыхание на моей щеке. Я открыл глаза и увидел, что Поппи робко мне улыбается. Я растаял от нервного взгляда на ее лице.

Она никогда не выглядела такой красивой.

Пытаясь бороться со своей собственной нервозностью, я положил руку ей на щеку.

— Мы не обязаны делать это, Поппи. Только потому, что я уезжаю... ты не должна делать это ради меня. Я вернусь, я уверен в этом. Я хочу подождать, пока ты не будешь готова.

— Я готова, Рун, — сказала она, ее голос четкий и ровный.

— Ты думаешь, мы слишком молоды...

— Нам будет по шестнадцать скоро.

Я улыбнулся, услышав пыл в ее голосе.

— Многие думают, что это все еще слишком юный возраст.

— Ромео и Джульетта были почти нашего возраста, — спорила она. Я не смог сдержать смехок. Я перестал смеяться, когда она подползла ближе и провела рукой по моей груди. — Рун, — прошептала она. — Я готова уже некоторое время, но была счастлива подождать, потому что у нас было все время мира. Не было спешки. Сейчас у нас нет такой роскоши. Наше время ограничено. У нас остались лишь часы. Я люблю тебя. Я люблю тебя больше, чем можно представить. И... я думаю, что ты чувствуешь то же самое ко мне.

— Да, — ответил я мгновенно. — Я люблю тебя.

— Навечно и навсегда, — сказала Поппи со вздохом, затем отодвинулась от меня. Не разрывая зрительного контакта, она подняла руки к лямке своей сорочки и опустила ее. Затем сделала то же самое с другой, и сорочка упала к ее бедрам.

Я замер. Я не мог двигаться, когда Поппи села передо мной, обнаженная.

— Поппимин, — выдохнул я, убежденный, что не заслуживаю эту девушку... в этот момент.

Я придвинулся ближе, пока не возвышался над ней. Нашел ее глаза и спросил:

— Ты уверена, Поппимин?

Поппи переплела свои пальцы с моими, затем приложила наши руки к своей обнаженной коже.

— Да, Рун. Я уверена. Я хочу этого.

Я больше не мог сдерживаться, поэтому дал себе волю и поцеловал ее в губы. У нас было только несколько часов. Я собирался провести их со своей девочкой каждым возможным способом.

Поппи вытащила свою руку из моей и исследовала мою грудь своими пальчиками, не разрывая нашего поцелуя. Я провел пальцами по ее спине, привлекая ее ближе к себе. Она задрожала под моими прикосновениями. Я опустил руку к краям ее сорочки на бедрах. Моя рука начала подниматься вверх, пока я не начал переживать, что зашел слишком далеко.

Поппи отстранилась и расположила свою голову у меня на плече.

— Продолжай, — сказала она, затаив дыхание. Я сделал, как она сказала, сглотнув комок нервов в своем горле.

— Рун, — пробормотала она.

Я закрыл глаза от звука ее приятного голоса. Я так чертовски сильно любил ее. Из-за этого не хотел причинять ей боль. Я не хотел быть ответственным за то, что давлу на нее. Я хотел, чтобы она чувствовала себя особенной, понимала, что является миром для меня.

Мы остались так на минуту, замерев в моменте, дыша, ожидая, что случится дальше.

Затем рука Поппи была на пуговицах моих джинсов, и я открыл глаза. Она изучала меня.

— Все... все в порядке? — спросила она с любопытством. Я кивнул, не говоря ни слова. Когда я взял ее за свободную руку, она помогла мне раздеть ее, а вскоре и вся наша одежда оказалась на полу.

Поппи сидела тихо передо мной, беспокойно перебирая руками на коленях. Ее длинные каштановые волосы были перекинuty на одно плечо, а щеки покраснели.

Я никогда не видел, чтобы она так нервничала.

Я никогда так не нервничал.

Вытянув руку, я провел пальцами по ее красной щеке. От моего прикосновения ресницы Поппи затрепетали, и на губах появилась застенчивая улыбка.

— Я люблю тебя, Поппимин, — прошептал я.

Тихий вздох слетел с ее губ.

— Я тоже люблю тебя, Рун.

Поппи взяла меня за запястье и осторожно легла на кровать, вынуждая меня двинуться вперед, пока я не накрыл ее своим телом.

Наклонившись, я осыпал нежными поцелуями ее покрасневшие щеки и лоб, закончив долгим поцелуем ее рта. Дрожащая рука Поппи зарылась в моих волосах и притянула меня ближе.

Казалось, что прошло всего несколько секунд, когда Поппи заерзала подо мной, разрывая поцелуй. Она положила ладонь мне на щеку и сказала:

— Я готова.

Уткнувшись лицом в ее руку, я поцеловал пальцы, которые покоились на моей щеке, и был захвачен ее словами. Поппи наклонилась в сторону и достала что-то из ящика в тумбочке. Когда она протянула мне маленький пакетик, который вытащила, я внезапно занервничал.

Я уставился на Поппи и ее щеки вспыхнули смущением.

— Я знала, что этот день скоро настанет, Рун. Я хотела убедиться, что мы будем готовы.

Поцелуи моей девочки помогли справиться с нервозностью. Не прошло много времени, когда я понял, что готов. Прикосновения Поппи успокоили шторм внутри меня.

Поппи развела руки, направляя меня, чтобы я навис над ней. Мой рот слился с ее, долгое время я просто целовал ее. Пробовал вишневый бальзам на ее губах, любя ощущение тепла от ее обнаженной кожи, прижимающейся к моей.

Я отстранился, чтобы сделать вдох. Встретился взглядом с Поппи, и она кивнула. По ее лицу я видел, что она хотела меня так же, как я хотел ее. Я вперился взглядом в ее, и ни разу не разорвал наш зрительный контакт.

Ни на одну секунду.

После всего я держал ее в своих объятиях. Мы лежали лицом друг к другу под одеялом. Кожа Поппи была теплая на ощупь, и ее дыхание медленно возвращалось в нормальный ритм. Наши пальцы были переплетены на подушке, которую мы делили, наши руки крепко прижаты и слегка дрожали.

Мы не смели заговорить. Я изучал Поппи, которая наблюдала за каждым моим движением, и молился, чтобы она не сожалела о том, что мы сделали.

Я наблюдал, как она глубоко вздохнула. Когда она медленно выдохнула, то посмотрела на наши сплетенные руки. Так медленно, как возможно, Поппи провела губами по нашим переплетенным пальцам.

Я замер.

— Поппимин, — сказал я, и она приподняла голову. Длинная прядь ее волос упала на щеку, и я осторожно отвел ее, заправив за ухо. Она все еще не сказала ни слова. Я нуждался в том, чтобы она знала, что именно значит для меня то, что мы разделили, поэтому прошептал:

— Я так сильно люблю тебя. То, что только что произошло... быть с тобой таким образом... — я запнулся, неуверенный, как объяснить, что чувствовал.

Она не ответила, и мой желудок сделал сальто, чувствуя страх, что я сделал что-то не так. Когда мои глаза закрылись от разочарования, я ощутил, что лоб Поппи прижат к моему, а ее губы оставляют маленькие поцелуи у моего рта. Я переместился, чтобы мы были так близко, как возможно.

— Я буду помнить эту ночь всю оставшуюся жизнь, — призналась она, и страх, который я испытывал, вылетел из моей головы.

Я моргнул и усилил свою хватку на ее талии.

— Было ли... было ли это особенно для тебя, Поппи? Так же особенно, как это было для меня?

Улыбка Поппи была такой широкой, что у меня перехватило дыхание.

— Так особенно, как только могло быть, — ответила она тихо, повторяя те слова, что сказала мне, когда нам было по восемь, и я поцеловал ее в первый раз. Не в состоянии сделать что-то другое, я коснулся губами ее губ, вкладывая всю свою любовь в этот поцелуй.

Когда мы разорвали поцелуй, Поппи сжала мою руку, и слезы зародились в ее глазах.

— Поцелуй триста пятьдесят пять, с моим Руном в спальне... после того, как мы первый раз занялись любовью. — Взяв меня за руку, она положила ее в области сердца. Я ощущал тяжелое сердцебиение под своей ладонью. Я улыбнулся. Я знал, что ее слезы были слезами счастья, не печали.

— Это было так особенно, что мое сердце почти взорвалось, — добавила она с улыбкой.

— Поппи, — прошептал я, чувствуя тяжесть в груди.

Улыбка Поппи увяла, и я заметил, как ее слезы начали падать на подушку.

— Я не хочу, чтобы ты покидал меня, — сказала она разбито.

Я не мог выдержать боль в ее голосе. Или тот факт, что эти слезы были грустными.

— Я не хочу уезжать от тебя, — сказал я честно.

Мы больше ничего не говорили. Потому что больше нечего было сказать. Я пропускал волосы Поппи сквозь пальцы, в то время как она водила кончиками пальцев вверх и вниз по моей груди. Не прошло много времени, прежде чем дыхание Поппи выровнялось, а ее рука замерла на моей коже.

Ритм ее ровного дыхания убаюкал меня, и я закрыл глаза. Я пыталась бодрствовать так долго, как мог, чтобы смаковать время, которое у меня осталось. Но вскоре и я уснул, с горькой смесью радости и печали, что текла по моим венам.

Казалось, будто я только закрыл глаза, как ощутил, что восходящее солнце расцеловывает теплом мое лицо. Я моргнул, открывая глаза, и увидел, что новый день прорывался в окно Поппи.

День, когда я уезжал.

Мой желудок сжался, и я посмотрел на время. Я уезжал через час.

Когда я посмотрел на Поппи, спящую на моей груди, я подумал, что она никогда не выглядела более прекрасной. Ее кожа покраснелась от жара наших тел, и я улыбнулся, когда увидел, что наши руки все еще соединены у меня на животе.

Внезапно я занервничал, когда подумал о прошлой ночи.

Она выглядела такой довольной, когда спала. Моим самым большим страхом было, что она проснется, и будет сожалеть о том, что мы сделали. Я очень сильно хотел, чтобы она любила то, что произошло, как и я. Я хотел, чтобы образ того, как мы были вместе, укоренился в ее памяти так же, как и в моей.

Как будто ощущая мой тяжелый взгляд, Поппи медленно открыла глаза. Я наблюдал, как воспоминания прошлой ночи накатили на нее, прежде чем она покраснела. Ее глаза расширились, когда она посмотрела на наши тела, на наши руки. Мое сердце беспокойно пропустило удар, но затем красивая медленная улыбка расплзлась по ее лицу. Я придвинулся ближе, увидев это. Поппи уткнулась головой в мою шею, когда я обнял ее. Я держал ее близко так долго, как мог.

Когда я наконец поднял голову и снова проверил часы, вчерашняя злость снова обрушилась на меня.

— Поппимин, — прошептал я, чувствуя напряженную злость в своем хриплом голосе. — Я... я должен идти.

Поппи застыла в моих руках. Когда она снова задвигалась, ее щеки были мокрыми.

— Я знаю.

Я чувствовал, что слезы стекают и по моим щекам. Поппи нежно вытерла их, и после я поймал ее руку и оставил поцелуй в центре ее ладони. Я оставался еще несколько минут, впитывая каждый миллиметр лица Поппи, прежде чем заставил себя вылезти из кровати и одеться. Не оглядываясь назад, я выскользнул в окно и пробежал по траве, чувствуя, как мое

сердце разрывается с каждым шагом.

Я забрался в свое окно. Дверь моей спальни была открыта. Папа стоял рядом с кроватью. На краткое мгновение мой желудок сделал сальто из-за того, что меня поймали. Но затем ярость наполнила меня, и я поднял подбородок, вызывая его сказать что-нибудь, что угодно.

Я приветствовал ссору.

Я не позволю ему стыдить меня за то, что провел ночь с девушкой, которую люблю. С той, от которой он отрывал меня.

Он развернулся и ушел, не сказав ни слова.

Тридцать минут прошли как один миг. Я последний раз оглянулся на свою комнату. Подняв свой рюкзак, я повесил его на плечо и вышел на улицу, мой фотоаппарат висел на шее.

Мистер и миссис Личфилд уже были на нашей подъездной дорожке, с Идой и Саванной, обнимая моих родителей на прощание. Заметив, как я вышел из двери, они встретили меня в конце лестницы и тоже обняли.

Ида и Саванна подбежали ко мне и обняли меня за талию. Я взъерошил их волосы. Когда они отступили в сторону, я услышал, как открылась дверь. Поднял голову и увидел Поппи, которая бежала ко мне. Ее волосы были мокрыми, очевидно, что она была после душа. Но она выглядела прекраснее чем когда-либо, пока бежала к нам и смотрела только на меня.

Когда достигла нашей подъездной дорожки, Поппи остановилась на краткое мгновение, чтобы обнять моих родителей и поцеловать Алтона на прощание. Затем она повернулась лицом ко мне. Мои родители сели в машину, а родители и сестры Поппи пошли назад к их дому, давая нам личное пространство. Не теряя времени, я протянул руки к Поппи, и она врезалась в мою грудь. Я крепко сжал ее, вдыхая сладкий запах ее волос.

Я положил палец под ее подбородок и поднял ее голову, а затем поцеловал ее в последний раз. Я целовал ее со всей любовью, что мог найти в своем сердце.

Когда я отстранился, Поппи проговорила сквозь слезы:

— Поцелуй номер триста пятьдесят шесть, с моим Руном на подъездной дорожке... когда он покидал меня.

Я закрыл глаза. Я не мог выдержать боль, которую испытывала она, и которую испытывал я сам.

— Сынок? — Я посмотрел через плечо Поппи на своего отца. — Нам пора, — сказал он извиняющимся тоном.

Рука Поппи вцепилась в мою рубашку. Ее зеленые глаза блестели от слез, и казалось, она пыталась запомнить каждую черточку моего лица. Наконец, разжав свои руки, я поднял фотоаппарат и нажал на кнопку.

Я запечатлел этот редкий момент: момент, когда чье-то сердце разбивается.

Я пошел к машине, мои ноги будто весели тонну. Когда забрался на заднее сиденье, я даже не пытался остановить свои слезы. Я смотрел, как Поппи стоит сбоку машины, ее мокрые волосы развеваются на ветру, и она машет мне на прощание.

Папа завел двигатель. Я открыл окно, вытянул руку, и Поппи взяла ее в свою. Когда я посмотрел в ее лицо последний раз, она сказала:

— Я увижу тебя в твоих снах.

— Я увижу тебя в своих снах, — прошептал я в ответ и неохотно отпустил ее руку, когда папа начал отъезжать. Я уставился на Поппи через заднее окно, смотря, как она машет мне, пока она не пропала из виду.

Я запечатлел этот момент в памяти: как она махала рукой на прощание.

Я поклялся помнить его, пока этот взмах рукой не встретит меня дома снова.

До тех пор, пока не придет время вновь сказать: «Привет».

4 глава

Рун

*Осло
Норвегия*

День спустя я был в Осло, нас с Поппи разделял океан.

Мы разговаривали с ней каждый день на протяжении двух месяцев. Я пытался радоваться, что у нас, по крайней мере, было это. Но моя агрессия увеличивалась, когда я проживал каждый день без нее. Моя ненависть к отцу становилась сильнее, пока внутри меня что-то не сломалось, и на ее месте образовалась пустота. Я не заводил друзей в школе, отказывался считать это место своим домом снова и прилагать к этому какие-то усилия.

Мой дом был в Джорджии.

С Поппи.

Поппи ничего не говорила о переменах моего настроения, даже если и заметила их. Я надеялся, что скрывал их хорошо. Я не хотел, чтобы она переживала за меня.

В один день Поппи перестала отвечать на мои звонки, электронные письма и эсэмэски.

И на следующий, и на последующий.

Она ушла из моей жизни.

Поппи просто исчезла. Ни слова, ни следа.

Она покинула школу. Покинула город.

Ее семья собралась и уехала без объяснений.

На два года она оставила меня одного по ту сторону Атлантического океана, пока я терялся в догадках, где она. Задаваясь вопросом, что случилось. Думая, что я сделал что-то не так. Я начал считать, что слишком сильно надавил на нее в ту ночь перед отъездом.

Это был второй момент, который определил мою жизнь.

Жизнь без Поппи.

Никакого навеки.

Никакого навечно и навсегда.

Просто... ничего.

5 глава

Поппи

*Блоссом Гроув, Джорджия
Наши дни
17 лет*

Он возвращается.

Два слова. Два слова, из-за которых моя жизнь перевернулась с ног на голову. Два слова, что привели меня в ужас.

Он возвращается.

Я уставилась на Джори, свою близкую подругу, прижимая книги крепче к груди. Мое сердце билось с грохотом, и тревога накрыла меня.

— Что ты сказала? — прошептала я, игнорируя учеников, которые спешили по коридору на свои уроки.

Джори положила руку на мою.

— Поппи, ты в порядке?

— Да, — ответила я неуверенно.

— Точно? Ты побледнела и выглядишь не очень хорошо.

Я кивнула, пытаюсь быть убедительной, и спросила:

— Кто... кто сказал тебе, что он возвращается?

— Джадсон и Дикон, — ответила она. — Я была с ними на одном уроке, и они сказали, что компания его отца отправляет его назад. — Она пожала плечами. — На этот раз насовсем. Я сглотнула.

— В тот же самый дом?

Джори поморщилась, но кивнула.

— Извини, Попс.

Я закрыла глаза и попыталась выровнять дыхание. Он снова будет жить по соседству... его комната снова будет напротив моей.

— Поппи? — спросила Джори, и я открыла глаза. Ее взгляд был наполнен сочувствием. — Ты уверена, что в порядке? Ты сама вернулась только несколько недель назад. И я знаю, что когда ты увидишь Руна...

Я вынужденно улыбнулась.

— Я буду в порядке, Джо. Я больше не знаю его. Два года — большой срок, и за это время мы ни разу не говорили.

Джори нахмурилась.

— Поп...

— Я буду в порядке, — настояла я, поднимая руку вверх. — Мне нужно идти на урок.

Когда я уже решила уйти от Джори, в моей голове всплыл вопрос. Я оглянулась через плечо на свою подругу, единственного человека, с кем поддерживала контакт последние два года. Пока все думали, что моя семья уехала из города, чтобы заботиться о больной тете моей мамы, только Джори знала правду.

— Когда? — я набралась храбрости, чтобы спросить.

Выражение лица Джори смягчилось, когда она поняла, что я имею в виду.

— Сегодня, Попс. Он возвращается сегодня. Джадсон и Дикон зовут народ на поле сегодня вечером, чтобы поприветствовать его. Все идут.

Ее слова были как кинжал, который вонзили в мое сердце. Я не была приглашена. Но опять же, я бы не пошла. Я покинула Блоссом Гроув, не сказав ни слова. Когда вернулась в эту школу, без Руна, я стала девушкой, которой и должна была быть — невидимкой для популярных ребят. Странная девочка, которая носит банты в волосах и играет на виолончели.

Никого, кроме Джори и Руби, не заботило, что я уехала.

— Поппи? — снова позвала Джори.

Я моргнула, чтобы вернуться в реальность, и заметила, что коридор был полупустой.

— Тебе лучше идти на урок, Джо.

Она сделала шаг по направлению ко мне.

— Ты будешь в порядке, Попс? Я беспокоюсь о тебе.

Я невесело рассмеялась.

— Со мной случалось и похуже.

Я опустила голову и помчалась в свой класс, прежде чем могла бы заметить на лице Джори сочувствие и жалость. Вошла в класс по математике, скользнула на свое место как раз, когда учитель начал урок.

Если бы кто-то позже спросил, какой была тема урока, я бы не смогла ответить. Пятьдесят минут я могла думать только о последнем разе, когда видела Руна. Последнем разе, когда он обнимал меня. Последнем разе, когда он прижимал свои губы к моим. Как мы занимались любовью, и о взгляде на его лице, когда он уезжал от меня.

Я тщетно задавалась вопросом, как он выглядит сейчас. Он всегда был высоким с широкими плечами, хорошим телосложением. Но за два года в наше время очень многое могло измениться в человеке. Я лучше всех понимала это.

Я задавалась вопросом, были ли его глаза по-прежнему кристально-голубыми под ярким солнцем. Я задумалась, были ли у него все еще длинные волосы, которые он откидывал назад каждые несколько минут — то самое неотразимое движение, которое

сводило всех девушек с ума.

На краткое мгновение я позволила себе задуматься, думает ли он все еще обо мне, девушке по соседству. Задумывался ли он, что я делала в конкретный момент времени. Возвращался ли он в мыслях в ту ночь. Нашу ночь. Самую восхитительную ночь в моей жизни.

Мрачные мысли поглотили меня жестко и быстро. Вопрос, из-за которого мне было физически больно... целовал ли он кого-нибудь за последние два года? Подарил ли он кому-то свои губы, которые обещал мне навечно?

Или хуже: занимался ли он любовью с другой девушкой?

Пронзительный звук школьного звонка вырвал меня из моих мыслей. Я встала из-за стола, направляясь в коридор. Я была рада, что школьный день подошел к концу.

Я устала и у меня все болело. Но сильнее всего болело мое сердце. Потому что я знала, что сегодня Рун вернется в дом по соседству, завтра в школу, а я даже не смогу поговорить с ним. Я не смогу прикоснуться к нему или улыбнуться, как я мечтала с того дня, как перестала отвечать на его звонки.

И я не смогу сладко целовать его.

Я должна держаться подальше.

Мой желудок сжался, когда я осознала, что ему, вероятно, больше нет до меня дела. Не после того, как я обрубилась все контакты — без объяснений, без ничего.

Выходя из дверей на холодный, свежий воздух, я глубоко вдохнула. Мгновенно чувствуя себя лучше, я заправила волосы за уши. Сейчас они были коротко подстрижены, и это было странно. Я скучала по своим длинным волосам.

Направляясь домой, я улыбалась голубому небу и птичкам, что парили над верхушками деревьев. Природа успокаивала меня, так было всегда.

Я прошла всего несколько метров, когда увидела машину Джадсона, вокруг которой стояли старые друзья Руна. Эйвери была единственной девушкой в толпе парней. Я опустила голову и попыталась быстро пройти, но она позвала меня по имени. Я застопорилась и заставила себя повернуться в ее сторону. Эйвери оттолкнулась от машины и сделала шаг вперед. Дикон пытался потянуть ее назад, но она сбросила его руку. Я увидела ее самодовольное выражение лица и поняла, что она не будет любезной.

— Ты слышала? — спросила она с улыбкой на своих розовых губах. Эйвери была красавицей. Когда я вернулась в город, я не могла поверить, насколько красивой она стала. Ее макияж всегда был идеален, а ее длинные светлые волосы всегда были уложены. В ней было все, что парень хотел в девушке. И большинство девушек хотели быть похожими на нее.

Я заправила волосы за ухо — привычка, что показывала мою нервозность.

— Что слышала? — спросила я, точно зная, что она имеет в виду.

— Насчет Руна. Он возвращается в Блоссом Гроув.

Я видела проблеск счастья в ее голубых глазах. Я отвела взгляд, чтобы сохранить самообладание, и покачала головой.

— Нет, Эйвери, не слышала. Я сама недавно вернулась.

Я видела, что Руби, девушка Дикона, идет к машине, а Джори рядом с ней. Когда они увидели, что Эйвери разговаривает со мной, поспешили присоединиться к нам. Я любила их обоих за это. Только Джори знала, где я была последние несколько лет, почему уехала. Но с момента как я вернулась, Руби вела себя так, как будто я никогда не уезжала. Я осознала, что они были настоящими друзьями.

— Что здесь происходит? — спросила Руби как бы между делом, но я могла слышать нотки защиты в ее голосе.

— Я спрашивала Поппи, знает ли она, что Рун возвращается сегодня в Блоссом Гроув, — ответила Эйвери едко.

Руби с любопытством посмотрела на меня.

— Я не знала, — сказала я ей. Руби печально улыбнулась мне.

Дикон подошел к своей девушке и обнял ее рукой за плечи. Он выпятил подбородок в

мою сторону, приветствуя меня.

— Привет, Попс.

— Привет, — ответила я.

Дикон повернулся к Эйвери.

— Эйв, Рун не разговаривал с Поппи годами, я говорил тебе. Она больше не знает его. И, конечно, она не знает, что он возвращается, с чего бы ему рассказывать ей?

Я слушала Дикона и знала, что он не хотел обидеть меня. Но это не значило, что его слова не прошли как копье сквозь мое сердце. И теперь я знала. Я знала, что Рун никогда не заговорит со мной. Очевидно, что они с Диконом поддерживали связь. И для меня было очевидно, что теперь я ничего не значу для него. Что он никогда даже не упоминал меня.

Эйвери пожала плечами.

— Мне просто интересно, вот и все. Они с Руном были неразлучны до его отъезда.

Решив, что это моя возможность уйти, я помахала рукой.

— Я должна идти. — Я быстро повернулась и направилась домой. Я решила срезать через парк, что привел меня в вишневую рощу. Когда я прошла через пустую рощу — вишневые деревья были голыми, без своих красивых листьев — меня заполнила печаль.

На ветках не было ни единого листочка, и я ощущала себя такой же пустой внутри. Они тосковали по тому, что заполняло их, но понимали, что, несмотря на их желания, ничего не вернется до весны.

Просто мир не работал таким образом.

Когда я вернулась домой, мама была на кухне. Ида и Саванна сидели за столом и делали домашнюю работу.

— Привет, малышка, — сказала мама. Я подошла и обняла ее, обхватив за талию немного крепче, чем обычно.

Мама подняла мою голову, и в ее усталых глазах был беспокойный взгляд.

— Что-то случилось?

— Я просто устала, мама. Я прилягу.

Мама не отпустила меня.

— Ты уверена? — спросила она, положив ладонь мне на лоб, проверяя температуру.

— Да, — заверила я ее, убирая ее руку и целуя маму в щеку.

Я направилась к себе в спальню. Я устала в окно на дом Кристиансенов. Он не изменился. Никаких изменений с того времени, как они уехали в Осло.

Они не продали его. Миссис Кристиансен сказала моей маме, что они уверены в своем возвращении, поэтому сохранили его. Они любили соседей и дом. Домработница убиралась и поддерживала дом в чистоте каждые несколько недель в течение двух лет, чтобы убедиться, что дом будет готов к их возвращению.

Сегодня все шторы были раздвинуты, а окна открыты, чтобы проветрить помещение. Очевидно, домработница подготовилась к их неизбежному прибытию. К возвращению, которого я так боялась.

Задержав шторы, которые папа повесил, когда я вернулась домой несколько недель назад, я легла на кровать и закрыла глаза. Я ненавидела, чувство усталости, что все время меня преследовало. По своей природе я была активным человеком, рассматривая сон как пустую трату времени, которое можно провести, исследуя мир и создавая новые воспоминания.

Но сейчас у меня не было выбора.

В своем воображении я представила Руна, и его лицо было со мной, когда я уснула. Мне снился мой постоянный сон — Рун обнимает меня, целует и говорит, что любит меня.

Я не знала, как долго спала, но когда проснулась, снаружи раздался звук подъехавшего грузовика. Громкие хлопки и знакомые голоса раздались со всех концов двора.

Сев, я потеряла глаза ото сна. Осознание накрыло меня.

Он вернулся.

Мое сердце начало бешено стучать. Оно стучало так быстро, что я обхватила себя из-за

страха, что оно выпрыгнет из груди.

Он вернулся.

Он вернулся.

Я встала с кровати и подошла к окну с задернутыми шторами. Наклонилась ближе, чтобы прислушаться к голосам. Я уловила голоса мамы и папы среди общего гула вместе со знакомыми голосами мистера и миссис Кристиансен.

Улыбнувшись, я вытянула руку, чтобы открыть шторы. Затем остановилась — я не хотела, чтобы меня заметили. Отступив, я помчалась наверх в кабинет своего папы. Это было единственное окно, кроме моего, которое выходило на их дом, окно, у которого я могла спрятаться, благодаря тонировке, что защищала его от яркого солнца.

На случай, если кто-то поднимет голову, я встала слева у окна. Я снова улыбнулась, когда увидела родителей Руна. Они почти не изменились. Миссис Кристиансен все еще была такой же красавицей. Ее волосы были немного короче, но все остальное осталось неизменным. Мистер Кристиансен немного поседел, и казалось, что потерял в весе, но различия были небольшие.

Маленький светловолосый мальчик выбежал из передней двери, и моя рука взлетела ко рту, когда я поняла, что это малыш Алтон. Ему уже четыре года, посчитала я. Он так быстро вырос. И у него были такие же длинные и прямые волосы как у брата. Мое сердце сжалось. Он выглядел точно так же, как маленький Рун.

Я наблюдала, как грузчики заносили мебель и вещи с невероятной скоростью. Но не было никаких признаков Руна

В конечном итоге мои родители вошли внутрь, но я продолжала дежурить у окна, нетерпеливо ожидая мальчика, который был моим миром так долго, что я не знала, где начинался он, и заканчивалась я.

Прошло около часа. Опустилась ночь, и я отказалась от надежды увидеть его. Когда я собиралась покинуть кабинет, то заметила движение позади дома Кристиансенов.

Все мышцы моего тела напряглись, когда я уловила крошечный проблеск света в темноте. Белое облако дыма парило над участком травы над нашими домами. Поначалу я не была уверена, что это, пока высокая фигура, одетая во все черное, не вышла из двери.

Я задержала дыхание, когда фигура шагнула в свет фонаря и остановилась. Черная кожаная куртка, черная футболка, черные джинсы-дудочки, черные замшевые сапоги... и длинные светлые волосы.

Я все пялилась и пялилась, комок образовался в моем горле, когда мальчик с широкими плечами и впечатляющим ростом поднял руку и провел ею по своим длинным волосам.

Мое сердце пропустило удар, потому что я узнала это движение. Я узнала этот сильный подбородок. Я знала его. Знала его так же хорошо, как и себя.

Рун.

Это мой Рун.

Облако дыма вылетело из его рта, и я несколько секунд не могла сообразить, что на самом деле вижу.

Курит.

Рун курит. Рун не курил, он никогда не прикасался к сигаретам. Моя бабушка курила всю жизнь и умерла слишком молодой от рака легких. Мы пообещали друг другу, что никогда даже не будем пробовать.

Было очевидно, что Рун нарушил это обещание.

Когда я наблюдала, как он сделал еще одну затяжку и заправил свои светлые волосы третий раз за несколько минут, мой желудок ухнул вниз. Рун поднял голову к свету, когда выдохнул струю дыма в прохладный ночной бриз.

Так вот он. Семнадцатилетний Рун Кристиансен, и он еще красивее, чем я могла себе представить. Его кристально-голубые глаза были такими же яркими, как и всегда. Его когда-то мальчишечье лицо сейчас было суровым и от него перехватывало дыхание. Я всегда шутила, что он такой же красивый как Скандинавский Бог. Когда я изучила каждую черточку

его лица, то убедилась, что его внешность превзошла даже их.

Я не могла оторвать взгляда.

Рун докурил сигарету и бросил ее на землю, свет от окурка постепенно угас во тьме короткой травы. Затаив дыхание, я ждала, что он будет делать дальше. Затем его папа подошел к краю крыльца и что-то сказал своему сыну.

Я видела, как плечи Руна напряглись, и голова дернулась в направлении его отца. Я не могла расслышать, что именно они говорили, но расслышала, что разговор был на повышенных тонах. Я слышала, как Рун агрессивно отвечал отцу на их родном норвежском. Его папа сокрушенно опустил голову и направился назад в дом. Было ясно, что ему больно от слов Руна. Когда мистер Кристиансен ушел, Рун показал средний палец его удаляющейся спине, опустив его, только когда передняя дверь закрылась.

Шокировано я замерла на месте. Я наблюдала, как этот мальчик — мальчик, которого я когда-то хорошо знала — становится незнакомцем для меня. Разочарование и печаль накрыли меня, когда Рун начал пересекать газон между нашими домами. Его плечи все еще были напряжены. Я почти ощущала агрессию, которую излучало его тело, со своего места у окна.

Мой худший кошмар воплотился в жизнь — мальчика, которого я знала, больше не было.

Затем я застыла, когда Рун остановился и посмотрел в окно моей спальни, прямо на комнату ниже той, где я была сейчас. Порыв ветра прошел по двору, растрепав его длинные светлые волосы, и в эту секунду я увидела невероятную боль и сильную тоску в его глазах. Образ его напряженного выражения лица, когда он смотрел в мое окно, ударил меня сильнее, чем поезд. В этом потерянном выражении был мой Рун.

Мальчик, которого я узнала.

Рун сделал шаг к моему окну, и на мгновение я подумала, что он может взобраться внутрь, как он делал многие годы. Но внезапно он остановился, и его руки сжались в кулаки. Он закрыл глаза, и так крепко стиснул зубы, что со своего места я могла видеть, как его челюсть напряжена.

Затем, очевидно изменив свое мнение, Рун развернулся и направился к своему дому. Я стояла у окна кабинета, в тени. Я не могла двигаться из-за шока от увиденного.

Свет в спальне Руна включился. Я видела, как он ходил по комнате, затем подошел к окну и сел на широком подоконнике. Он приоткрыл окно, прикурил сигарету и выпустил дым через открытый зазор.

Не веря, я покачала головой. Затем кто-то вошел в кабинет, и мама встала сбоку от меня. Когда она выглянула в окно, я знала, что она поняла, зачем я здесь стою.

Мои щеки покраснели из-за того, что меня поймали. Наконец, мама заговорила:

— Аделис сказала, что Рун больше не тот мальчик, которого мы знали. Она сказала, что он создавал одни проблемы, когда они вернулись в Осло. Эрик потерян и не знает, что делать. Они, правда, рады, что Эрика вернули сюда. Они хотели увести Руна от плохой компании, с которой он связался в Осло.

Я снова посмотрела на Руна. Он выкинул сигарету в окно и повернул голову, чтобы прислониться к стеклу. Его взгляд был сфокусирован только на одном — окне моей комнаты.

Когда мама начала выходить из кабинета, она положила руку мне на плечо.

— Может, это хорошо, что ты разорвала все контакты, малышка. Я, правда, не уверена, что он бы справился со всем, через что тебе пришлось пройти, исходя из того, что сказала его мама.

Слезы заполнили мои глаза, когда я задумалась, что сделало его таким. Незнакомым мне мальчиком. Я намеренно отрезала себя от мира на последние пару лет, чтобы спасти его от боли. Чтобы он мог жить счастливой жизнью. Потому что все, через что я прошла, было терпимым, пока я знала, что в Норвегии есть мальчик, чье сердце наполнено светом.

Но фантазия исчезла, когда я изучала двойника Руна.

Этот Рун был тусклым, не сверкал так ярко. Вся яркость была заслонена тенью и погрязла в темноте. Как будто мальчик, которого я любила, остался в Норвегии.

Машина Дикона притормозила у дома Руна. Я увидела, что телефон Руна засветился в руке, и он медленно вышел из комнаты и спустился с крыльца. Он шел небрежно и развязно к Дикону и Джадсону, которые выпрыгнули из машины. Он хлопнул их обоих по спине и поприветствовал.

Затем мое сердце треснуло надвое. Эйвери соскользнула с заднего сиденья и крепко обняла Руна. Она была одета в короткую юбку и обрезанный топик, демонстрируя свою фигуру. Но Рун не обнял ее в ответ — хотя это не облегчило мою боль. Потому что Рун и Эйвери выглядели так идеально, стоя друг с другом. Оба высокие и со светлыми волосами. Оба красивые.

Все они погрузились в машину. Рун сел последним, заняв переднее сиденье, и затем машина покатила по улице и скрылась из виду.

Я вздохнула, когда видела, как задние фары исчезают в ночи. Когда я снова посмотрела на дом Кристиансенов, я увидела, что папа Руна стоит на краю крыльца, вцепившись в перила и глядя в направлении, в котором только что уехал его сын. Затем он поднял голову к окну кабинета, и его губы растянулись в печальной улыбке.

Он видел меня.

Мистер Кристиансен поднял руку и слабо помахал мне, и когда я помахала в ответ, увидела выражение печали на его лице.

Он выглядел уставшим.

Он выглядел убитым горем.

Он выглядел как человек, который потерял своего сына.

Я вернулась в свою спальню, легла на кровать и взяла свое любимое фото в рамке. Когда я смотрела на влюбленных — красивого мальчика и влюбленно смотрящую на него девочку, я задалась вопросом, что же случилось за последние два года, что Рун стал таким проблемным бунтовщиком.

Затем я заплакала.

Я оплакивала мальчика, который был моим солнцем.

Я оплакивала мальчика, которого однажды полюбила всей душой и сердцем.

Я оплакивала Поппи и Руна — пару, которая была слишком красива и слишком быстро исчезла.

6 глава

Поппи

— Ты уверена, что в порядке? — спросила мама, поглаживая мою руку. Машина затормозила.

Я улыбнулась и кивнула.

— Да, мама. Я в порядке.

Ее глаза покраснели и в них начали образовываться слезы.

— Поппи. Детка. Ты не должна идти в школу сегодня, если не хочешь.

— Мама, я люблю школу, — пожала я плечами. — К тому же пятым уроком у меня история, и ты знаешь, как сильно я люблю ее. Это мой любимый предмет.

Вынужденная улыбка растянулась на ее лице, и она рассмеялась, вытирая глаза.

— Ты так похожа на свою бабушку. Упрямая как бык и всегда видишь солнце за каждым облаком. Каждый день я вижу ее в твоих глазах.

Тепло расцвело в моей груди.

— Это делает меня на самом деле счастливой, мам. Но со мной правда все в порядке, — сказала я искренне.

Когда глаза мамы снова наполнились слезами, она прогнала меня из машины, сунув мне в руку записку врача.

— Вот, обязательно передай ее.

Я взяла листок, но прежде чем закрыла дверь, наклонилась сказать:

— Я люблю тебя, мам. Всем своим сердцем.

Мама замерла, и я увидела выражение горьковато-сладкого счастья на ее лице.

— Я тоже люблю тебя, Попс. Всем своим сердцем.

Я закрыла дверь и повернулась к школе. Я всегда думала, что это странно — опаздывать в школу. Место было таким тихим и спокойным, своего рода вымершим, полная противоположность буйству во время обеда или безумной толкотне учеников на переменах.

Я отправилась в школьный офис к миссис Гринуэй, секретарю, чтобы передать записку от врача. Когда она протянула мне мое разрешение на выход из класса во время урока, она спросила:

— Как ты, дорогая? Ты держишь эту хорошенькую головку высоко поднятой?

Улыбнувшись ее доброму лицу, я ответила:

— Да, мэм.

Она подмигнула мне, отчего я рассмеялась.

— Вот это моя девочка.

Взглянув на часы, я поняла, что мой урок шел всего пятнадцать минут. Шагая так быстро как могла, чтобы не пропустить остальную часть урока, я прошла через две двери, пока не подошла к своему шкафчику. Я открыла дверцу и вытащила стопочку книг по английской литературе, которые нужны были мне на уроке.

Я услышала, что дверь в конце коридора открылась, но не обратила внимание. Когда у меня было все, что нужно, я закрыла шкафчик локтем и направилась в класс, пытаясь удержать книги. Когда я подняла голову, то замерла на месте.

Я уверена, что мое сердце и легкие перестали функционировать. Примерно в двух метрах от меня стоял Рун, казалось, так же приклеенный к месту, как и я. Высокий и взрослый Рун.

И он смотрел прямо на меня. Кристально голубые глаза пленили меня. Я бы при всем желании не смогла отвернуться.

Наконец, я смогла начать дышать, и мои легкие наполнились воздухом. Как будто с помощью стартового провода, мое сердце начало биться, яростно биться под пристальным взглядом этого мальчика. Мальчика, которого, если быть честной с самой собой, я любила больше всего на свете.

Рун был одет в своем стиле — черная футболка, черные облегающие джинсы и черные замшевые ботинки. Только сейчас его руки были массивнее, его талия была подтянутая и худая, сужаясь у бедер. Мои глаза переместились на его лицо и мой желудок перевернулся. Я думала, что разглядела всю его красоту, когда он стоял под светом фонаря прошлой ночью, но это было не так.

Он стал старше и выглядел более зрелым, и, вероятно, был самым красивым человеком, которого я видела. Его линия челюсти была резко очерчена, прекрасно демонстрируя скандинавский тип лица. Его скулы выделялись, но этим не предавали ему женственности, а едва заметная светлая щетина украшала его подбородок и щеки. Неизменными остались русые брови, которые были нахмурены над его миндалевидными ярко-голубыми глазами.

Глаза, которые даже на расстоянии четырех тысяч миль и временного промежутка в два года, так и не стерлись из моей памяти.

Но этот взгляд, который в настоящее время прожигал меня, не принадлежал Руно, которого я знала. Потому что он был наполнен обвинением и ненавистью. Глаза смотрели на меня со скрытым презрением.

Я сглотнула боль, которая царапала мое горло, боль, которую приносил этот жесткий взгляд. Любовь Руна приносила тепло. А ненависть — холод с арктического ледяного рифа.

Шли минуты, и ни один из нас не шелохнулся. Казалось, что воздух потрескивал между нами. Я наблюдала, как Рун сжал кулаки по бокам. Вероятно, он вел мысленную войну с самим собой. Я задумалась, о чем эта война. Выражение его лица становилось мрачнее. Затем позади него открылась дверь, и Уильям, дежурный по школе, вошел в нее.

Он посмотрел на Руна и на меня, выступая предлогом, который так был нужен, чтобы вырваться из этого сверхнапряженного момента. Мне нужно было собраться с мыслями.

— Могу я увидеть ваши разрешения на выход из класса?

Я кивнула, удерживая свои книги на приподнятом колене, протягивая свое разрешение, но Рун протянул свое перед моим.

Я не отреагировала на его вопиющую грубость.

Уильям проверил его разрешение первым. Рун составлял свой график занятий, вот почему он опоздал. Уильям протянул Руну его пропуск, но он все еще не двигался. Уильям взял мой. Он посмотрел на меня и сказал:

— Я надеюсь, что ты вскоре поправишься, Поппи.

Мое лицо побледнело, когда я задумалась, как он узнал, но затем я поняла, что на разрешении написано, что была у доктора. Он просто был любезен. Он не знал.

— Спасибо, — сказала я нервно и рискнула поднять голову. Рун смотрел на меня, только на этот раз его лоб был испещрен морщинами. Я узнала его озабоченное выражение. Как только Рун заметил, что я смотрела на него, считывая его выражение лица, беспокойство быстро сменилось прежней хмуростью.

Рун Кристиансен был слишком красивым, чтобы хмуриться. На этом прекрасном лице всегда должна быть улыбка.

— Идите, вы двое, в класс, — громкий голос Уильяма отвлек мое внимание от Руна. Я прошла мимо них обоих и прошмыгнула в ближайшие двери. Как только оказалась в следующем коридоре, я оглянулась, и увидела, что Рун смотрит на меня через большое дверное стекло.

Мои руки задрожали от интенсивности его взгляда, но затем он внезапно ушел, как будто заставил себя оставить меня в покое.

У меня заняло несколько секунд, чтобы обрести хладнокровие, затем я поспешила в класс.

Час спустя я все еще дрожала.

Прошла неделя. Неделю я избегала Руна любой ценой. Я оставалась в своей спальне, пока не была уверена, что его не было дома. Я оставляла шторы задернутыми, а окно закрытым — не то чтобы Рун попытается залезть. Те несколько раз, что я видела его в школе, он также игнорировал меня, или смотрел на меня, как будто я была злейшим врагом.

И то, и то причиняло боль.

В течение обеда я держалась подальше от столовой. Я ела в кабинете музыки или проводила остаток времени, практикуя игру на виолончели. Музыка все еще была моей безопасной гаванью, тем местом, куда я могла сбежать от мира.

Когда мой смычок касался струн, я уносилась в море тонов и нот. Боль и горе последних двух лет исчезали. Одиночество, слезы и гнев — все испарялось, оставляя покой, который я больше нигде не могла обрести.

На прошлой неделе, после моего ужасного коридорного воссоединения с Руном, мне нужно было уйти от этого. Мне нужно было забыть его взгляд, наполненный ненавистью. Музыка была моим обычным лекарством, поэтому я стала усиленно репетировать. Единственная проблема? Каждый раз, когда я заканчивала произведение, как только стихала последняя нота, и опускала смычок, опустошение возвращалось ко мне в десятикратном размере. И оно оставалось. Сегодня, когда я закончила играть на обеде, муки преследовали меня оставшуюся часть дня. Они тяжелым бременем заполнили мой разум, когда я покидала здание школы.

Во дворе суетились ученики, отправляющиеся домой. Я опустила голову, протиснулась сквозь толпу и, повернув за угол, увидела Руна и его друзей на поле в парке. Джори и Руби тоже там были. И, конечно же, Эйвери.

Я пыталась не смотреть на Эйвери, которая сидела рядом с Руном, в то время как он поджигал сигарету. Я пыталась не смотреть, когда Рун закурил. Он беззаботно опирался локтем на колено, прислонившись к дереву. И я пыталась игнорировать кувырок моего желудка, когда я поспешила мимо, а Рун мельком встретился со мной взглядом.

Я быстро отвела взгляд, Джори подскочила на ноги и побежала за мной. Я умудрилась отойти подальше от Руна и его друзей, чтобы они не слышали наш с Джори разговор.

— Поппи, — позвала она, когда остановилась позади меня. Я повернулась к ней лицом, ощущая пристальный взгляд Руна на себе. Я проигнорировала его.

— Как твои дела? — спросила она.

— Хорошо, — ответила я. Даже я слышала, как мой голос слегка дрожал.

Джори вздохнула.

— Ты еще не говорила с ним? Он уже неделю как вернулся.

Мои щеки пылали. Я покачала головой.

— Нет, я не уверена, что это хорошая идея. — Я вдохнула и призналась: — В любом случае, я понятия не имею, что сказать. Кажется, что он уже не тот мальчик, которого я знала и любила все эти годы. Он кажется другим. Он изменился.

Глаза Джори вспыхнули.

— Я знаю. Но думаю, что ты единственная девушка, которая воспринимает это как что-то плохое, Попс.

— Что ты имеешь в виду? — Ревность всколыхнулась у меня в груди.

Джори указала на девушек, которые пытались делать вид, что проходят мимо Руна случайно, но потерпели поражение.

— О нем говорят все, и я уверена, что любая девушка в школе, — кроме тебя, меня и Руби, — продала бы душу дьяволу, чтобы он просто заметил ее присутствие. Он всегда был желанным, Попс, но... у него была ты, и мы знали, что он не оставит тебя ради чего-то или кого-то. Но сейчас... — она затихла, и мне казалось, что мое сердце сдувается.

— Но сейчас у него нет меня, — закончила я за нее. — Сейчас он свободен и волен быть с тем, с кем захочет.

Глаза Джори расширились, когда она поняла, что в очередной раз сболтнула лишнее. Он сжала мою руку, поддерживая меня, и поморщилась, извиняясь. Хотя я не могла злиться на нее, она всегда сначала говорила, а потом только думала. Кроме того, все, что она сказала, было правдой.

Последовало мгновение неловкой тишины, прежде чем она спросила:

— Что ты делаешь завтра вечером?

— Ничего, — ответила я. Я очень хотела уйти.

Лицо Джори осветилось.

— Отлично! Ты можешь прийти на вечеринку Дикона. Ты не можешь просидеть в одиночестве еще один субботний вечер.

Я рассмеялась.

Джори нахмурилась.

— Джори, я не хожу на вечеринки. Тем более никто не приглашал меня.

— Я приглашаю тебя. Ты будешь моей парой.

Мое чувство юмора испарилось.

— Я не могу, Джор. — Я сделала паузу. — Я не могу быть там, где Рун. Не после всего, что произошло.

Джори наклонилась ближе.

— Его там не будет, — сказала она тихо. — Он сказал Дикону, что не пойдет, у него другие планы.

— Какие? — спросила я, не сумев скрыть свое любопытство.

Она пожала плечами.

— Да если бы я знала. На самом деле Рун не очень разговорчив. Я думаю, эта таинственность только добавляет ему поклонниц. — Джори закусила свою нижнюю губу и

подтолкнула меня в руку. — Пожалуйста, Попс. Тебя так долго не было, и я скучала. Я хочу провести как можно больше времени с тобой, но ты продолжаешь прятаться. Нам нужно компенсировать годы. Руби тоже будет там. Ты же знаешь, я не отстану.

Я уткнулась глазами в землю, упорно обдумывая оправдание, чтобы не пойти. Я подняла взгляд на Джори и было ясно, что мой отказ расстроит ее.

Отгоняя муки сомнений в своей груди, я сдалась:

— Ладно, я пойду с тобой.

На лице засияла широкая улыбка.

— Чудесно! — сказала она. Я рассмеялась, когда она быстро меня обняла.

— Мне нужно домой, — сказала я, когда она отпустила меня. — У меня сольное выступление сегодня вечером.

— Хорошо, я заеду за тобой завтра в семь вечера, ладно?

Я махнула рукой и начала идти домой. Прошла только несколько метров, когда заметила, что кто-то идет за мной через вишневую рощу. Когда я посмотрела через плечо, там был Рун.

Мое сердце учащенно забилося, когда мой взгляд нашел его. Он не отводил глаз от меня, но я отвела. Я боялась, что он заговорит со мной. Что, если он захочет моих объяснений? Или хуже, он захочет сказать мне, что все, что было между нами — ничего не значило?

Это разрушит меня.

Ускорив свой темп, я опустила голову и поспешила домой. Я чувствовала, что он идет следом за мной весь путь, и он не приложил усилий, чтобы перегнать меня.

Когда я помчалась вверх по лестнице своего крыльца, я посмотрела в сторону и увидела, что он прислонился сбоку своего дома, рядом с окном. Мое сердце сжалось, когда он откинул свои волосы назад. Мне нужно было удержаться на крыльце, чтобы не бросить сумку, не рвануть к нему и не начать объяснять, почему бросила его, почему так ужасно порвала с ним, и говорить, что я отдам что угодно, чтобы он поцеловал меня еще хоть один раз. Вместо этого, я заставила себя зайти внутрь.

Слова моей мамы звучали в моей голове, когда я пришла в свою комнату и легла...

«Может, это хорошо, что ты разорвала все контакты, малышка. Я, правда, не уверена, что он бы справился со всем, через что тебе пришлось пройти, исходя из того, что сказала его мама...»

Закрыв глаза, я поклялась оставить его в покое. Я не буду бременем для него. Я защищу его от боли.

Потому что я все еще любила его так же сильно, как и всегда.

Несмотря на то, что мальчик, которого любила я, больше не любил меня.

7 глава

Поппи

Я согнула одну руку, удерживая виолончель и смычок другой. Время от времени мои пальцы немели, и мне приходилось ждать, прежде я снова могла играть. Но когда Майкл Браун закончил свое соло на скрипке, я знала, что ничего не удержит меня от того, чтобы сидеть на сцене сегодня. Я сыграю свою симфонию. И буду смаковать каждую секунду создания музыки, которую я так сильно люблю.

Майкл поднял смычок, и зал взорвался восторженными аплодисментами. Он быстро поклонился и покинул сцену с другой стороны.

Конферансье взял микрофон и объявил мое имя. Когда зрители услышали о моем возвращении, они захлопали громче, приветствуя меня в музыкальной сфере.

Мое сердце ускорилося от свиста и поддержки родителей и друзей в зале. Когда многие из моих товарищей по оркестру подошли за кулисы, чтобы похлопать меня по спине и

пожелать удачи, мне пришлось проглотить комок в горле.

Распрямив плечи, я оттолкнула подавляющий натиск эмоций. Я наклонила голову, приветствуя зрителей, когда заняла свое место. Прожектор надо мной проливал яркий свет на меня.

Я села и ждала, когда стихнут аплодисменты. Как всегда, я подняла голову и увидела свою семью, гордо сидящую в третьем ряду. Мои мама и папа широко улыбались. Обе сестры помахали мне.

Показав им улыбкой, что видела их, я сражалась с легкой болью в груди, когда заметила рядом с ними мистера и миссис Кристиансен, Алтон тоже мне помахал.

Единственный, кого не хватало, был Рун.

Я не выступала два года. И до этого он не пропускал ни одного моего концерта. Даже если он должен был уехать, он всегда сидел с фотоаппаратом в руках, улыбаясь мне своей кривой полуулыбкой, когда наши взгляды встречались в темноте.

Прочистив горло, я закрыла глаза, когда обхватила пальцами гриф виолончели и поднесла смычок к струнам. Я досчитала до четырех в голове и начала «Прелюдию» из сюиты Баха для виолончели соло. Это была одно из моих любимых произведений — сложность мелодии, быстрый темп смычка и идеальный звук тенора, что отдавался эхом по залу.

Каждый раз, когда сидела на этом месте, я позволяла музыке нестись по моим венам. Мелодия наполняла мое сердце, и я воображала, что сижу на сцене «Карнеги-холл» — моя величайшая мечта. Я воображала, что зрители передо мной: люди, которые, как и я, живут ради звука одной идеальной ноты, которые с трепетом уносятся в путешествие звука.

Мое тело покачивалось в такт, двигаясь вместе с темпом и финальным крещендо... но самое главное, я забыла об онемении в своих пальцах. На краткий момент я забыла обо всем.

Когда финальная нота прозвучала в воздухе, я подняла смычок от вибрирующей струны, наклонила голову, медленно открывая глаза. Я заморгала из-за яркого света, улыбка растянулась на моих губах в спокойствии этого тихого момента, когда нота стихла, прежде чем раздались аплодисменты. Этот сладкий момент, когда из-за адреналина музыки ты чувствуешь себя таким живым, что кажется мог бы завоевать мир, что достиг самого настоящего умиротворения.

И затем, разрушая чары, раздались аплодисменты. Я улыбнулась, когда встала с места, склонив голову в знак благодарности.

Когда я схватилась за гриф виолончели, то машинально начала искать глазами свою семью. Затем мои глаза проšliсь по ликующим зрителям и переместились к задней стене. Поначалу я не узнала то, что видела. Но когда мое сердце сильнее забилося в груди, мои глаза переместились к самой левой части стены. Я заметила длинные светлые волосы, исчезающие через выход... высокий, подтянутый мальчик, одетый во все черное, исчез из виду. Но сначала он последний раз посмотрел через плечо, и я уловила блеск кристально-голубых глаз...

Шокировано, я приоткрыла губы, но прежде чем я могла убедиться в том, что видела, мальчик ушел, оставив за собой медленно закрывающуюся дверь.

Это...? Он...?

«Нет», — я решительно пыталась убедить себя. Это не мог быть Рун. Ни за что в жизни он бы не пришел.

Он ненавидел меня.

Воспоминание о его холодном голубом взгляде в школьном коридоре — подтвердило мои мысли. Я выдавала желаемое за действительное.

После финального поклона я ушла со сцены. Я прослушала трех оставшихся исполнителей, затем прошла через закулисную дверь, увидев, что моя семья и семья Руна ждут меня.

Моя тринадцатилетняя сестра Саванна первая увидела меня.

— Попс! — закричала она, подбежала ко мне и обняла меня за талию.

— Привет всем, — ответила я и сжала ее в ответ. В следующую секунду Ида, которой

уже было одиннадцать, тоже обняла меня. Я обняла их так крепко как могла. Когда они отстранились, их глаза блестели от непролитых слез. Я игриво наклонила голову. — Эй, сейчас никаких слез, помните?

Саванна рассмеялась, а Ида кивнула. Они отпустили меня. Мои мама с папой воспользовались своей очередью сказать мне, как гордятся мной.

Наконец, я повернулась к мистеру и миссис Кристиансен. Внезапно меня омыла волна нервозности. Это будет первый наш разговор с момента их возвращения из Осло.

— Поппи, — сказала нежно миссис Кристиансен и раскинула руки для объятий. Я подошла к своей второй маме и упала в ее объятия. Она прижала меня близко и поцеловала в макушку. — Я скучала по тебе, дорогая, — сказала она, ее акцент звучал сильнее, чем я помнила.

В моем разуме всплыл Рун. Я гадала, был ли у него тоже сильный акцент.

Когда миссис Кристиансен отпустила меня, я прогнала эту бесполезную мысль прочь. Следующим меня обнял мистер Кристиансен. Когда я отстранилась, то увидела, что малыш Алтон крепко ухватился за ногу миссис Кристиансен. Я наклонилась. Алтон застенчиво опустил свою голову, бросая на меня взгляды сквозь густые пряди своих длинных волос.

— Привет, малыш, — сказала я, пощекотав его бок. — Ты помнишь меня?

Алтон смотрел на меня долго, прежде чем покачал головой.

Я рассмеялась.

— Ты жил по соседству со мной. Иногда ты ходил в парк со мной и Руном или, если день был хорошим, то в вишневую рощу!

Я произносила имя Руна без задней мысли, но это напоминало мне и всем вокруг меня, что когда-то мы с Руном были неразлучны. Тишина опустилась между нашей группой.

Чувствуя боль в груди, ту же самую боль, что я чувствовала, когда отчаянно скучала по бабушке, я встала и отвела взгляд от сочувствующих лиц. Я собиралась сменить тему, когда кто-то потянул низ моего платья.

Когда я опустила взгляд, большие голубые глаза Алтона были прикованы к моему лицу. Я провела рукой по его мягким волосам.

— Эй, Алтон, ты в порядке?

Щеки Алтона покраснели, но он спросил своим невинным детским голоском:

— Ты дружишь с Руном?

Во мне снова вспыхнула та же боль, что и минуту назад, и я в панике оглядела наши семьи. Мама Руна поморщилась. Я не знала, что ответить. Алтон снова потянул меня за платье, ожидая ответа.

Вздохнув, я опустила на корточки и сказала печально:

— Он был моим самым лучшим другом в целом мире. — Я прижала руку к груди. — И я любила его всем своим сердцем, каждой его частичкой. — Наклонившись ближе, я прошептала сквозь комок в горле: — И я всегда буду любить его.

Мой желудок сделал сальто. Эти слова были от всей моей души, и неважно, что происходило сейчас между мной и Руном, он всегда будет в моем сердце.

— Рун... — Алтон внезапно заговорил. — Рун... разговаривал с тобой?

Я рассмеялась.

— Конечно, милый. Он все время разговаривал со мной. Рассказывал все секреты. Мы болтали обо всем.

Алтон посмотрел на своего папу, и его маленькие бровки сошлись вместе, а милое личико исказилось угрюмым выражением.

— Он разговаривал с Поппи, папа?

Папа Руна кивнул.

— Да, Алтон. Поппи была его лучшим другом. Он любил ее.

Глаза Алтона расширились до невероятных размеров, и он повернулся ко мне. Его нижняя губа задрожала.

— Что не так, малыш? — спросила я, погладив его руку.

Алтон всхлипнул.

— Рун не разговаривает со мной. — Мое сердце ухнуло вниз, потому что Рун обожал Алтона, он всегда присматривал за ним, играл с ним. Алтон обожал Руна. Он так сильно восхищался своим старшим братом.

— Он не замечает меня, — сказал Алтон, его надломленный голосок разбивал мое сердце. Алтон смотрел на меня. Он смотрел на меня с такой интенсивностью, с которой на меня смотрел только один человек — его старший брат, который не замечал его. Он положил свою руку на мою и сказал: — Ты можешь поговорить с ним? Можешь попросить его разговаривать со мной? Если ты его лучшая подруга, то он послушает тебя.

Мое сердце распалось на кусочки. Я посмотрела поверх головы Алтона на его маму и папу, затем на своих. Казалось, всем им было больно от решительного откровения Алтона.

Когда я снова повернулась к Алтону, он все еще смотрел на меня, умоляя помочь ему.

— Я постараюсь, милый, — сказала я нежно, — но он больше не разговаривает и со мной.

Я увидела, что надежда Алтона сдувалась как воздушный шар. Я поцеловала его в макушку, затем он отошел к своей маме. Видя, что мне больно, мой папа быстро сменил тему. Он повернулся к мистеру Кристиансену и пригласил их к нам в гости на следующий вечер. Я отошла от них, сделала глубокий вдох, пока мои глаза безучастно уставились на парковку.

Звук двигателя машины вывел меня из моего транса. Я повернулась в его направлении. У меня выбило дыхание из легких, когда на расстоянии я увидела, как длинноволосый блондин запрыгивает на переднее сиденье черной «Камаро».

Черной «Камаро», которая принадлежала Дикону Якобсу. Лучшему другу Руна.

Я посмотрела в зеркало и любовалась своим нарядом. Мое небесно-голубое платье было до середины бедра, коротко стриженные каштановые волосы были собраны на боку, закрепленные белым бантом, а на ногах были черные балетки.

Из своей коробки с украшениями я достала любимые серебряные сережки, вставив их в мочки. Они были в форме знака бесконечности. Рун подарил их мне на четырнадцатый день рождения.

Я надевала их при любой возможности.

Схватив укороченную джинсовую куртку, я поспешила из своей спальни в холодную ночь. Джори написала мне, что подъехала. Когда я забралась на переднее сиденье пикапа ее мамы, я повернулась лицом к своей лучшей подруге. Она улыбалась.

— Поппи, ты выглядишь так чертовски мило, — отметила она. Я провела руками по платью, разглаживая юбку.

— Так пойдет? — спросила я обеспокоенно. — Я правда не знала, что надеть.

Джори помахала рукой перед своим лицом, когда выехала с подъездной дорожки.

— Отлично.

Я посмотрела, во что она была одета — черное платье без рукавов и байкерские ботинки. Определенно, она была одета смелее, чем я, но я была рада, что наши наряды не были абсолютно разными.

— Итак, — начала она, когда мы покинули мою улицу, — как твой концерт?

— Хорошо, — сказала я уклончиво.

Джори посмотрела на меня с любопытством.

— И как ты себя чувствуешь?

Я закатила глаза.

— Джори, я в порядке. Просто оставь меня в покое. Ты такая же приставучая, как моя мама.

Казалось, Джори впервые было нечего сказать, и она высунула язык. И, как всегда, рассмешила меня.

В течение поездки Джори рассказывала мне слухи, которые ходили по школе, когда я уехала. Я улыбалась во всех нужных местах и кивала головой, когда она ждала этого, но мне на самом деле было не интересно. Меня никогда не заботила вся драма, что происходила в школе.

Я услышала вечеринку прежде, чем увидела ее. Громыхающая и кричащая музыка раздавалась из дома Дикона и дальше по улице. Его родители уехали в короткий отпуск и для маленького городка, как Блоссом Гроув, это означало одно — домашняя вечеринка.

Когда припарковались рядом с домом, мы увидели, что подростки высыпали на передний двор. Я сглотнула нервный комок в горле. Я шла позади Джори, когда мы пересекали улицу.

Схватив ее за руку, я спросила:

— Все домашние вечеринки такие безумные?

Джори засмеялась.

— Да. — Она взяла меня под локоть и потянула вперед.

Когда мы вошли в дом, я вздрогнула от громкости музыки. Я крепко впились в руку Джори, пока мы пробивались сквозь толпу пьяных учеников, чтобы попасть на кухню.

Джори посмотрела на меня и рассмеялась. Когда наконец мы попали в кухню, я немедленно расслабилась, увидев, что там стоят Руби и Дикон. Здесь было спокойнее, чем в комнате, через которую мы пробирались.

— Поппи! — объявила Руби и пересекла кухню, чтобы обнять меня. — Хочешь выпить?

— Просто содовую, — ответила я, Руби нахмурилась.

— Поппи! — пожурела она. — Тебе нужен настоящий алкогольный напиток.

Я рассмеялась над ужасом, который был написан на ее лице.

— Руби, спасибо, но я выберу содовую.

— Бууу! — крикнула Руби, но обняла меня за шею и повела к напиткам.

— Попс, — поприветствовал Дикон, когда ему на телефон пришло сообщение.

— Привет, Дик, — ответила я и взяла диетическую содовую, которую налила мне Руби. Руби и Джори отвели меня на задний двор к костру, пылающему в середине газона. На удивление здесь было мало людей, отчего я чувствовал себя лучше.

Не прошло много времени прежде, чем Дикон затянул Руби назад на вечеринку в дом, оставив нас с Джори одних. Я уставилась на пламя, когда Джори сказала:

— Извини, что вчера я открыла свой большой рот и сказала все это про Руна. Тебе было больно. Я видела. Боже! Просто я не всегда думаю, прежде чем говорю! Папа угрожает, что заткнет мой рот кляпом! — Джори приложила руку ко рту, изображая борьбу. — Я не могу, Попс! Этот рот неконтролируемый!

Рассмеявшись, я покачала головой.

— Все в порядке, Джо. Я знаю, что ты не хотела. Ты бы никогда не обидела меня.

Джори убрала руку ото рта, и ее голова накренилась в сторону.

— Серьезно, Попс. Что ты думаешь о Руне? Ну, понимаешь... насчет его возвращения?

Джори с любопытством смотрела на меня. Я пожала плечами, и она закатила глаза.

— Ты убеждаешь меня, что не можешь сказать, насколько офигенно выглядит любовь твоей жизни, теперь, когда он старше, и, по моему мнению, чертовски горячее.

Мой желудок сжался, и я нервно помяла пластмассовый стаканчик в руках. Пожав плечами, я ответила:

— Он такой же красивый, как и раньше.

Джори усмехнулась за стаканчиком, когда делала глоток, затем поморщилась, когда мы услышали голос Эйвери, доносящийся с передней части дома. Джори подняла свой стаканчик.

— Бррр, похоже шлюшка в доме.

Я улынулась из-за отвращения на лице Джори.

— Она правда настолько плохая? — спросила я. — Она на самом деле шлюха?

Джори вздохнула.

— Не совсем, я просто ненавижу смотреть, как она флиртует со всеми парнями.

Ах, я точно знала, кого она имела в виду.

— Ты о ком-то конкретном? — поддразнила я, и Джори нахмурилась в ответ. — Возможно, о Джадсоне? — добавила я, из-за чего Джори бросила в меня пустой стаканчик.

Я рассмеялась, когда он пролетел мимо меня в совсем другом направлении. Когда мой смех утих, Джори сказала:

— По крайней мере, теперь, когда Рун вернулся, она отстанет от Джада. — Мой хороший настрой улетучился. Когда Джори осознала, что сказала, она раздраженно застонала, быстро села рядом со мной и взяла меня за руку. — Дерьмо, Попс. Извини. Я снова сделала это. Я не имела в виду...

— Все в порядке, — перебила я.

Но Джори усилила хватку на моей руке. Последовал момент молчания.

— Ты сожалеешь, Попс? Ты когда-либо сожалела, что вот так вышвырнула его из своей жизни?

Я уставилась на огонь, погруженная в режущее пламя, и ответила честно.

— Каждый божий день.

— Поппи, — прошептала Джори печально.

Я слабо улыбнулась.

— Я скучаю по нему, Джор. Ты понятия не имеешь как сильно. Но я не могу рассказать ему, что произошло. Я не могу сделать это с ним. Лучше пусть он верит, что меня все это больше не интересует, чем я расскажу ему ужасную правду. — Джори положила голову мне на плечо. Я вздохнула. — Если бы он узнал, он бы приложил все усилия, чтобы вернуться. Но это было невозможно. Работа его отца была в Осло. И... — я вдохнула. — И я хотела, чтобы он был счастлив. Я знала, что со временем он переживет, что я перестала с ним общаться. Но я знаю Руна, Джор, он никогда не переживет альтернативу.

Джори подняла голову и поцеловала меня в щеку, отчего я рассмеялась. Но я все еще видела печаль в выражении лица Джори, когда она спросила:

— А сейчас? Что ты собираешься делать, раз он вернулся? В конце концов, все узнают.

Глубоко вдохнув, я ответила.

— Я надеюсь на обратное, Джо. Я не популярна в школе как ты, Руби или Рун. Если я просто снова исчезну, никто не заметит. — Я покачала головой. — И я сомневаюсь, что этого Руна, который вернулся, заботит это. Я снова видела его в коридоре вчера, и по его взгляду я поняла, что он чувствует. Сейчас я ничего не значу для него.

Последовала неловкая тишина, пока моя лучшая подруга не отважилась сказать:

— Но ты все еще любишь его также сильно. Я права?

Я не ответила, но мое молчание было таким же громким, как и крик.

Это так. Я все еще любила его, как и всегда.

Раздался грохот с переднего двора, оборвав наш напряженный разговор. Я осознала, что с нашего прихода, должно быть, прошло пару часов. Джори встала на ноги и поморщилась.

— Попс, мне нужно в туалет. Пойдем внутрь?

Я рассмеялась, когда Джори задержалась на месте, и последовала внутрь. Джори направилась в ванную в задней части дома. Я ждала ее в коридоре, пока не услышала голоса Дикона и Руби, доносящиеся из кабинета.

Решив пойти сесть с ними, пока я ждала Джори, я открыла дверь и зашла внутрь. Я сделала всего три шага, прежде чем пожалела, что вообще пришла на вечеринку. В маленькой комнате располагались три дивана. Руби и Дикон заняли один, Джадсон и кто-то из футбольной команды распластались на другом. Но я не могла оторвать взгляда от третьего дивана. Неважно как сильно я пыталась передвигать ногами, все было без толку.

Эйвери сидела на диване и пила из стаканчика. На ее плече была рука. И Эйвери вырисовывала узоры на руке, свисающей возле ее груди.

Я знала, какая была на ощупь эта рука.

Я знала, каково это — находиться под защитой этих рук.

И мое сердце разбилось, когда я переместила взгляд на мальчика, который сидел рядом с ней. Как будто ощущая мой тяжелый взгляд, он поднял голову. Его рука с напитком остановилась на полпути ко рту.

Слезы заполнили мои глаза.

Было тяжело перенести, что Рун двигался дальше без меня. Эта сцена принесла мне новый уровень боли, о существовании которой я даже не подозревала.

— Поппи? Ты в порядке? — обеспокоенный голос Руби внезапно раздался по комнате, вынуждая меня отвлечься от катастрофы, свидетельницей которой я оказалась.

Вынужденно улыбнувшись Руби, я прошептала:

— Да, я в порядке.

Чувствуя, что мои ноги дрожат от нежелательного внимания каждого человека в комнате, я умудрилась отступить к двери. Но, когда я это сделала, увидела, как Эйвери повернулась к Руну.

Повернулась для поцелуя.

Когда последняя часть моего сердца разбилась, я развернулась и выбежала из комнаты, прежде чем смогла лицезреть этот поцелуй. Я выскочила в коридор и побежала в ближайшую комнату, которую смогла найти. Яростно дергая ручку, я протолкнулась в полутемную прачечную.

Я захлопнула дверь и прислонилась к стиральной машинке, согнувшись пополам и расплакавшись. Я боролась с тошнотой, что поднималась по моему горлу, когда отчаянно пыталась стереть ужасное изображение из своей головы.

Я думала, что за последние два года вытерпела все грани боли. Но я ошибалась. Так сильно ошибалась. Потому что ничего не может сравниться с той болью, когда видишь любимого в объятиях другой.

Ничего не могло сравниться с предательскими губами, обещавшими поцелуй.

Я обхватила руками живот. Когда я пыталась восстановить дыхание, дверная ручка начала поворачиваться.

— Нет! Уходите... — начала я кричать, но прежде чем смогла повернуться и закрыть дверь, кто-то прошел через нее, хлопнув дверью вслед за собой.

Мое сердце ускорило, когда я осознала, что была в ловушке в этой комнате с кем-то еще. Но когда повернулась и увидела, кто вошел, вся кровь отлила от моего лица. Я пятилась назад, пока моя спина не ударилась в стену возле стиральной машинки.

Пламя костра снаружи освещало комнату достаточно, чтобы я могла разглядеть, кто вторгся в момент моей слабости.

Тот же самый мальчик, что и был ее причиной.

Рун стоял передо мной рядом с закрытой дверью. Вытянув руку, он защелкнул замок. Я сглотнула, когда он повернул лицо и посмотрел на меня. Его челюсть была напряжена, а голубые глаза решительно вперились в мои. Он уставился холодным взглядом.

Во рту пересохло. Рун сделал шаг вперед, его высокое широкоплечее тело приближалось ко мне. От биения моего сердца, кровь неслась по жилам, с ревом отдаваясь в ушах.

Пока он подходил все ближе, я опустила глаза на его голые руки: его подтянутые мышцы были испещрены жилами из-за сжатых кулаков, черная футболка демонстрировала твердый торс, на его гладкой коже все еще сохранился оттенок исчезающего загара. Своим фирменным движением, от которого у меня подгибались коленки, он поднял руку и убрал волосы с лица.

Тяжело сглотнув, я пыталась найти смелость оттолкнуть его и уйти. Но Рун шел вперед, пока для меня не осталось выхода — я была в ловушке.

Мои глаза расширились, когда он сфокусировался на мне. Рун двигался вперед, пока между нами не остались сантиметры. Так близко, что я могла чувствовать тепло от его тела. Так близко, что я могла ощущать его свежий аромат: тот, от которого мне всегда становилось

уютно, тот, который уносил меня в ленивые летние денечки, которые мы проводили в вишневой роще. Тот, что полностью унес меня в ту последнюю ночь, когда мы занимались любовью.

Мои щеки начали краснеть, когда он наклонился ближе. Я ощутила слабый намек на табак от его одежды и намек на мяту в его дыхании. Мои пальцы дергались прижатые по бокам, когда я уставилась на щетину у него на щеках и подбородке. Я хотела вытянуть руку и прикоснуться к ней. По правде сказать, я очень хотела вытянуть руку и провести пальцем по его лбу, вниз по щекам, затем по идеальным губам.

Но как только я подумала об этих губах, боль пронзила мое сердце. Я повернула голову и закрыла глаза. Он прикоснулся к Эйвери этими губами.

Он разрушил меня, подарив эти губы другой — губы, которые навсегда должны были оставаться моими.

Я ощущала его близко, наши груди почти соприкасались. Его руки были у меня над головой, опирались на стену надо мной, вытесняя каждый сантиметр моего личного пространства. Локоны его волос касались моей щеки.

Рун тяжело дышал, опалая мятой мое лицо. Я еще крепче зажмурила глаза. Он был так невозможно близко. Но все было бесполезно, по велению моего сердца и своему желанию мои глаза открылись, и я повернула голову, встречаясь с ним взглядом.

Мое дыхание застряло в горле, когда тень от огня снаружи промелькнула на его лице. Затем мое дыхание как будто остановилось полностью, когда одна из его рук нерешительно переместилась, чтобы коснуться моих волос. Как только я ощутила, что он зажал прядь между пальцами, по моему телу прошли мурашки и бабочки затрепетали в животе.

Я чувствовала, что он больше не боится, глубоко вдыхая и не напрягая подбородок. Я смотрела в его красивое лицо, пока он изучал мое, на нас обоих повлияли последние два года: мы изменились, но, тем не менее, черты наших лиц остались такими знакомыми.

Затем, когда я не была уверена, что мое сбитое с толку сердце может выдержать эту пытку, его мягкое прикосновение переместилось с моих волос на лицо и легко, как будто пёрышком, он коснулся моих розовых щек. Его пальцы остановились, и он прошептал одно слово, одно наполненное эмоциями слово, самым отчаянным и хриплым голосом:

— Поппимин.

Слеза скатилась из моего глаза и упала на его руку.

Поппимин.

Идеальное прозвище Руна для меня.

Моя Поппи.

Его девушка.

Навеки.

Навечно и навсегда.

Комок застрял в горле, когда это сладкое слово заполнило мои уши, проникая в мою душу. Я очень сильно пыталась проглотить его, чтобы оно присоединилось ко всей остальной боли последних двух лет, но подавленная и полностью пораженная, я не смогла, и долго сдерживаемое рыдание вырвалось из меня.

Когда Рун находился так близко, у меня не было и шанса.

Когда громкий всхлип сорвался с моих губ, глаза Руна потеряли свою холодность, и нежность засияла в непролитых слезах. Он наклонил голову и прижался своим лбом к моему, опуская свои пальцы, чтобы прижать к моим губам.

Я вдохнула.

Он вдохнул.

И вопреки здравому смыслу, я позволила себе притвориться, что последних двух лет не существовало. Я позволила себе притвориться, что он не уезжал. Что я тоже не уезжала. Что не было никакой боли и страданий. И бездонная пустота на месте моего сердца была наполнена светом — самым ярким светом из возможных.

Любовью Руна. Его прикосновениями и поцелуями.

Но это не было нашей реальностью. Кто-то постучался в дверь прачечной, и реальность обрушилась на нас, как штормовая волна на пляж во время дождя.

— Рун? Ты здесь? — позвал женский голос, в котором я узнала Эйвери.

Рун распахнул глаза, когда Эйвери постучалась громче. Он немедленно отпрянул, изучая меня. Подняв руку, я вытерла слезы.

— Пожалуйста... просто отпусти меня.

Я пыталась звучать уверенно. Я хотела сказать больше. Но во мне ничего не осталось. Не было сил продолжать притворство.

Мне было больно.

Это было написано на моем лице для всеобщего обозрения.

Положив руку на твердую грудь Руна, я оттолкнула его, желая уйти. Он позволил мне сдвинуть себя с моего пути, только схватив меня за руку, когда я достигла двери. Я закрыла глаза, пытаясь собрать все силы и оттолкнуть его. Когда я сделала это, то еще больше расплакалась.

Рун уставился на наши сплетенные руки, его длинные русые ресницы стали почти черными от сдерживаемых слез.

— Рун, — прошептала я. Его взгляд переместился на меня от звука моего голоса. — Пожалуйста, — умоляла я, когда Эйвери снова постучала.

Его хватка усилилась.

— Рун? — Эйвери позвала громче. — Я знаю, ты здесь.

Я сделала шаг ближе к Руну. Он напряженно наблюдал за каждым моим движением. Когда я дотронулась до его груди, то подняла голову, позволив его руке продолжить держать мою. Я встретилась с ним взглядом, узнавая замешательство в его выражении, и встала на цыпочки.

Я подняла свою свободную руку к его рту и провела подушечками пальцев по его полной нижней губе. Печально улыбнулась, вспоминая, как они ощущались прижатыми к моим. Я очертила его губы-бантиком, затем расплакалась и сказала:

— Меня медленно убивало то, что мне пришлось отказаться от тебя, Рун. Меня убивало осознание того, что я не знала, что ты делал по другую сторону Атлантики. — Я нервно вдохнула. — Но больнее всего было видеть, как ты целуешь ту девушку.

Рун побледнел, его щеки стали пепельными. Я покачала головой.

— У меня нет никакого права ревновать. Все это — моя вина. Все... я знаю это. Тем не менее, я так сильно ревную, что кажется, будто могу умереть от этой боли. — Я убрала руку с его рта. Подняв на него взгляд, умоляя своими глазами, я добавила: — Поэтому, пожалуйста... пожалуйста, отпусти меня. Я не могу быть здесь, не сейчас.

Рун не двигался. Я видела шок на его лице. Используя это в свою пользу, я вырвала свою руку из его и мгновенно открыла дверь. Не оглядываясь назад и не мешкая, я прорвалась, протолкнулась мимо Эйвери, которая рассерженная ждала в коридоре.

И побежала. Я пробежала мимо Руби и Джори, мимо Дикона и Джадсона, которые столпились в коридоре и наблюдали за разворачивающейся драмой. Я пробежала мимо множество пьяных учеников. Бежала пока не оказалась за дверью в прохладе ночи. И затем я снова побежала. Я просто бежала так быстро, как могла, так далеко от Руна, как могла.

— Рун! — я услышала пронзительный голос на расстоянии, а затем мужской голос, который добавил:

— Рун, куда ты собрался, мужик?

Но я не позволила этому удерживать себя.

Резко повернув направо, я увидела вход в парк. В нем было темно, и парк не был хорошо освещен, но это был кратчайший путь домой.

Прямо сейчас я бы отдала все, чтобы оказаться дома.

Ворота были открыты. Мои ноги вели меня по темной усаженной деревьями тропинке, неся меня вглубь парка.

Я затрудненно дышала. Мои ноги болели, когда ступни ударялись о жесткий асфальт

через балетки. Я повернула налево, направившись в вишневую рощу, где расслышала шаги позади себя.

Внезапно испугавшись, я повернула голову. Рун бежал вслед за мной. Мое сердце забилось быстрее, но на сей раз это не имело ничего общего с физической нагрузкой, а с выражением решимости на лице Руна. Рун быстро нагнал меня.

Я пробежала еще несколько метров, затем поняла, что это бесполезно. Когда я вошла в вишневую рощу, место, которое было мне так хорошо знакомо — место, которое было хорошо знакомо и ему, — я замедлила темп и, наконец, полностью остановилась.

Мгновение спустя я услышала, что Рун вошел в рощу опавших деревьев. Я слышала его тяжелое дыхание, отдающееся в холодном воздухе.

Я ощущала, что он идет позади меня.

Медленно я повернулась и встретилась лицом к лицу с Руном. Его обе руки были у него в волосах, схватившись за пряди. В его голубых глазах отражалась мука. Воздух вокруг нас потрескивал от напряжения, когда мы уставились друг на друга в тишине. Наши груди тяжело поднимались и опускались, щеки покраснелись.

Затем взгляд Руна переместился на мои губы, и он рванул вперед. Он сделал два шага и выплюнул один резкий вопрос:

— Почему?

Он стиснул зубы, когда ждал моего ответа. Я опустила взгляд, слезы наполнили мои глаза, когда я покачала головой и умоляла:

— Пожалуйста... нет...

Рун провел рукой по своему лицу. Это упрямое выражение, которое я знала так хорошо, исказило его черты лица.

— Нет! Боже, Поппи. Почему? Почему ты сделала это?

Я мгновенно была отвлечена его сильным акцентом, хрипотцой в его уже низком, скрипучем голосе. На протяжении многих лет проведенных здесь с детства, норвежский акцент почти исчез. Но сейчас его английский был перекрыт сильным скандинавским языком. Это напомнило мне о том дне, когда мы встретились на улице в пять лет.

Но когда я увидела, что его лицо покраснело от гнева, я быстро вспомнила, что прямо сейчас это не имеет никакого значения. Нам больше было не по пять лет. Не было ничего невинного. Случилось слишком много всего.

И я все еще не могла рассказать ему.

— Поппи, — настоял он, его голос стал громче, когда он сделал шаг ближе. — Какого черта ты сделала это? Почему ты так и не перезвонила мне? Почему вы все переехали? Где, черт побери, ты была? Какого черта произошло?

Рун начал ускоряться, его мышцы перекачивались под футболкой. Холодный ветер пронесся по роще и взметнул его волосы назад. Остановившись на месте, он выплюнул:

— Ты обещала. Ты обещала, что дождешься моего возвращения. Все было хорошо, пока в один день ты не перестала отвечать на мои звонки. Я звонил и звонил, но ты не отвечала. Никаких сообщений, ничего!

Он двинулся, пока его ноги в ботинках не оказались прямо напротив моих.

— Скажи мне! Скажи мне прямо сейчас! — Вся его кожа была испещрена красными пятнами от гнева. — Я, черт побери, заслуживаю знать!

Я вздрогнула на злость в его голосе. Вздрогнула от яда в его словах. Вздрогнула из-за незнакомца передо мной.

Прежний Рун никогда не говорил со мной так. Но затем я напомнила себе, что прежнего Руна больше не было.

— Я-я не могу, — я заикалась, еле шепча. Подняв взгляд, я увидела недоверчивое выражение на его лице. — Пожалуйста, Рун, — умоляла я. — Не дави на меня. Просто оставь меня в покое, — я сглотнула, затем заставила себя сказать: — Оставь нас... жить в прошлом. Мы должны двигаться дальше.

Рун отдернул голову так, как будто я ударила его.

Затем он рассмеялся. Он рассмеялся, но в его смехе не было веселья. Он был наполнен гневом и покрыт яростью.

Рун сделал шаг назад. Его руки дрожали по бокам, и он рассмеялся еще раз. Ледяным тоном он потребовал:

— Расскажи мне.

Я покачала головой, пытаясь протестовать. Он запустил руку в волосы в раздражении.

— Расскажи мне, — повторил он. Его голос опустился на октаву и излучал угрозу.

На этот раз я не покачала головой. От печали я оцепенела. От печали видеть Руна таким. Он всегда был спокойным и замкнутым. Его мама часто говорила мне, что Рун всегда был угрюмым ребенком. Она всегда боялась, что он будет приносить проблемы. Она говорила, что его врожденная предрасположенность — огрызаться на людей и держать все в себе. Когда он был ребенком, она заметила у него резкую смену настроения, его наклонности были больше негативные, чем позитивные.

«Но затем он нашел тебя, — говорила она. — Он нашел тебя. Ты научила его своими словами и действиями, что жизнь не всегда должна быть серьезной. Что жизнь нужна для того, чтобы жить. Что жизнь — одно великое приключение, жить нужно было полной и насыщенной жизнью».

Его мама была права во всем.

Когда я наблюдала, как этот мальчик источает темноту, я осознала, что это был тот Рун, которым ожидала миссис Кристиансен — нет, боялась — он станет. Это была та врожденная переменчивость настроения, которая укрывалась под поверхностью других качеств ее сына.

Склонность к тьме, не к свету.

Молча я решила развернуться. Оставить Руна в одиночестве с его гневом.

Лунные сердца и солнечные улыбки. Я повторяла мантру бабушки в своей голове. Я зажмурила глаза и пыталась оттолкнуть боль, что грозила затопить меня. Пыталась предотвратить эту боль в груди, боль, которая говорила мне то, во что я не хотела верить.

Что я сотворила это с Руном.

Я начала двигаться вперед, чтобы уйти, самосохранение захватило контроль. Когда я сделала это, то ощутила пальцы вокруг своего запястья и развернулась.

Зрачки Руна были поглощены его кристально-голубыми радужками.

— Нет! Стой здесь и расскажи мне. — Он сделал глубокий вдох и, потеряв контроль, закричал: — Скажи мне, какого черта ты оставила меня одного!

На этот раз его злость была безгранична. На этот раз в его словах была сила пощечины. Вишневая роща поплыла передо мной, мне потребовалось время, чтобы осознать, что слезы застилали мой взор.

Слеза покатилась по моей щеке, мрачный взгляд Руна не дрогнул.

— Кто ты? — прошептала я. Я покачала головой, когда Рун продолжал пялиться на меня, небольшая морщинка в углу глаза была единственным свидетельством, что мои слова оказали хоть какой-то эффект на него. — Кем ты стал? — Я посмотрела на пальцы, которые все еще держали мое запястье. Чувствуя комок в горле, я сказала: — Где мальчик, которого я любила? — Рискнув еще раз посмотреть в его лицо, я прошептала: — Где мой Рун?

Внезапно Рун отцепил свои пальцы от моей руки, как будто моя кожа обжигала. Мерзкий смех слетел с его губ, когда он пригвоздил меня взглядом. Он поднял руку и нежно погладил мои волосы — противоречиво мягкий жест по сравнению с ядом, который он выдал:

— Ты хочешь узнать, куда делся тот мальчик? — Я сглотнула, когда он рассматривал каждую часть моего лица — каждую черточку, кроме моих глаз. — Ты хочешь узнать, куда делся твой Рун? — Он скривил губы в отвращении. Как будто мой Рун был кем-то недостойным. Как будто мой Рун не стоил всей любви, что я чувствовала к нему.

Склонившись, он встретился со мной взглядом, его взгляд был таким суровым, отчего мурашки поползли по моей спине. Он резко прошептал:

— Тот Рун умер, когда ты оставила его одного. — Я пыталась отвернуться, но Рун

преградил мне путь, не давая избежать его уничтожающей жестокости. Я втянула резкий вдох, но Рун не закончил. В его глазах я видела, что он далек от конца.

— Я ждал тебя, — сказал он. — Я ждал и ждал, что ты позвонишь и все объяснишь. Я звонил всем, кого знал здесь, пытаюсь найти тебя. Но ты исчезла. Уехала заботиться о какой-то больной тете, о существовании которой я даже не знал. Твой отец не стал говорить со мной, когда я пытался, ты полностью отгородилась от меня. — Он сжал губы, когда пытался облегчить боль. Я видела это. Видела боль в каждом его движении, в каждом слове, он снова перенесся в болезненные воспоминания.

— Я говорил себе потерпеть, что со временем ты все объяснишь. Но когда дни превратились в недели, а недели в месяцы, я перестал надеяться. Вместо этого я погрузился в боль. Вместо этого я погрузился в темноту, которую ты создала. Когда прошел год, и мои письма и сообщения остались без ответа, я позволил боли поглотить меня, пока ничего не осталось от прежнего Руна. Потому что пришел такой день, когда я не смог смотреть в зеркало, не смог больше быть на месте того Руна. Потому что у того Руна была ты. У того Руна была Поппимин. У того Руна было целое сердце. Твоя половинка и моя. Но твоя половинка бросила меня. Она исчезла, и я позволил тому, что во мне есть сейчас, пустить корни. Темноте. Боли. Гребаной куче злости.

Рун наклонился, пока его дыхание не опалило мое лицо.

— Ты сделала меня таким, Поппи. Тот Рун, которого ты знала, умер, когда ты превратилась в суку и нарушила каждое свое обещание.

Я отшатнулась, не в состоянии сохранить равновесие от его слов. Его слова были как пули в мое сердце. На лице Руна не выражалось ни капли сожаления. Я не видела сочувствия в его взгляде. Просто холодная, жесткая правда.

Он имел в виду каждое слово.

Затем, взяв с него пример, я позволила гневу завладеть мной. Я передала контроль всему гневу, что был внутри меня. Я бросилась вперед и ударила Руна в грудь. Не ожидая, что он хоть шелохнется. Я была удивлена, что он отшатнулся, прежде чем быстро вернул равновесие.

Но я не остановилась.

Я ударила его снова, обжигающие слезы катились по моему лицу. Я снова и снова била его по груди. Крепко стоя на земле, Рун не шелохнулся. Поэтому я была энергично. Всклип сорвался с моих губ, когда я ударила его по туловищу, мышцы перекатывались под его футболкой, пока я высвобождала все, что накопилось внутри меня.

— Я ненавижу тебя! — я кричала во всю силу своих легких. — Я ненавижу тебя за это! Я ненавижу человека, которым ты стал! Я ненавижу вас обоих! — я задыхалась от криков и пошатнулась, изможденная.

Видя, что его взгляд по-прежнему решительно направлен на меня, я использовала последнюю каплю своей энергии, чтобы крикнуть:

— Я спасала тебя, Рун! Я спасала тебя от боли. Я спасала тебя от чувства беспомощности, которое охватило всех, кого я люблю.

Светло-русые брови Руна слились в одну хмурую линию над его глазами. Замешательство исказило его красивое лицо.

Я сделала еще один шаг назад.

— Потому что я не могла видеть тебя, не могла вынести саму мысль, что ты увидишь то, что случится со мной. Я не могла сделать это с тобой, когда ты был так далеко. — Всклип покинул мое горло. Так много всхлипов, что моя грудь захрипела от напряжения.

Я закашляла, прочищая горло, и двинулась вперед туда, где Рун все еще стоял как статуя. Положив руку на сердце, я сказала хриплым голосом:

— Я должна была бороться. Отдать на это все силы. Я должна была попытаться. И больше всего на свете я хотела, чтобы ты был рядом все это время. — Мои мокрые ресницы начали сохнуть на прохладном воздухе. — Ты бы бросил все, чтобы попытаться добраться до меня. Ты уже ненавидел своих родителей, ненавидел свою жизнь в Осло, я могла слышать

это каждый раз, когда мы говорили. Ты становился таким жестоким. Как бы ты смог совладать с этим?

В моей голове пульсировало, головная боль атаковала меня.

Мне нужно было уйти. Мне нужно было уйти от всего этого. Я попятилась. Рун по-прежнему стоял неподвижно. Я даже не была уверена, что он моргал.

— Мне нужно идти, Рун. — Я схватилась за грудь, зная, что последний кусочек моего сердца разобьется после следующих слов: — Просто оставь всё как есть, в вишневой роще, которую мы так сильно любили. Позволь нам закончить, что мы должны... что бы у нас ни было. — Мой голос почти затих, но собрав все силы, я сказала: — Я буду держаться от тебя подальше. Ты держись подальше от меня. Мы, наконец, оставим нас в прошлом. Потому что таков наш путь. — Я отвела взгляд, не желая видеть боль в глазах Руна. — Я не вынесу всю эту боль, — я слабо рассмеялась.

— Мне нужны лунные сердца и солнечные улыбки, — я улыбнулась про себя. — Вот, что держит меня. Я не перестала верить в красоту мира. Я не позволю этому разрушить меня. — Я заставила себя посмотреть на Руна. — И я не буду причиной того, что кому-то еще больно.

Когда повернула голову, я увидела, что агония исказила лицо Руна. Но я не задержалась. Я побежала. Бежала быстро, только сумев преодолеть свое любимое дерево, когда Рун схватил меня за руку и развернул снова.

— Что? — потребовал он. — О чем, черт побери, ты говоришь? — Он отрывисто дышал. — Ты ничего не объяснила! Ты заявила, что спасаешь и бережешь меня. Но от чего? Что, по твоему мнению, я не смогу выдержать?

— Рун, пожалуйста, — умоляла я, и оттолкнула его. Он был возле меня в мгновение ока: руки на моих плечах, удерживая меня на месте.

— Ответь мне! — закричал он.

Я снова оттолкнула его.

— Отпусти меня! — мое сердце беспокойно колотилось. Мою кожу покалывало от мурашек. Я снова повернулась, чтобы уйти, но его руки удержали меня на месте. Я боролась снова и снова, пытаюсь уйти, на этот раз пытаюсь сбежать от дерева, чьи ветви всегда приносили мне удовлетворение.

— Оставь меня в покое! — закричала я снова.

Рун наклонился.

— Нет, расскажи мне. Объясни! — закричал он.

— Рун...

— Объясни! — закричал он, перебивая меня.

Я быстро замотала головой, не желая ничего говорить, пытаюсь избежать этого.

— Пожалуйста! Пожалуйста! — умоляла я.

— Поппи!

— НЕТ!

— ОБЪЯСНИ!

— Я УМИРАЮ! — закричал я в тишине рощи, не в состоянии больше бороться. — Я умираю, — добавила я, не дыша. — Я.... умираю.

Когда я сжала грудь, пытаюсь восстановить дыхание, чудовищность того, что я натворила, медленно наполнила мой мозг. Мое сердце бешено колотилось. Оно колотилось от натиска паники. Оно колотилось и ускорялось от ужасного понимания того, что я только признала... или в чем только что призналась.

Я продолжала смотреть на землю. Где-то в моем мозгу я заметила, что руки Руна замерли на моих плечах. Когда я почувствовала тепло от его ладоней, я также осознала, что они дрожали. Я слышала его затрудненное дыхание.

Я заставила себя поднять голову и встретиться взглядом с Руном. Его глаза были широко раскрыты, и в них отражалась боль.

В этот момент я возненавидела себя. Потому что этот взгляд в его глазах, этот

загнанный в ловушку, опустошенный взгляд, был причиной, почему я нарушила свое обещание, данное два года назад.

Вот, почему я освободила его.

Как оказалось, я просто заключила его в тюрьму с гневом вместо решеток.

— Поппи, — прошептал он с сильным акцентом, когда его лицо стало блее белого.

— У меня лимфома Ходжкина². Она прогрессировала. И она в конечной стадии. — Мой голос дрожал, когда я добавила: — У меня осталось несколько месяцев жизни, Рун. Ничего нельзя изменить.

Я ждала. Я ждала, что скажет Рун, но он молчал. Вместо этого он попятился. Его глаза вглядывались в мое лицо, в поисках какого-либо признака обмана. Когда он ничего не обнаружил, то покачал головой. Тихое «нет» слетело с его губ. Затем он побежал. Он повернулся спиной ко мне и побежал.

Прошло много времени, прежде чем я нашла силы двигаться.

Прошло десять минут, прежде чем я прошла через дверь своего дома, где мои мама и папа сидели с Кристиансенами.

Но прошла лишь секунда, когда при виде меня мама бросилась ко мне, и я упала в ее объятия.

Когда мое сердце разбилось из-за сердца, которое я только что разбила.

Сердца, которое я всегда стремилась уберечь.

8 глава

Рун

«Я УМИРАЮ... Я умираю... умираю. У меня лимфома Ходжкина. Она прогрессировала. И она в конечной стадии. У меня осталось несколько месяцев жизни, Рун. Ничего нельзя изменить...»

Я бежал в темноте парка, пока слова Поппи вновь и вновь прокручивались в моей голове.

«Я УМИРАЮ... Я умираю... умираю. У меня осталось несколько месяцев жизни, Рун. Ничего нельзя изменить...»

Боль, о существовании которой я и понятия не имел, пронзила мое сердце. Она резала, колола, пульсировала во мне, пока я не затормозил и упал на колени. Я пытался дышать, но боль, едва только начавшись, перемещалась, чтобы растерзать мои легкие, пока ничего не осталось. С молниеносной скоростью она распространялась по моему телу, забирая все, пока не осталась только боль.

Я ошибался. Так сильно ошибался.

Я думал, что когда Поппи разорвала наши отношения на два года — это была самая сильная боль, которую я когда-либо испытывал. Она изменила меня, основательно изменила. Быть брошенным, быть отчужденным — больно... но это... это...

Упав вперед, парализованный болью в животе, я зарычал в темноту пустого парка. Мои руки рыли твердую землю под моими ладонями, ветки впивались в мои пальцы, разрывая мои ногти.

Но я приветствовал эти ощущения. Я мог справиться с этой болью, но с той, что внутри...

Лицо Поппи вспыхнуло у меня перед глазами. Ее идеальное лицо, когда она вошла в комнату сегодня вечером. Она улыбалась, когда увидела Руби и Дикона, но затем улыбка исчезла с ее губ, когда ее глаза нашли меня. Я видел вспышку опустошения на ее лице, когда она увидела, что Эйвери сидит возле меня, и я обнимаю ее за плечи.

Что она не видела, так это то, что я наблюдал за ней через кухонное окно, когда она сидела снаружи с Джори. Она не заметила моего прибытия, хотя я не планировал поначалу приезжать сюда. Когда Джайдсон написал мне, что пришла Поппи, ничего не могло удержать

меня.

Она игнорировала меня. С той минуты, как я увидел ее в коридоре на прошлой неделе, она не сказала мне ни слова.

И это убивало меня.

Я думал, что когда вернусь в Блоссом Гроув, найду ответы. Я думал, узнаю, почему она отстранилась от меня.

Я подавился сдавленным рыданием. Никогда, никогда даже в своих самых диких мыслях я не предполагал ничего подобного. Потому что это Поппи. Поппимин. Моя Поппи.

Она не могла умереть.

Она не могла оставить меня.

Она не могла оставить никого из нас.

Если ее не будет рядом, все будет бессмысленно. Она должна жить. Должна провести со мной вечность.

Поппи и Рун навеки.

Навечно и навсегда.

Месяцы? Я не мог... она не могла...

Мое тело задрожало, когда еще один неудержимый вопль вырвался из моего горла. Боль была не меньше, чем если бы я был повешен, утоплен и четвертован.

Слезы катились по моему лицу, проливаясь на засохшую грязь на моих руках. Мое тело застряло на месте, ноги отказывались двигаться.

Я не знал, что делать. Что, черт побери, я должен был делать? Как жить и понимать, что я не в состоянии помочь?

Запрокинув голову к звездному небу, я закрыл глаза.

— Поппи, — прошептал я, когда соленые слезы из глаз скатывались к моему рту. — Поппимин, — снова прошептал я, мои ласковые слова уносил ветер.

В своей голове я видел зеленые глаза Поппи, как будто она на самом деле сидела напротив меня...

«У меня осталось несколько месяцев жизни, Рун. Ничего нельзя изменить...»

На этот раз мои рыдания не застряли в горле. Они потоком выливались наружу. Мое тело тряслось от их силы, когда я подумал о том, через что она, должно быть, прошла. Без меня. Без меня рядом с ней, державшего ее за руку. Без меня, целующего ее в макушку. Без меня, держащего ее в объятиях, когда ей грустно, когда лечение делало ее слабой. Я подумал о том, что она столкнулась со всем этим только с половиной сердца. Половина ее души из всех сил боролась, чтобы справиться без своей второй частички.

Меня.

Я не знал, сколько просидел в парке. Казалось, прошла вечность, прежде чем я смог подняться. И когда я пошел, я чувствовал себя самозванцем в своем собственном теле. Как будто я был заперт в кошмаре, и когда проснусь, мне снова будет пятнадцать. Ничего из этого не произошло. Я проснусь в вишневой роще под нашим любимым деревом с Поппи в моих руках. Я рассмеюсь, когда проснусь и усилю хватку на ее талии. Она приподнимет свою голову, и я опущу свою для поцелуя.

И мы поцелуемся.

Мы будем целоваться и целоваться. Когда я отстранюсь, на ее лице будет играть солнечный свет, она улыбнется мне, закрыв глаза, и прошепчет:

— Поцелуй две тысячи пятьдесят три. В вишневой роще под нашим любимым деревом. С моим Руном... и мое сердце почти взорвалось. — Я подниму свой фотоаппарат и буду ждать, мои глаза будут у объектива в тот момент, когда она откроет глаза. Этот момент. Волшебный момент, где в ее глазах написано, как сильно она любит меня. И я скажу ей в ответ, что люблю ее, когда нежно проведу тыльной стороной ладони по ее щеке. Позже я повешу это фото на стену, чтобы смотреть на него каждый день...

Звук уханья совы вывел меня из оцепенения. Когда я моргнул, возвращаясь из своей фантазии, меня осенило — вот что это было: фантазия. Затем боль вернулась и ударила меня

правдой. Я не мог поверить, что она умирает.

Мое зрение размыло свежими слезами, и через мгновение я понял, что был у дерева из своих фантазий. У дерева, под которым мы все время сидели. Но когда я посмотрел на него в темноте, в момент, когда ветер колыхал его ветки, мой желудок перевернулся. На ветках не было листьев, они были длинными и тонкими, и перекрученными, все отражало этот момент времени.

Момент, когда я узнал, что моя девочка умирает.

Я заставил себя идти, каким-то образом ноги вели меня к дому. Но когда я шел, мой разум был нагроможден неуверенностью — испуганный, отказывающийся приходить к какому-либо решению. Я не знал, что делать, куда идти. Слезы беспрерывно текли из моих глаз, боль внутри моего тела облюбовала свой новый дом. Ни одна часть меня не была пощажена.

«Я сделала это, чтобы спасти тебя...»

Ничего не могло спасти меня. Мысль о ней, настолько больной, пока она боролась, чтобы сохранить свет, который излучала так ярко, разрушила меня.

Подойдя к дому, я уставился в окно, которое пленило меня в течение двенадцати лет. Я знал, что она по другую сторону. Дом был погружен в темноту. Но когда я сделал шаг вперед, я сразу же остановился.

Я не мог... Я не мог видеть ее... Не мог...

Развернувшись, я бросился по ступенькам к своему дому и ворвался в дверь. Слезы злости и печали прорывались через меня, борясь за доминирование. Я разрывался на части внутри.

Я прошел гостиную.

— Рун! — позвала меня мама. Я мгновенно услышал понимание в ее голосе.

Я остановился. Когда я повернулся лицом к своей маме, она встала с дивана, и я увидел, что слезы стекают по ее лицу.

Это ударила меня как отбойный молоток.

Она знала.

Мама сделала шаг вперед, вытянув руки. Я уставился на них, но не мог принять их. Я не мог...

Я бросился в свою комнату. Промчался через дверь и затем замер на месте. Я стоял по центру комнаты и оглядывался вокруг, в поисках хоть одной подсказки, что же делать дальше.

Но я не знал. Мои руки взлетели к волосам, и я схватился за них. Рыдание вырвалось из моего рта. Я тонул в чертовых слезах, которые стекали по моим щекам, потому что я не знал, что нахрен делать.

Я сделал шаг вперед, затем остановился. Двинулся к своей кровати, затем остановился. Мое сердце стучало в медленном заикающемся ритме. Я боролся с тем, чтобы не упасть на пол.

А затем я сломался.

Я освободил ожидающий гнев. Я позволил ему насытить меня и вести вперед. Потянувшись к кровати, я наклонился, чтобы схватиться за каркас и с громким ревом я поднял ее со всей силы, переворачивая матрас и крепкий деревянный каркас. Я двинулся к столу и одним движением смел все с него. Схватив свой ноутбук, прежде чем он упал на пол, я развернулся на месте и кинул его в стену. Я слышал, как он разбился, но это не помогло. Ничего не помогало. Боль все еще была на месте. Выворачивающая правда.

Гребаные слезы.

Стиснув кулаки, я запрокинул голову назад и закричал. Я кричал и кричал, пока мой голос не охрип, а горло не заболело. Опустившись на колени, я позволил себе утопать в горе.

Затем я услышал, что моя дверь открылась, и поднял голову. Мама вошла. Я покачал головой, поднимая руку, чтобы остановить ее. Но она продолжала идти.

— Нет, — прохрипел я, пытаюсь двигаться. Но она не слушала, вместо этого она

опустилась на пол рядом со мной. — Нет! — закричал я громче, но она вытянула руки и обернула их вокруг моей шеи.

— Нет! — Я боролся, но она притянула меня к себе, и я проиграл битву. Я рухнул в ее объятия и заплакал. Я плакал и кричал в объятиях женщины, с которой едва разговаривал последние два года. Но прямо сейчас я нуждался в ней. Мне нужен был кто-то, кто понимал.

Понимал, что будет означать для меня потерять Поппи.

Поэтому я все отпустил. Я схватился за нее так сильно, что думал, оставлю синяки. Но моя мама не шелохнулась, она плакала со мной. Она тихо сидела, прижимая мою голову, пока я терял все силы.

Затем я услышал движение у двери.

Мой папа наблюдал за нами со слезами в глазах и печалью на лице. И это разожгло пламя в моем животе. Во мне что-то щелкнуло, когда я увидел мужчину, который забрал меня и силой увез от Поппи, когда она нуждалась во мне больше всего.

Оттолкнувшись от мамы, я зашипел на него:

— Убирайся.

Мама напряглась, и я оттолкнул ее еще дальше, сердито посмотрев на папу. Он поднял свои руки, шок отразился на его лице.

— Рун... — сказал он спокойным голосом.

Это только подлило масло в огонь.

— Я сказал убирайся! — я встал на ноги.

Папа посмотрел на маму. Когда он перевел взгляд на меня, мои руки были сжаты в кулаки. Я приветствовал ярость, которая бурлила во мне.

— Рун, сынок. Ты в шоке, тебе больно...

— Больно? Больно? Ты и понятия гребаного не имеешь! — ревел я и сделал шаг ближе к нему. Мама подскочила на ноги. Я проигнорировал ее, когда она пыталась встать у меня на пути. Мой папа вытянул руку и задвинул ее за себя в коридор.

Потом слегка закрыл дверь, блокируя ей вход.

— Убирайся к черту, — сказал я последний раз, чувствуя, как ненависть к этому человеку выходит на поверхность.

— Мне жаль, сынок, — прошептал он, и слеза скатилась по его щеке. Он имел наглость стоять передо мной и прослезиться.

У него не было гребаного права!

— Нет, — предупредил я, мой голос был отрывистым и грубым. — Даже не смей стоять здесь и плакать. Не смей говорить, что тебе жаль. У тебя не было гребаного права забирать меня отсюда. Ты увез меня от нее, когда я не хотел этого. Ты увез меня, когда она была больна. И сейчас... сейчас... она ум... — я не смог закончить предложение. Я не мог заставить себя произнести это слово. Вместо этого, я подбежал к отцу и ударил его по широкой груди.

Он попятился назад и врезался в стену.

— Рун! — я слышал, как мама закричала в коридоре. Игнорируя ее плач, я обхватил папу за воротник, и оказался с ним лицом к лицу.

— Ты увез меня на два года. И потому что меня не было, она выкинула меня из своей жизни, чтобы спасти. Меня. Спасти от боли, что я так далеко и не могу позаботиться о ней, обнять ее, когда ей больно. Ты сделал так, что я не мог быть с ней, когда она боролась, — я сглотнул, но смог добавить: — А сейчас слишком поздно. У нее есть месяцы... — мой голос надломился. — Месяцы... — Я опустил руки и отступил, еще больше слез и боли родились во мне.

Повернувшись к нему спиной, я сказал:

— Нет пути назад. Я никогда не прощу тебе, что ты забрал ее от меня. Никогда. Между нами все кончено.

— Рун...

— Убирайся, — огрызнулся я. — Убирайся к черту из моей комнаты и нахер из моей жизни. Я покончил с тобой. Покончил.

Секунду спустя я услышал, как закрылась дверь, и дом погрузился в тишину. Но для меня в этот момент казалось, что дом кричал.

Убрав волосы с лица, я плюхнулся на опрокинутый матрас, затем прислонился к стене. На минуты или, может, часы, я уставился в пустоту. В моей комнате было темно, за исключением света от настольной лампы в углу, которая чудом уцелела от моего приступа ярости.

Я открыл глаза и уставился на фото на стене. Я нахмурился, зная, что не вешал его сюда. Должна быть, это сделала сегодня мама, когда распаковывала вещи.

И я уставился на фотографию.

Я смотрел на Поппи, за несколько дней до нашего отъезда, танцующую в роще, в вишневой роще, которую она так любила, когда она вовсю цвела вокруг нее. Ее руки были вытянуты к небу, она кружилась, смеялась, запрокинув голову назад.

Мое сердце сжалось, когда я увидел ее такую. Потому что это была моя Поппимин. Девочка, которая смешила меня. Девочка, которая бежала в вишневую рощу, смеясь и танцуя всю дорогу.

Девочка, которая сказала мне держаться от нее подальше.

«Я буду держаться от тебя подальше. Ты держись подальше от меня. Мы, наконец, оставим нас в прошлом».

Но я не мог. Я не мог оставить ее. Она не могла оставить меня. Она нуждалась во мне, как и я в ней. Мне все равно, что она сказала, не было ни единого шанса, что я оставлю ее терпеть это все в одиночку. Я даже не стал бы пробовать.

Прежде чем я мог обдумать, я подскочил на ноги и помчался к окну. Я посмотрел на окно напротив и отдал контроль своим инстинктам. Так тихо как мог, я открыл свое окно и вылез из него. Мое сердце билось в ритме с моими шагами, когда я пересекал лужайку. Я остановился как вкопанный. Затем сделал глубокий вдох, положил руку по окну и приподнял его. Оно двигалось.

Оно было незакрыто.

Как будто не прошло время. Я залез внутрь и осторожно закрыл его. На нем висела шторка, которой не была раньше. Осторожно отодвинув ее в сторону, я сделал шаг вперед, затем замер, осматривая знакомую комнату.

Сладкие духи Поппи, которыми она всегда пользовалась, первыми ударили в нос. Я закрыл глаза, отгоняя тяжесть в своей груди. Когда я снова открыл их, мой взгляд опустился на Поппи в ее кровати. Ее дыхание было мягким, пока она спала лицом ко мне, ее тело освещал только тусклый свет ночника.

Мой желудок ухнул вниз. Как, черт побери, она могла подумать, что я оставлю ее? Даже если бы она не рассказала мне, почему прекратила общение со мной, я бы нашел свой способ вернуться к ней. Несмотря на всю боль, злость и страдания, я тянулся к ней как мотылек к пламени.

Я не мог держаться вдали.

Когда я смотрел на нее, на ее розовые губы, поджатые во сне, на покрасневшее от тепла лицо, я почувствовал, как будто в мою грудь воткнули копьё. Я теряю ее.

Я потеряю единственную причину своей жизни.

Мои ноги подкашивались. Я изо всех сил пытался справиться с этой мыслью. Слезы катились по моим щекам, когда старая половая доска заскрипела подо мной. Я крепко зажмурил глаза. Когда открыл их, то увидел, что Поппи смотрит на меня с кровати отяжелевшими ото сна глазами. Затем, очевидно разглядев мое лицо — слезы на моих щеках, горе во взгляде — ее выражение лица превратилось в маску боли, и медленно она распахнула свои объятия.

Это было инстинктивно. Первобытная сила, которая была надо мной только у Поппи. Мои ноги понесли меня вперед при виде этих рук, мои ноги наконец отказали, когда я достиг кровати, колени стукнулись об пол, голова упала на колени Поппи. И как плотина, я взорвался. Слезы быстро текли по моему лицу, когда Поппи обхватила меня за голову.

Подняв руки, я обернул их — с железной хваткой — вокруг ее талии. Пальцы Поппи гладили мои волосы, пока я дрожал и упал ей на колени, от моих слез сорочка на ее бедрах намокла.

— Ш-ш-ш, — шептала Поппи, раскачивая меня вперед-назад. Сладкий звук был как рай для моих ушей. — Все в порядке, — добавила она. Меня сильно поразило, что она успокаивала меня. Но я не мог остановить боль. Не мог перестать горевать.

И я держал ее. Держал ее в своих объятиях так крепко, что думал, она попросит меня отпустить ее. Но она не попросила, и я не сделал этого. Я не смел отпускать ее на случай, если я подниму голову, а ее здесь не будет.

Мне было нужно, чтобы она была здесь.

Мне было нужно, чтобы она осталась.

— Все в порядке, — Поппи снова успокаивала меня. На этот раз я поднял голову, пока наши взгляды не встретились.

— Это не так, — прохрипел я. — Ничего не в порядке.

Глаза Поппи блестели, но в них не было слез. Вместо этого она приподняла мое лицо, положив один палец под мой подбородок, и погладила мою мокрую щеку другим. Я наблюдал, не дыша, когда маленькая улыбка начала растягиваться на ее губах.

Мой желудок перевернулся, это было первое ощущение в моем теле, которое я почувствовал после онемения, что последовало после того, как ее откровение накрыло меня.

— Вот и ты, — сказала она так тихо, что я чуть не упустил это. — Мой Рун.

Мое сердце перестало биться.

На ее лице отразилось чистое счастье, когда она убрала волосы с моего лба и провела кончиком пальца к моему носу и вдоль линии подбородка. Я оставался полностью неподвижным, пытаюсь зафиксировать этот момент в своей памяти — сделать мысленное фото. Ее руки на моем лице. Счастливый взгляд, свет, сияющий изнутри.

— Я фантазировала, как ты будешь выглядеть старше. Задумывалась, отрежешь ли ты свои волосы. Станешь ли выше и шире. Задумывалась, останутся ли твои глаза такими же. — Один уголок ее рта приподнялся. — Я задумывалась, станешь ли ты еще красивее, что казалось невозможным. — Ее улыбка увяла. — И я вижу все так и есть. Когда я увидела тебя в коридоре на прошлой неделе, я не могла поверить, что вот ты, стоишь передо мной, еще красивее, чем я вообще могла себе представить. — Она игриво потянула прядь моих волос. — С еще более длинными светлыми волосами. Твои глаза такие же яркие как небо. И ты такой высокий и широкий. — Взгляд Поппи встретился с моим, и она сказала нежно: — Мой Викинг.

Мои глаза были закрыты, когда я пытался прогнать комок в горле. Когда я открыл их, Поппи наблюдала за мной, как и всегда — в полном обожании.

Приподнявшись на колени, я наклонился ближе, увидев, как взгляд Поппи смягчился, когда я прижал свой лоб к ее, так осторожно, будто она была фарфоровой куклой. Как только наша кожа соприкоснулась, я сделал глубокий вдох и прошептал:

— Поппимин.

На этот раз слезы Поппи капали на ее колени. Я зарылся рукой в ее волосы и прижал ее ближе.

— Не плачь, Поппимин. Я не могу вынести твоих слез.

— Ты ошибаешься в их значении, — прошептала она в ответ.

Я немного наклонил голову назад, вглядываясь в ее глаза. Взгляд Поппи встретился с моим, и она улыбнулась. Я мог видеть удовольствие на ее красивом лице, когда она объясняла:

— Я не думала, что услышу, как ты обращаешься так ко мне снова. — Она тяжело сглотнула. — Я не думала, что почувствую тебя так близко ко мне снова, я не мечтала, что буду чувствовать это снова.

— Что чувствовать? — спросил я.

— Это, — сказала она и поднесла мою руку к своей груди. Прямо над сердцем. Оно

билося быстро. Я замер, чувствуя, как что-то в моей собственной груди вернулось к жизни, и она сказала: — Я не думала, что снова почувствую себя цельной. — Слеза скатилась с ее глаза и на мою руку. — Я не думала, что верну себе половинку своего сердца, прежде чем я... — Она затихла, но мы оба знали, что она имела в виду. Ее улыбка увяла, а ее взгляд сверлил мой. — Поппи и Рун. Две половинки одного целого. Наконец воссоединились. Когда это важнее всего.

— Поппи... — сказал я, но не мог отразить укол боли, который надломил все внутри меня.

Поппи моргнула, затем снова моргнула, пока ее слезы не высохли. Она уставилась на меня, наклонив голову набок, как будто изучала сложный пазл.

— Поппи, — сказал я, мой голос был хриплым и грубым. — Позволь мне остаться ненадолго. Я не могу... не могу... я не знаю, что делать...

Теплая ладонь Поппи нежно легла на мою щеку.

— Ничего не поделаться, Рун. Ничего не поделаться, остается только выдержать шторм.

Мои слова застряли в горле, и я закрыл глаза. Когда открыл их снова, Поппи наблюдала за мной.

— Я не боюсь, — сказала она уверенно, и я мог видеть, что она это и имела в виду. На сто процентов. Моя Поппи. Такая маленькая, но полна смелости и света.

Я никогда не был так горд, что люблю ее, чем в этот момент.

Мое внимание перешло на ее кровать — кровать, которая была больше, чем два года назад. Она казалась такой маленькой на большом матрасе. Когда она сидела в середине, то казалась маленькой девочкой.

Очевидно увидев мой взгляд на кровать, Поппи заерзала назад. Я мог видеть крайнюю настороженность в ее взгляде, и не мог винить ее в этом. Я был не тем парнем, с которым она попрощалась два года назад. Я изменился.

И не был уверен, что снова смогу быть ее Руном.

Поппи сглотнула, и после колебания на мгновение, похлопала по матрасу рядом с собой. Мое сердце забилося быстрее. Она позволила мне остаться. После всего. После всего, что я сделал, с тех пор как вернулся, она позволила мне остаться.

Когда я попытался подняться, мои ноги подкашивались. Слезы покрывали мои щеки, мое горло саднило, сюрреалистическое откровение о болезни Поппи... все это оставило онемение в моем теле. Каждый сантиметр меня был разрушен, заплатан с помощью пластыря — пластыря над открытыми ранами.

Временный.

Бесполезный.

Никуда не годный.

Я снял ботинки, затем забрался на кровать. Поппи поерзала и легла на свою сторону кровати, и я неловко лег на свою. В таком знакомом для нас обоих движении, мы легли на бок, лицом друг к другу.

Но это не было так хорошо знакомо, как раньше. Поппи изменилась. Я изменился. Все изменилось.

И я не знал, как это исправить.

В тишине проходила минута за минутой. Казалось, Поппи доставляло удовольствие наблюдать за мной. Но у меня был один вопрос. Один вопрос, который я хотел задать ей, когда мы перестали общаться. Эта мысль зарылась внутри меня, превращаясь в темную от желания получить ответ. Единственная мысль, от которой мне было плохо. Единственный вопрос, у которого до сих пор была возможность разорвать меня на части. Даже сейчас, когда мой мир не мог быть разрушен еще больше.

— Спроси меня, — сказала Поппи внезапно, ее голос оставался низким, чтобы не разбудить родителей. Должно быть, удивление отразилось на моем лице, потому что она пожала плечами, выглядя так чертовски мило.

— Я могу не знать мальчика, которым ты являешься сейчас, но я узнаю то выражение

лица. То самое, что порождает вопрос.

Я провел пальцами по простыне между нами, мое внимание было сосредоточено на этом действии.

— Ты знаешь меня, — прошептал я в ответ, желая поверить в это больше, чем во что-либо. Потому что Поппи была единственной, кто на самом деле знала настоящего меня. Даже сейчас, погребенного под всей этой яростью и злостью, после расстояния в два года тишины, она до сих пор знала мое сердце.

Пальцы Поппи переместились ближе к моим на нейтральной территории между нами. Нейтральная зона разделяла наши тела. Когда я наблюдал за нашими руками, которые тянулись друг к другу, но не дотягивались, я был охвачен необходимостью взять фотоаппарат, это была потребность, которую я не испытывал долгое время.

Я хотел поймать этот момент.

Хотел эту фотографию. Я хотел удержать этот момент навсегда.

— Думаю, я догадываюсь о твоём вопросе, — сказала Поппи, вытягивая меня из моих мыслей. Ее щеки покраснели, розовый цвет распространился по ее коже. — Я буду честной, с твоего приезда, я не узнаю многого. Но бывают случаи проблеска мальчика, которого я любила. Достаточно, чтобы воодушевить надежду, что он все еще спрятан где-то под поверхностью. — На ее лице была решительность. — Думаю, больше всего я хочу увидеть, как он пробивается через то, что скрывает его. Думаю, что увидеть его снова — мое самое заветное желание, прежде чем я уйду.

Я отвернул голову, не желая слушать ее разговоры о том, что она уйдет, о разочаровании, которым я стал, о том факте, что время истекает. Затем, как акт мужества, ее рука сократила расстояние между нами, и ее кончики пальцев коснулись моих. Я снова повернул к ней голову. Мои пальцы охотно принимали ее прикосновения. Поппи провела кончиками пальцев по моей ладони, прослеживая линии.

Намек на улыбку показался на ее губах. Мой желудок ухнул вниз, когда я задумался, сколько еще раз увижу эту улыбку. Не понимая, откуда у нее сила улыбаться.

Затем, медленно отступая туда, где лежала до этого, рука Поппи замерла. Она посмотрела на меня, терпеливо ожидая вопроса, который я все еще не задал.

Чувствуя, что мое сердце ускорило темп от тревоги, я спросил:

— Эта тишина... она была только из-за... твоей болезни, или из-за... потому что... — Изображения нашей последней ночи мелькали в моей голове. То как я лежу сверху нее, наши рты, прижатые в медленном, нежном поцелуе, то, как Поппи говорит мне, что готова. Как мы теряем одежду, я смотрю на ее лицо, когда толкаюсь вперед, и после этого она лежит в моих объятиях. Я засыпаю возле нее, нет ничего недосказанного между нами.

— Что? — спросила Поппи, широко распахнув глаза.

Быстро вздохнув, я пробормотал:

— Это было из-за того, что я слишком надавил на тебя? Я заставил тебя? Вынудил? — я собрался с силами и спросил: — Ты сожалела об этом?

Поппи напряглась, ее глаза заблестели. Я задумался на мгновение, расплатится ли она, признавшись, что то, чего я боялся два года, было правдой. Что я причинил ей боль. Она доверилась мне, а я сделал ей больно.

Вместо этого Поппи поднялась с кровати и опустилась на колени. Я услышал, что она вытаскивает что-то из-под кровати. Когда Поппи поднялась на ноги, в ее руке была знакомая стеклянная банка. Стеклянная банка, наполненная тысячей бумажных розовых сердечек.

Тысяча незабываемых поцелуев .

Поппи осторожно села на колени на кровати, и наклонила банку в сторону лампы на тумбочке, открыла крышку и начала поиск. Когда ее рука рыскала среди бумажных сердец, я рассматривал те, что прижимались к стеклу с моей стороны. Большинство были пустыми. Банка была пыльной — знак, что ее не открывали долгое время.

Смесь печали и надежды перемешалась внутри меня.

Надежды, что ни один парень не касался ее губ.

Печаль, что величайшее приключение ее жизни заканчивалось. Больше никаких поцелуев.

Затем эта печаль вырезала отверстие прямо во мне.

Месяцы. У нее остались только месяцы, не вся жизнь, чтобы заполнить банку. Она никогда не напишет записку на сердце в день своей свадьбы, как всегда хотела. Она никогда не станет бабушкой, читая эти поцелуи своим внукам. Она даже не вырастет из подростка.

— Рун? — спросила Поппи, когда слезы покатались по моим щекам. Я вытер их тыльной стороной своей ладони. Я не решался встретиться взглядом с Поппи. Я не хотел, чтобы она грустила. Вместо этого, когда поднял голову, я увидел, что на лице Поппи было понимание, которое быстро сменилось робостью.

Нервозностью.

На ее вытянутой руке было бумажное сердце. Только это сердце не было пустым. Оно было расписано с двух сторон. Чернила были розовыми, практически сливаясь с фоном.

Поппи вытянула руку дальше:

— Возьми его, — настояла она, и я сделал так, как она сказала.

Приподнявшись, я наклонился к свету. Я сосредоточился на розовом цвете, пока не смог разобрать слова.

«Поцелуй триста пятьдесят пять, с моим Руном в спальне... после того, как первый раз занялись любовью. Мое сердце почти взорвалось» .

Я перевернул сердце и прочитал что на другой стороне.

Я перестал дышать.

«Это была лучшая ночь в моей жизни... настолько особенная, как только могла быть».

Я закрыл глаза, тем не менее, еще одна волна эмоций накрыла меня. Если бы я стоял, уверен, то рухнул бы на колени.

Потому что она любила ее.

Ночь, что мы разделили, была желанна. Она не причинила ей боль.

Я подавил всхлип, который скользил из моего горла. Рука Поппи лежала на моей.

— Я думал, что разрушил нас, — прошептал я, глядя в ее глаза. — Думал, ты сожалеешь о нас.

— Нет, — прошептала она в ответ. Трясущейся рукой, жестом, заржавевшим от времени, что мы провели раздельно, она убрала упавшие пряди с моего лица. Я закрыл глаза под ее прикосновением, затем открыл, когда она сказала: — Когда все случилось... — объяснила она, — когда я искала лечение, — слезы, на этот раз, скользили по ее щекам, — когда это лечение перестало помогать... я думала об этой ночи часто. — Поппи закрыла глаза, ее длинные темные ресницы касались щек. Затем она улыбнулась. Ее рука все еще была в моих волосах. — Я думала о том, как нежен ты был со мной. Как это ощущалось... быть с тобой, так близко. Как будто мы были двумя половинками сердца, которое мы всегда называли нашим. — Она вздохнула. — Это было как дом. Ты и я, вместе, мы были вечностью — мы соединились. В этот момент, в момент, когда наше дыхание было хриплым, и ты держал меня так крепко... это был лучший момент моей жизни.

Она снова открыла глаза.

— Этот момент я проигрывала в голове, когда мне было больно. Я думала об этом, когда ускользала, когда начинала бояться. Потому что в этот момент я испытала ту любовь, которую бабушка отправила меня искать, дав эту банку с тысячью поцелуями. Момент, когда ты знаешь, как сильно ты любим, что ты центр чьего-то мира, так прекрасен, что живешь... даже если это длится короткое время.

Держа бумажное сердце в одной руке, я потянулся другой рукой и притянул запястье Поппи к своим губам. Я прижался в небольшом поцелуе к ее пульсу, чувствуя, как он трепещет под моим ртом. Она резко выдохнула.

— Никто больше не целовал твои губы, кроме меня? — спросил я.

— Нет, — сказала она. — Я обещала тебе это. Хотя мы и не разговаривали. Хотя я и думала, что больше тебя не увижу, я не нарушила свое обещание. Эти губы твои. Они всегда

были только твои.

Мое сердце пропустило удар, освободив ее запястье, я поднял пальцы и прижал их к ее губам — губам, которые она подарила мне.

Дыхание Поппи замедлилось, когда я прикоснулся к ее рту. Ее ресницы затрепетали и щеки покраснели. Мое дыхание ускорилося. Ускорилося, потому что я имел право собственности над этими губами. Они все еще были моими.

Навечно и навсегда.

— Поппи, — прошептал я и наклонился к ней. Поппи замерла, но я не поцеловал ее. Я не мог. Я видел, что она не могла прочесть меня. Она не знала меня.

Я едва узнавал самого себя в эти дни.

Вместо этого, я прижал губы к своим пальцам — все еще неподвижным на ее губах, образовывая барьер между нашими ртами — и просто вдохнул ее. Я вдохнул ее запах — сахар и ваниль. Моё тело было возбуждено просто от нахождения рядом с ней.

Затем мое сердце раскололось надвое, когда я отодвинулся, и она спросила с горечью:

— Сколько?

Я нахмурился. Я осматривал ее в лицо в поисках подсказки, что она имела в виду. Поппи сглотнула, и в этот раз она прижала пальцы к моим губам.

— Сколько? — повторила она.

В этот момент я точно понял, о чем она спрашивала. Потому что она смотрела на мои губы, как будто они были предателями. Она уставилась на них, как будто они что-то, что она когда-то любила, потеряла и никогда не вернет назад.

Во мне пробежал холод, когда Поппи убрала свою дрожащую руку. Ее выражение лица было сдержанным, дыхание затаилось в груди, как будто защищаясь от того, что я скажу. Но я ничего не сказал. Я не мог, этот взгляд на ее лице убивал меня.

Поппи выдохнула и сказала:

— Конечно, я знаю об Эйвери, но были другие в Осло? Я имею в виду, я знаю, что были, но их было много?

— Это имеет значение? — спросил я низким голосом. Бумажное сердце Поппи все еще было у меня в руке, значимость этого почти обжигала мою кожу.

Обещание наших губ.

Обещание половинок наших сердец.

Навечно и навсегда.

Поппи начала медленно трясти головой, но затем ее плечи резко опали, она кивнула один раз.

— Да, — прошептала она, — это имеет значение. Это не должно. Я освободила тебя. — Она опустила голову. — Но это имеет значение. Больше, чем ты можешь понять.

Она была права. Я понимал, почему это так много значило. То же самое было и для меня.

— Я был далеко долгое время, — сказал я. В этот момент я понимал, что злость, которая держала меня пленником, забирала контроль. Какая-то больная часть меня хотела сделать ей больно, как она сделала мне.

— Я знаю, — согласилась Поппи, медленно опустив голову.

— Мне семнадцать, — сказал я. Глаза Поппи взметнулись ко мне.

Ее лицо побледнело,

— Ох, — сказала она, и я мог слышать каждый оттенок боли в этом коротком слове. — То, чего я боялась, правда. Ты бы с другими, в интимном плане... так, как был со мной. Я... я просто...

Поппи переместилась на край, но я вытянул руку и поймал ее за запястье.

— Почему это имеет значение? — потребовал я и увидел, что ее глаза блестели от слез.

Гнев внутри меня слегка потускнел, но вернулся, когда я думал об этих потерянных годах. Годы я тусовался и пил, чтобы прогнать свою боль, в то время как Поппи была больна. Из-за этого я почти затрясся от ярости.

— Я не знаю, — сказала Поппи, а затем потрясла своей головой. — Все это ложь. Потому что я знаю. Потому что ты — мой. И, несмотря на все это, на то, что случилось между нами, я хранила тщетную надежду, что ты сдержишь свое обещание. Что это значит многое и для тебя. Несмотря на все, что произошло.

Я убрал руку с ее запястья, и Поппи встала на ноги. Она направилась к своей двери. Как только она потянулась к дверной ручке, я тихо сказал:

— Я сдержал его.

Поппи замерла, ее спина напряглась.

— Что?

Она не повернулась. Вместо этого я встал на ноги и подошел к ней. Я наклонился, убедившись, что она услышит мое признание. Мое дыхание обдувало ее ухо, когда я говорил, так тихо, что едва слышал самого себя:

— Обещание также много значило и для меня. Ты значила много для меня... все еще значишь. Где-то под всей этой злостью... есть ты и только ты. Всегда будет так для меня. — Поппи все еще не двигалась. Я приблизился ближе. — Навечно и навсегда.

Она повернулась, пока наши груди не соприкасались, и ее зеленые глаза вперились в мои.

— Ты... я не понимаю, — сказала она.

Я медленно поднял руку и запустил в ее волосы. Глаза Поппи закрылись, когда я сделал это, но она снова открыла их, чтобы посмотреть на меня.

— Я сдержал обещание, — признался я, наблюдая, как шок отражается на ее лице.

Она покачала головой.

— Но я видела... ты целовал...

— Я сдержал свое обещание, — перебил ее я. — С того дня как уехал, я не целовал никого. Мои губы все еще твои. Не было никого другого. И никогда не будет.

Поппи открыла рот, затем закрыла. Когда она открыла его снова, то произнесла:

— Но ты и Эйвери...

Я сжал челюсти.

— Я знал, что ты рядом. Я был зол. Хотел сделать тебе больно, как ты сделала мне. — Поппи покачала головой в неверии. Я подошел еще ближе. — Я знал, тебе будет больно, если ты увидишь меня с Эйвери. Поэтому сел рядом с ней и ждал твоего появления. Я хотел, чтобы ты поверила, что я собираюсь ее поцеловать... пока не увидел твое лицо. Пока не увидел, как ты выбегаешь из комнаты. Пока я не мог выдержать боль, которую спровоцировал.

Слезы скатились по щеке Поппи.

— Почему ты сделал это? Рун, я бы не...

— Я мог, и я сделал, — сказал я сухо.

— Почему? — прошептала она.

Я невесело улыбнулся.

— Потому что ты права. Я не тот мальчик, которого ты знала. Во мне было так много злости, когда меня увезли от тебя, и некоторое время я чувствовал только ее. Я пытался спрятать ее при наших разговорах, боролся с ней, зная, что ты все еще была со мной, несмотря на все эти мили между нами. Но когда ты перестала контактировать со мной, мне стало все равно. Я позволил злости поглотить меня. С тех пор она стала мной. — Я потянулся к руке Поппи и прижал ее к своей груди.

— У меня половинка сердца. То, кем я стал, из-за жизни без тебя. Темнота, злость рождены из-за того, что тебя не было рядом, Поппимин. Моего приключения. Моей девочки. — И затем боль вернулась. На краткие несколько минут я забыл нашу новую реальность. — И сейчас, — сказал я сквозь стиснутые зубы, — сейчас ты говоришь, что оставишь меня навсегда. Я... — слова застряли в горле.

— Рун, — пробормотала Поппи и бросилась в мои объятия, крепко обнимая меня за талию.

Мгновенно мои руки были вокруг нее как тиски. Когда ее тело растворилось в моем, я задышал. Я сделал первый чистый вдох за долгое время. Затем вдохи стали неровными, я задышался, когда говорил:

— Я не могу потерять тебя, Поппи. Я не могу. Не могу позволить тебе уйти. Я не могу жить без тебя. Ты — моё навечно и навсегда. Ты должна быть рядом со мной всю жизнь. Ты нужна мне, а я нужен тебе. Не о чем больше говорить. — Я ощущал, что она дрожит в моих объятиях. — Я не позволю тебе уйти. Потому что куда бы ты ни отправилась, я пойду следом. Я пытался жить без тебя и не выходит.

Медленно и так осторожно как могла, Поппи подняла свою голову, немного разделяя наши тела, достаточно для того, чтобы посмотреть на меня и прошептать с болью:

— Я не могу взять тебя туда, куда я отправляюсь.

Когда ее слова осели в моей голове, я попятился, убирая руки с ее талии. Я не остановился, пока не оказался на краю кровати. Я не мог выдержать это. Как, черт побери, я должен справиться со всем?

Я не мог понять, как Поппи могла быть такой сильной.

Как она могла справиться со смертельным приговором с таким достоинством? Все, чего я хотел, проклинать мир, разрушая все на своем пути.

Моя голова упала вперед. И я заплакал. Я плакал слезами, которые и не думал, что остались у меня. Это был мой резерв, последняя волна опустошения, которую я чувствовал. Слезы признавали правду, которую я отказывался признать.

Поппимин умирала.

Она на самом деле умирала.

Кровать прогнулась рядом со мной. Я улыбнулся, почуяв ее сладкий запах. Я последовал за ней, когда она потянула меня лечь на кровать. Следовал ее молчаливым инструкциям упасть в ее объятия. Я выпустил все, что накопилось во мне, когда она поглаживала меня по волосам. Обнял ее за талию и держал, изо всех сил пытаясь запомнить это ощущение. Как она ощущалась в моих руках. Ее сильное сердцебиение и теплое тело.

Я не был уверен, сколько прошло времени, но в конце концов слезы высохли. Я не отстранился от объятий Поппи. Она не переставала гладить меня по спине своими пальцами.

Мне удалось сглотнуть и смочить горло, чтобы спросить:

— Как все это произошло, Поппимин? Как ты узнала?

Поппи затихла на секунды, прежде чем вздохнула:

— Это не имеет значения, Рун.

Я сел и посмотрел в ее глаза.

— Я хочу знать.

Поппи провела рукой по моей щеке и кивнула:

— Я знаю, что хочешь. Но не сегодня. Вот это — мы, какие есть — все, что имеет значение сегодня. Ничего больше.

Я не отрывал своего взгляда от нее, как и она от меня. Своего рода умиротворение воцарилось между нами. Воздух был плотным, когда я наклонился, не желая ничего больше, чем прижаться своим ртом к ее. Почувствовать ее губы у своих.

Добавить еще один поцелуй в ее подбородок.

Когда мой рот был на волосок от рта Поппи, я поцеловал ее в щеку. Это было медленно и нежно.

Но недостаточно.

Подавшись вперед, я прижался в еще одном поцелуе, потом в еще одном, к каждому сантиметру ее щеки, ко лбу и носу. Поппи заерзала рядом со мной. Когда я отстранился, то по ее выражению догадался, что Поппи знает, что я не давлю на нее.

Потому что как бы сильно я ни хотел это признавать, мы были другими людьми сейчас. Мальчик и девочка, для которых поцеловать друг друга было то же самое, что дышать, изменились.

Настоящий поцелуй будет тогда, когда мы снова станем нами.

Я прижался в еще одном поцелуе к кончику носа Поппи, отчего она захихикала. Казалось, будто гнев утих достаточно, чтобы позволить мне почувствовать радость, укоренившуюся в моем сердце.

Когда прижал свой лоб ко лбу Поппи, я убедил ее:

— Мои губы — твои. Нищие больше.

В ответ Поппи поцеловала мою щеку. Я почувствовал, что эффект от этого поцелуя прошелся по моему телу. Уткнулся носом в сгиб ее шеи и слегка улыбнулся, когда она прошептала мне на ухо:

— Мои губы тоже твои.

Я перекатил Поппи, чтобы она была в моих руках, и наши глаза сразу же закрылись. Я уснул быстрее, чем думал. Уставшие, эмоционально напуганные и с разбитым сердцем засыпают быстро. Но опять же, так было всегда, когда Поппи была рядом.

Это был третий момент, который определил мою жизнь. Ночь, когда я узнал, что потеряю девушку, которую любил. Зная, что наше время вместе было сочтено, я держал ее крепко, отказываясь отпустить.

Она засыпала, делая то же самое...

... мощное эхо того, кем мы были.

Звук шелеста разбудил меня.

Я потер свои сонные глаза. Силуэт Поппи тихо направлялся к окну.

— Поппимин?

Поппи остановилась, затем, наконец, посмотрела на меня. Я сглотнул, отгоняя лезвие бритвы в горле, когда Поппи встала передо мной. На ней был свитер, штаны и толстая парка сверху. Рюкзак лежал у ее ног.

Я нахмурился. Было еще темно.

— Что ты делаешь?

Поппи подошла к окну, оглядываясь назад и говоря игриво:

— Ты идешь?

Она усмехнулась, и мое сердце надломилось. Оно раскололось от того, как красива она была. Уголки моих губ дернулись вверх от ее заразительного счастья, и я снова спросил:

— Куда, черт побери, ты собралась?

Поппи отодвинула занавеску и указала на небо.

— Смотреть рассвет. — Она наклонила голову набок и посмотрела на меня. — Знаю, прошло много времени, но ты забыл, что я делаю это?

Волна тепла накрыла меня. Я не забыл.

Встав на ноги, я позволил себе небольшой смешок. Я немедленно остановился. Поппи заметила, и грустно вздохнув, подошла ко мне. Я посмотрел на нее, не желая ничего большего, чем обхватить ее за шею и прижать ее рот к своему.

Поппи изучала выражение моего лица, затем взяла меня за руку. Ошеломленный, я смотрел на ее пальцы вокруг моих. Они выглядели такими маленькими, когда нежно сжимали мою руку.

— В этом нет ничего такого, знаешь, — сказала она.

— Ты о чем? — сказал я, подвигаясь ближе.

Поппи так и держала мою руку, а другую подняла к лицу. Она встала на цыпочки и приложила пальцы к моим губам.

Мое сердце забилось немного быстрее.

— Смеяться — это нормально, — сказала она, ее голос был мягкий как перышко. — Улыбаться — нормально. Чувствовать себя счастливым — нормально. Или в чем тогда смысл жизни? — То, что она сказала, ударило меня прямо по голове. Потому что я не хотел делать это или чувствовать. Я чувствовал вину только от одной мысли о том, чтобы быть

счастливым.

— Рун, — сказала Поппи. Она обхватила рукой мою шею сбоку. — Я понимаю, как, должно быть, ты себя чувствуешь. Я борюсь с этим уже некоторое время. Но я также знаю, что чувствую, когда вижу своих самых любимых людей во всем мире, тех, кого люблю всем сердцем, расстроенными и несчастными.

Глаза Поппи сверкали. Это делало ощущение еще хуже.

— Поппи... — я начал говорить, накрывая ее руку своей.

— Это хуже любой боли. Это хуже, чем смотреть в лицо смерти. Видеть, как моя болезнь высасывает радость из тех, кого я люблю, — это хуже всего. — Она сглотнула, сделала мягкий вдох и прошептала: — Мое время ограничено. Мы все понимаем это. Поэтому я хочу, чтобы это время было особенным... — Поппи улыбнулась. И это была одна из ее широких, ярких улыбок. Улыбка, из-за которой даже такой сердитый парень, как я, видел кусочек света. — Таким особенным, каким только может быть.

И так я улыбнулся.

Я позволил ей видеть счастье, которое она мне дарила. Я позволил ей увидеть, что эти слова, — слова из нашего детства — прорвались через тьму.

По крайней мере на мгновение.

— Замри, — внезапно сказала Поппи. Легкий смешок вырвался из ее горла.

— Что? — спросил я, все еще держа ее руку.

— Твоя улыбка, — она ответила и игриво изобразила, будто у нее отвисла челюсть от шока. — Она все еще существует! — прошептала она наигранно. — Я думала это какая-то мистическая легенда как Бигфут или Лох-несское чудовище. Но вот она! Я вижу ее собственными глазами!

Поппи обхватила лицо руками и наигранно захлопала ресницами.

Я покачал головой, на этот раз борясь с реальным смехом. Когда я перестал смеяться, Поппи все еще улыбалась мне.

— Только ты, — сказал я. Ее улыбка стала нежной. Наклонившись, я потянул воротник ее парки, чтобы прикрыть ее шею. — Только ты можешь вызвать у меня улыбку.

На мгновение Поппи закрыла глаза.

— Тогда я буду стараться делать это чаще. — Она посмотрела мне в глаза. — Я буду вызывать у тебя улыбку. — Она встала на цыпочках, пока наши лица почти не соприкасались. — И я буду решительной.

Птицы запели снаружи, и взгляд Поппи переместился к окну.

— Нам надо идти, если мы хотим успеть, — призвала она, затем отступила, нарушая наш момент.

— Тогда пойдем, — ответил я, натянув свои ботинки и следуя за ней. Я поднял ее рюкзак и перебросил через плечо, Поппи улыбнулась.

Я открыл окно, а Поппи бросилась к кровати. Когда она вернулась, в ее руках было покрывало. Она посмотрела на меня:

— В такую рань холодно.

— Эта парка недостаточно теплая? — спросил я.

Поппи прижала покрывало к груди.

— Это для тебя. — Она указала на мою футболку. — Ты замерзнешь в роще.

— Ты помнишь, что я норвежец, да? — спросил я сухо.

Поппи кивнула.

— Ты настоящий викинг. — Она наклонилась. — И между нами говоря, ты действительно хорош в приключениях, как и было предсказано.

Я покачал головой в изумлении. Она положила свою руку на мою.

— Но, Рун?

— Да?

— Даже викинги мерзнут.

Я склонил голову к открытому окну.

— Пойдем или пропустим рассвет.

Поппи выскользнула через окно, все еще улыбаясь, а я последовал за ней. Утро было холодным, а ветер сильнее, чем прошлым вечером.

Волосы Поппи хлестали по ее лицу. Обеспокоенный тем, что она замерзнет и заболит, я потянул ее за руку и развернул лицом к себе. Поппи выглядела удивленной, пока я не поднял ее тяжелый капюшон и натянул ей на голову.

Я затащил шнурки, чтобы капюшон не спал, а Поппи наблюдала за мной все время. Мои действия были медленными под ее пристальным вниманием. Когда я завязал бантик, мои руки были неподвижны, и я посмотрел ей в глаза.

— Рун, — сказала она, после нескольких странных секунд тишины. Я поднял подбородок, молчаливо ожидая продолжения: — Я могу видеть твой свет. Под злостью, он все еще там.

От ее слов, изумленный, я сделал шаг назад. Я посмотрел на небо. Начало светать. Я сделал шаг вперед.

— Ты идешь?

Поппи вздохнула и бросилась меня догонять. Я засунул руки в карманы, пока мы в тишине шли в рощу. Поппи смотрела по сторонам. Я пытался следовать за ее взглядом, но это просто были птицы или деревья, или колыхания травы на ветру. Я нахмурился, задаваясь вопросом, что же ее так привлекает. Но это была Поппи, она была не такой как все. Она всегда видела больше в мире, чем любой знакомый мне человек.

Она видела свет, просачивающийся из тьмы. Она видела хорошее в плохом.

Это было единственное объяснение для меня, почему она не сказала мне оставить ее в покое. Я знал, что она видела меня другим — изменившимся. Даже если она и не говорила мне об этом, я видел то, как она смотрела на меня. Ее взгляд иногда был осторожным.

Прежде она никогда так не смотрела на меня.

Когда мы вошли в рощу, я знал, где мы будем сидеть. Мы подошли к самому большому дереву — нашему дереву — и Поппи открыла рюкзак. Она вытащила покрывало, чтобы сидеть на нем.

Когда расстелила его, то жестом показала мне садиться. Я сделал это и прижал спину к стволу дерева. Поппи села по центру покрывала и оперлась на руки.

Казалось, ветер стихал. Развязав бантик на капюшоне, она опустила его, открывая лицо. Внимание Поппи было приковано к светлеющему горизонту, небо сейчас было серым с оттенками красного и оранжевого.

Потянувшись в свой карман, я вытащил сигареты и поднес одну к своему рту. Достал зажигалку, поджег сигарету и затащился, чувствуя момент, когда дым попал в мои легкие.

Дым валил вокруг меня, и я медленно выдохнул. Я видел, что Поппи пристально за мной наблюдает. Положив руку на свое согнутое колено, я уставился на нее.

— Ты куришь.

— Да.

— Ты не хочешь бросить? — спросила она. По ее голосу я мог слышать, что это была просьба. И по вспышке улыбки на ее губах, она знала, что я понимал.

Я покачал головой. Это успокаивало меня. Я не смог бы бросить курить в ближайшее время.

Мы сидели в тишине, пока Поппи не посмотрела на восходящий рассвет и спросила:

— Ты когда-нибудь наблюдал рассвет в Осло?

Я последовал за ее взглядом к сейчас уже розоватому горизонту. Звезды начали исчезать в простирающемся свете.

— Нет.

— Почему? — спросила она, повернув на месте, чтобы повернуться ко мне лицом.

Я сделал еще одну затяжку и наклонил голову, чтобы выдохнуть. Опустил голову и пожал плечами.

— Никогда не приходило мне в голову.

Поппи вздохнула и отвернулась еще раз.

— Какая впустую потраченная возможность, — сказала она, махнув рукой на небо. — Я никогда не покидала США, никогда не видела рассвет где-то еще, а ты был в Норвегии и ни разу не проснулся раньше, чтобы увидеть начало нового дня.

— Когда ты видишь один рассвет, ты видишь их все, — ответил я.

Поппи печально покачала головой. Когда она посмотрела на меня, в ее взгляде читалась жалость. Из-за этого мой желудок перевернулся.

— Это неправда, — спорила она. — Каждый день — разный. Краски, оттенки, влияние на твою душу. — Она вздохнула и произнесла: — Каждый день — это подарок, Рун. Я выучила это за последние пару лет.

Я затих.

Поппи запрокинула голову назад и закрыла глаза.

— Как этот ветер. Он холодный, потому что сейчас ранняя зима, и люди убегают от него. Они остаются в тепле. Но я принимаю его. Я дорожу ощущением ветра на моем лице, теплом солнца на моих щеках, холодом в моих костях. — Она открыла глаза. Солнце начало подниматься в небе. — Когда я лечилась, когда была прикована к больничной койке, когда мне было больно, и я сходила с ума от каждого аспекта моей жизни, я просила медсестру передвинуть мою кровать к окну. Рассвет каждый день успокаивал меня. Он восстанавливал мои силы. Наполнял надеждой.

Пепел упал на землю рядом с ней. Я осознал, что не двигался с тех пор, как она начала говорить. Она снова повернулась ко мне лицом и сказала:

— Когда я смотрела из этого окна, когда скучала по тебе так сильно, что это было больнее, чем химиотерапия, я смотрела на рассвет и думала о тебе. Я думала о том, как ты наблюдаешь рассвет в Норвегии, и это дарило мне покой.

Я не произнес ни слова.

— Ты был счастлив хоть раз? Была ли какая-нибудь часть последних двух лет, когда ты не был грустным или злым?

Огонь гнева, что сидел в моем животе, вернулся к жизни. Я покачал головой.

— Нет, — ответил я, когда бросил бычок на землю.

— Рун, — прошептала Поппи. Я видел вину в ее глазах. — Я думала, что в конце концов ты двинешься дальше. — Она опустила взгляд, но когда снова посмотрела вверх, почти разбила мое сердце. — Я сделала это, потому что не думала, что это продлится долго. — Слабая, но странно мощная улыбка украсила ее лицо. — Мне было подарено больше времени. Мне была подарена жизнь, — она глубоко вдохнула, — и сейчас к чудесам на моем пути добавилось твое возвращение.

Я отвернул голову, не в силах сохранять спокойствие, не в силах слушать, как Поппи так обыденно говорит о своей смерти и так радостно о моем возвращении. Я ощутил, что она придвинулась ко мне. Ее сладкий запах накрыл меня, и я закрыл глаза, тяжело вдыхая, когда ее рука прижалась к моей.

Тишина снова повисла между нами, уплотняя воздух. Поппи положила свою руку на мою. Я открыл глаза как раз, когда она показала на небо, которое сейчас изменялось быстрее, ознаменовывая новый день. Я прислонил голову к шершавой коре, наблюдая, как розовая дымка нависает над голой рощей. Моя кожа дрожала от холода. Поппи подняла одеяло и укрыла нас обоих.

Как только плотное шерстяное одеяло накрыло нас своим теплом, ее пальцы переплелись с моими, соединяя наши руки. Мы наблюдали за солнцем, пока новый день полностью не вступил в свои права.

Я чувствовал, что ей нужна честность. Отпихнув свою гордость, я признался:

— Ты сделала мне больно.

Мой голос был хриплым и низким.

Поппи напряглась.

Я не смотрел в ее глаза, я не мог. Затем я добавил:

— Ты полностью разбила мое сердце.

Когда густые облака уплыли, небо стало голубым. Пока утро устанавливало свои права, я ощутил, что Поппи задвигалась, она вытирала свою слезу.

Я поморщился, ненавидя мысль, что расстроил ее, но она хотела знать, почему я был круглосуточно зол. Она хотела знать, почему я никогда не смотрел гребаный рассвет. Хотела знать, почему я изменился. Это была правда. И я очень быстро узнал, что иногда правда бывает стервой.

Поппи всхлипывала от рыданий, я поднял руку и обернул вокруг ее плеча. Я ожидал, что она будет сопротивляться, но вместо этого она нежно прижалась ко мне. Она хотела быть ближе.

Я удерживал свое внимание на небе, стиснув челюсть, пока мои глаза застилали слезы. Я сдерживал их.

— Рун, — сказала Поппи.

Я покачал головой.

— Это не имеет значения.

Поппи подняла голову и повернула мое лицо к своему, ее рука была на моей щеке.

— Конечно, имеет, Рун. Я сделала тебе больно. — Она сглотнула слезы. — Это было ненамеренно. Я просто хотела спасти тебя.

Я всмотрелся в ее глаза и увидел это. При всем при том, что это причинило мне боль, при всем при том, что ее резкое молчание разрушило меня, отправило меня в то место, откуда я не мог освободиться, я видел, что она сделала это, потому что любила меня. Она хотела, чтобы я двигался дальше.

— Я знаю, — сказал я, прижимая ее ближе.

— Но это не сработало.

— Нет, — согласился я, затем прижался поцелуем к ее макушке. Когда она посмотрела на меня, я вытер слезы с ее лица.

— Что теперь? — спросила она.

— Что ты хочешь, чтобы случилось теперь?

Поппи вздохнула и посмотрела на меня решительным взглядом.

— Я хочу вернуть старого Руна. — Мой желудок ухнул вниз, и я отстранился. Поппи остановила меня. — Рун...

— Я больше не старый Рун. И не уверен, что буду им когда-нибудь снова, — я опустил голову, но затем заставил себя посмотреть на нее. — Я все еще хочу тебя, Поппи, даже если ты не хочешь меня.

— Рун, — прошептала она. — Я только вернула тебя. Я не знаю нового тебя. Мой разум затуманен. Я не ожидала, что ты будешь проходить со мной через это... Я.... в замешательстве. — Она сжала мою руку. — Но в то же самое время, я чувствую себя полной новых сил. С обещанием нас снова. Зная, что, по крайней мере, когда я уйду, ты будешь со мной. — Ее слова уносил ветер, когда она спросила нервно: — Будешь?

Я провел пальцами по ее щеке.

— Поппи, я есть у тебя. Я всегда буду у тебя. — Я сглотнул ком в горле и добавил: — Может, я и отличаюсь от мальчика, которого ты знала, но я твой, — я усмехнулся, без юмора. — Навечно и навсегда.

Взгляд Поппи смягчился. Она толкнула меня в плечо, затем положила голову на него.

— Извини, — прошептала она.

Я прижал ее ближе, так крепко, как только мог.

— Иисус, извини, Поппи. Я не... — я не смог закончить свои слова. Но Поппи терпеливо ждала, и я опустил голову и продолжил: — Я не понимаю, как ты не разваливаешься на части из-за всего этого. Я не знаю, как ты не... — я вздохнул. — Я просто не знаю, где ты берешь силу жить дальше.

— Потому что я люблю жизнь, — пожала она плечами. — Так было всегда.

Мне казалось, что я видел новую сторону Поппи. Или, может, я вспоминал о девушке,

которой всегда знал, она будет, когда повзрослеет.

Поппи указала на небо.

— Я девушка, которая просыпается рано утром, чтобы наблюдать рассвет. Я девушка, которая хочет видеть хорошее во всем, та, кто может увлечься песней, вдохновляется искусством. — Повернувшись ко мне, она улыбнулась. — Я та самая девушка, Рун. Та, кто может переждать шторм, чтобы просто мельком увидеть радугу. Зачем страдать, если можно быть счастливой? Это очевидный выбор для меня.

Я привлек ее руку к своему рту и поцеловал тыльную сторону ладони. Ее дыхание изменилось, она задышала чаще. Затем Поппи притянула наши соединенные руки к своему рту, повернув их, чтобы поцеловать мою ладонь. Она опустила их себе на колени, прослеживая небольшие узоры на моей коже указательным пальцем свободной руки. Мое сердце растаяло, когда я понял, что она рисовала, — знаки бесконечности. Идеальную фигуру восьмерки.

— Я знаю, что ждет меня впереди, Рун. Я не наивная. Но также у меня есть сильная вера, что существует больше жизни, чем у нас здесь, на Земле. Я верю, что небо ждет меня. Я верю, что когда испущу свой последний вдох и закрою глаза в этой жизни, я проснусь в следующей, здоровая и в покое. Я верю в это всем своим сердцем.

— Поппи, — прохрипел я, разваливаясь на части от мысли потерять ее, но так чертовски гордясь ее силой. Она изумляла меня.

Поппи убрала палец от наших рук и улыбнулась мне, на ее прекрасном лице не было и намека на страх.

— Я буду в порядке, Рун. Обещаю.

— Я не уверен, что со мной все будет в порядке без тебя.

Я не хотел расстраивать ее, но это была моя правда.

— Будет, — сказала она уверенно. — Потому что у меня есть вера в тебя.

Я не сказал ничего в ответ. Что я мог сказать?

Поппи посмотрела на голые деревья вокруг нас.

— Я не могу дождаться, когда они снова зацветут. Я скучаю по виду красивых розовых цветков. Я скучаю по ощущению, когда заходишь в рощу, и тебе кажется, что ты попала в прекрасную мечту — Она подняла свою руку и провела по низко висящей ветке.

Поппи сверкнула мне взбудораженной улыбкой, затем вскочила на ноги, ее волосы развевались на ветру. Она встала на траву и вытянула руки в воздухе. Запрокинула голову назад и рассмеялась. Смех покидал ее горло с чистой непринужденностью.

Я не двигался. Я не мог. Я был прикован. Отказывался отводить взгляд от Поппи, пока она поворачивалась, кружилась, когда ветер дул в роще, развевая ее смех по воздуху.

Я подумал о мечте. Она была права. Поппи, укутанная в парку, кружась по роще рано утром, выглядела точно как мечта.

Она была похожа на птицу: на самую красивую птицу во время полета.

— Ты чувствуешь это, Рун? — спросила она, ее глаза все еще были закрыты, когда она впитывала согревающее солнце.

— Что? — спросил я, обретя голос.

— Жизнь! — закричала она, смеясь сильнее, когда ветер изменил направление, почти сбив ее с ног. — Жизнь, — сказала она тише, когда приподнималась, стоя на траве. Ее кожа была покрасневшей, а щеки горели. И она никогда не выглядела прекраснее.

Мои пальцы дернулись. Когда я опустил взгляд, я сразу понял почему. Стремление запечатлеть Поппи на пленке грызло меня изнутри. Естественное желание. Когда-то Поппи сказала мне, что я был рожден для этого.

— Я бы хотела, Рун, — сказала она, вынуждая меня поднять голову. — Я бы хотела, чтобы люди поняли, как чувствовать это каждый день. Почему, чтобы научиться ценить каждый день, нужно чувствовать окончание жизни? Почему мы ждем, когда время иссякнет, чтобы начать воплощать наши мечты, когда у нас до этого было все время мира? Почему мы не смотрим на человека, которого любим больше всего, как будто мы видим его последний

раз? Потому что если бы мы делали это, жизнь была бы по-настоящему яркой. Жизнь была бы такой насыщенной и полноценной.

Голова Поппи медленно наклонялась вперед. Она посмотрела на меня через плечо и наградила самой разрушительной улыбкой. Я смотрел на девушку, которую любил больше всего, как будто это последний раз, когда я вижу ее, и от этого я чувствовал себя живым.

От того, что она была у меня, я чувствовал себя самым благословенным человеком на планете. Хотя, прямо сейчас, наши отношения были все еще неловкими и новыми, она была у меня.

И у нее, определенно, был я.

Мои ноги встали сами по себе, отбрасывая одеяло на травяной покров рощи. Медленно я подошел к Поппи, впитывая каждую ее часть.

Поппи наблюдала за моим приближением. Когда я встал перед ней, она наклонила голову, и смущение пропутешествовало красным цветом от ее шеи к щекам.

Когда ветер дул вокруг нас, она спросила:

— Ты чувствуешь это, Рун?

Я знал, что она имела в виду ветер на моем лице и солнечные лучи над головой.

Живой.

Яркий.

Я кивнул, отвечая на совсем другой вопрос.

— Я чувствую это, Поппимин. По-настоящему.

И в этот момент что-то внутри меня изменилось. Я не мог думать о том, что у нее осталось всего несколько месяцев жизни.

Мне нужно было сосредоточиться на этом моменте.

Я хотел помочь ей чувствовать себя живой, пока я рядом с ней.

Я хотел вернуть ее доверие. Ее душу. Ее любовь.

Поппи встала ближе ко мне, проведя рукой по моей голой руке.

— Ты замерз, — произнесла она.

Меня не волновало, получу ли я переохлаждение. Обхватив рукой ее шею, я наклонился, изучая ее лицо в поисках хоть признака, что это действие было нежеланным. Ее зеленые глаза вспыхнули, но это было не сопротивление.

Вдохновленный оттого, что ее губы приоткрылись, а глаза были полузакрыты, я наклонил голову набок, минуя ее рот, и провел кончиком носа по ее щеке. Поппи ахнула, но я продолжил. Продолжил, пока не ощутил пульс на ее шее — он был учащен.

Ее кожа была теплой от танца на ветру, тем не менее, она дрожала. Я знал, что это из-за меня.

Сократив остаток расстояния, я прижался губами к точке ее учащенного пульса, пробуя ее сладость, ощущая, как мое сердце ускорило бег.

Живой.

Жизнь была такой насыщенной и полноценной.

Тихое похныкивание слетело с губ Поппи, когда я отпрянул, постепенно встречаясь с ней взглядом. Ее зеленые радужки были яркими, губы розовыми и полными. Опустив руку, я сделал шаг назад и сказал:

— Пойдем, тебе нужно поспать.

Поппи выглядела очаровательно смущенной. Я оставил ее на месте, пока собирал наши вещи. Когда закончил, нашел ее точно там, где оставил.

Я дернул головой в сторону наших домов. Поппи шла рядом со мной. С каждым шагом я обдумывал последние двенадцать часов. Американские горки эмоций, то, что я получил половину своего сердца обратно, зная, что это было только на время. Я думал о том, как целовал лицо Поппи, лежал рядом с ней.

Затем подумал о ее банке. Полупустой банке с тысячью незабываемых поцелуев. По какой-то причине чистые сердечки беспокоили меня больше всего. Поппи любила эту банку. Это был вызов, оставленный ее бабушкой. Вызов, заторможенный моим двухлетним

отсутствием.

Я посмотрел на Поппи, которая разглядывала птицу на дереве, улыбаясь ее песне с верхней ветки. Ощувив мой взгляд, она повернулась, и я спросил:

— Тебе все еще нравятся приключения?

Поппи улыбнулась от уха до уха и сразу же ответила:

— Да. Каждый день — это приключение. — Она опустила взгляд. — Я знаю, что следующие несколько месяцев будут интересным вызовом, но я готова принять его. Я стараюсь проживать каждый день по полной.

Игнорируя боль, которую это замечание разожгло во мне, план сформировался в моей голове. Поппи остановилась, когда мы достигли лужайки между нашими домами.

Она повернулась ко мне, когда мы остановились напротив ее окна. И она ждала, ждала, что я сделаю дальше. Подойдя ближе, я положил рюкзак и покрывало на землю и выпрямился, прижав руки по бокам.

— Итак? — спросила Поппи с намеком на юмор в своем голосе.

— Итак, — ответил я. Я не мог сдержать улыбку на огонек в ее глазах. — Послушай, Поппи, — начал я, раскачиваясь на пятках, — ты веришь, что не знаешь меня сейчас, — я пожал плечами, — поэтому дай мне шанс. Позволь показать тебе. Давай начнем новое приключение.

Мои щеки покраснели от смущения, но Поппи вдруг схватила мою руку и вложила в свою. Ошеломленный я смотрел на наши руки, затем Поппи встряхнула их вверх и вниз два раза. С самой большой улыбкой на своем лице, с глубокими ямочками, она объявила:

— Я — Поппи Личфилд, а ты — Рун Кристиансен. Это наше рукопожатие. Моя бабушка говорит, что правильно пожимать руку новым людям, с которыми знакомишься. Теперь мы друзья. Лучшие друзья.

Поппи посмотрела на меня из-под ресниц, и я рассмеялся. Я рассмеялся, когда вспомнил день нашего знакомства. Когда нам было по пять, и я увидел, как она выбирается через окно, в своем голубом платье, покрытом грязью, и большим белым бантом в волосах.

Поппи хотела освободить свою руку, но я держал ее крепче.

— Сходи сегодня куда-нибудь со мной.

Поппи замерла.

— На свидание, — сказал я неловко, — на настоящее свидание.

Поппи покачала головой в неверии.

— Прежде мы никогда не ходили на свидания, Рун. Мы просто... были вместе.

— Значит, мы начнем сейчас. Я заберу тебя в шесть. Будь готова.

Я повернулся и направился к своему окну, предполагая, что ее ответ был согласием. Правда была в том, что я не дам ей и шанса сказать нет. Я сделаю это для нее.

Я приложу все усилия, чтобы сделать ее счастливой.

Я снова заполучу ее.

Я снова заполучу ее таким Руном, которым являюсь сейчас.

Не было другого выбора.

Это были мы.

Это было наше новое приключение.

Приключение, от которого она почувствует себя живой.

9 глава

Поппи

— Ты собираешься на свидание? — спросила Саванна, когда они с Идой лежали на моей кровати. Они смотрели на мое отражение в зеркале, наблюдали, как я вдеваю свои серьги в форме бесконечности в мочки ушей. Наблюдали, как я наношу последний слой туши на ресницы.

— Да, на свидание, — ответила я.

Ида и Саванна посмотрели друг на друга широко раскрытыми глазами. Ида повернулась снова посмотреть на меня.

— С Руном? Руном Кристиансенем?

На этот раз я повернулась лицом к ним. Удивление на их лица беспокоило, было тревожным.

— Да, с Руном. Почему вы так удивлены?

Саванна села, уперев руки в матрас.

— Потому что Рун, о котором все говорят, не ходит на свидания. Рун, который курит и пьет на поле. Тот, что не разговаривает и скалится вместо того, чтобы улыбаться. Мальчик, который вернулся другим человеком из Норвегии. Этот Рун.

Я уставилась на Саванну, поняв обеспокоенность на ее лице. Мой желудок перевернулся, слушая то, что люди, очевидно, говорят про Руна.

— Да, но он нравится всем девушкам, — Ида вмешалась, сверкнув улыбкой. — Люди завидовали тебе, когда ты была с ним до его отъезда. Сейчас они, черт побери, умрут от зависти!

Как только эти слова соскользнули с ее губ, я увидела, что ее улыбка увядает. Она опустила взгляд, затем снова подняла голову.

— Он знает?

У Саванны сейчас был тот же самый печальный взгляд. Такой печальный, что я отвернулась. Я не могла вынести выражений на их лицах.

— Поппи? — сказала Саванна.

— Знает.

— Как он воспринял это? — робко поинтересовалась Ида.

Я улыбнулась через вспышку боли в моем сердце. Повернулась лицом к своим сестрам, они обе смотрели на меня так, будто я могу исчезнуть из поля зрения в любую секунду. Я пожала плечами.

— Не хорошо.

Глаза Саванны заблестели.

— Мне жаль, Поппи.

— Я не должна была отстраняться от него, — сказала я. — Вот почему он так зол все время. Вот почему он такой неприветливый. Я ранила его, глубоко. Когда я рассказала ему, казалось, это разрушило его, но он позвал меня на свидание. Мой Рун наконец позвал меня на свидание после всех этих лет.

Ида быстро вытерла свою щеку.

— Мама с папой знают?

Я поморщилась, затем покачала головой. Саванна с Идой переглянулись, затем посмотрели на меня, и через секунду мы все рассмеялись.

Ида завалилась на спину, держась за живот.

— О боже мой, Поппс! Папу удар хватит! Все, о чем он говорил со времени возвращения Кристиансенов, как сильно Рун изменился в худшую сторону, какой он невежливый, потому что курит и кричит на своего папу. — Оглядевшись, она села. — Он не отпустит тебя.

Мой смех прекратился. Я знала, что мои мама с папой были обеспокоены поведением Руна, но не догадывалась, как сильно они осуждали его.

— Он подойдет к нашей двери? — спросила Саванна.

Я покачала головой, хотя не была уверена, как он поступит.

Внезапно зазвонил дверной звонок.

Мы все посмотрели друг на друга широко открытыми глазами. Я нахмурилась.

— Это не может быть Рун, — объявила я удивленно. Он всегда приходил через мое окно. Никогда не был таким официальным. Это было не про нас, определенно, не про него.

Саванна посмотрела на часы на моей тумбочке.

— Шесть часов. Разве не в это время он должен зайти?

После финального взгляда в зеркало, я взяла парку и выбежала из двери своей спальни, мои сестры наступали мне на пятки. Когда обогнула коридор, я увидела, что папа открыл дверь, на его лице было пораженное выражение, когда он увидел, кто там.

Я резко остановилась.

Саванна и Ида остановились рядом со мной. Ида схватила меня за руку, когда услышала знакомый голос:

— Мистер Личфилд.

От звука его голоса мое сердце запнулось в середине удара. Я наблюдала, как папа дернул головой в замешательстве.

— Рун? — спросил он. — Что ты здесь делаешь?

Папа был вежлив, как обычно, но я могла слышать настороженность в его тоне. Я могла слышать небольшое беспокойство, может быть, даже глубокую озабоченность.

— Я пришел за Поппи, — сказал Рун моему отцу. Рука моего папы напряглась на дверной ручке.

— За Поппи? — уточнил он. Я выглянула из-за стены, в надежде мельком увидеть Руна. Ида сжала мою руку.

Я посмотрела на сестру.

— ОБМ! — произнесла она драматично одним ртом.

Я покачала головой, пока тихо смеялась над ней. Она сосредоточила свое внимание на папе, но я смотрела на ее взволнованное лицо секунду дольше. Именно такие моменты, беззаботные моменты, когда мы просто три сестры, сплетничающие о свиданиях, поражали меня сильнее всего. Ощущая, что пара глаз смотрит на меня, я повернулась к Саванне.

Без слов она сказала мне, что поняла.

Рука Саванны прижалась к моему плечу, пока я слушала Руна.

— Я веду ее, — последовала пауза, — на свидание, сэр.

Лицо моего папы побледнело, и я устремилась вперед. Когда двинулась к двери, чтобы спасти Руна, Ида прошептала мне на ухо:

— Поппи, ты мой новый герой! Посмотри на папино лицо!

Я закатила глаза и рассмеялась. Саванна схватила Иду и потянула ее назад, вне поля зрения. Но они все еще наблюдали. Они ни за что не пропустили бы это.

Румянец нервозности покрыл меня, когда я появилась у двери. Я видела, как папа качал своей головой. Затем он перевел свой взгляд на меня.

Его растерянные глаза осмотрели мое платье, бант на моей голове и макияж на лице. Его лицо стало бледнее белого.

— Поппи? — спросил мой папа. Я высоко подняла голову.

— Привет, пап, — ответила я. Дверь все еще блокировала Руну вход, но я могла видеть его размытую темную фигуру через витраж. Я ощущала его свежий аромат, который приносил в дом прохладный бриз.

Мое сердце забилось быстрее в предвкушении.

Папа указал на Руна.

— Рун здесь, потому что думает, что ведет тебя на свидание, — сказал он, как будто это не могло быть правдой, но я слышала сомнение в его голосе.

— Да, — подтвердила я.

Я услышала приглушенный шепот моих сестер позади нас и увидела маму, которая наблюдала в тени в гостиной.

— Поппи... — мой папа начал говорить, но я сделала шаг вперед, прерывая его.

— Все в порядке, — уверила я его. — Со мной все будет хорошо. — Казалось, что папа не мог сдвинуться с места. Я использовала этот неловкий момент, чтобы пройти через дверь и поприветствовать Руна.

Мои легкие и сердце перестали функционировать.

Рун было одет во все черное: черную футболку, черные джинсы и черную кожаную байкерская куртку. Его длинные волосы были распущены. Я наслаждалась моментом, когда

он поднял руку и провел по своим волосам. Он прислонился к дверному проему, его обычная поза излучала высокомерие.

Когда его глаза, яркие под нахмуренными бровями, увидели меня, я заметила вспышку света в них. Он медленно осмотрел все мое тело: от длинных рукавов моего желтого платья, вниз к моим ногам и назад к белому банту, закалывающему мои волосы на одну сторону. Его ноздри раздулись, а зрачки увеличились, что было единственным доказательством того, что ему нравилось увиденное.

Покраснев под его тяжелым взглядом, я вдохнула. Воздух был плотным, и в нем потрескивало напряжение. Напряжение между нами было ощутимым. В этот момент я поняла, что возможно безумно скучать, даже если с последней встречи прошли считанные часы.

Звук того, как папа прочистил горло, вернул меня обратно к реальности. Я оглянулась. Положив ободряюще руку ему на плечо, я сказала:

— Я приду позже, папа, хорошо?

Не дождавшись ответа, я нырнула у него под рукой, которая была прижата к двери, и вышла на крыльцо. Рун медленно отодвинулся от дверной рамы и последовал за мной. Когда мы достигли конца подъездной дорожки, я повернулась к нему.

Его напряженный взгляд уже был прикован ко мне, челюсть сжата, когда я ждала, что он заговорит. Заглянув через его плечо, я увидела, что папа наблюдает за нашим уходом с озабоченным выражением на лице.

Рун оглянулся, но никак не отреагировал, не сказал ни слова. Потянувшись в карман, он вытащил ключи и дернул подбородком в сторону «Рэндж Ровера» своей мамы.

— Я взял машину, — все, что он произнес, когда мы пошли вперед.

Я последовала за ним, сердце бешено колотилось всю дорогу до машины. Я сосредоточилась на земле, чтобы успокоить свои нервы. Когда подняла голову, Рун открыл пассажирскую дверь для меня. Внезапно вся моя нервозность испарилась.

Он стоял, как темный ангел, смотря на меня в ожидании, что я заберусь внутрь. Улыбнувшись ему, я запрыгнула в машину, краснея от счастья, когда он закрыл дверцу и забрался на водительское сиденье.

Рун завел двигателей без слов, все его внимание было сосредоточено на доме через лобовое стекло. Мой папа по-прежнему, как скала, наблюдал за нашим отъездом.

Челюсть Руна сжалась еще сильнее.

— Он просто оберегает меня, вот и все, — объяснила я, мой голос нарушил тишину. Рун посмотрел на меня боковым зрением. Мрачно взглянув на моего папу, он выехал с улицы, тишина постепенно усиливалась, пока мы ехали.

Руки Руна так крепко сжимали руль, что побелели костяшки. Я ощущала, как агрессия исходит от него волнами. От этого мне было очень грустно. Никогда прежде я не видела, чтобы в ком-то было столько ярости.

Я не могла представить себе каково это — жить так каждый день. Не могла представить вечное колющее ощущение в желудке, боль в сердце.

Выдохнув, я повернулась к Руну и нерешительно спросила:

— Ты в порядке?

Рун резко выдохнул через нос. Он кивнул один раз, затем заправил свои волосы. Мои глаза опустились на его байкерскую куртку, и я улыбнулась.

Рун изогнул свою правую бровь.

— Что? — спросил он, звук его глубокого голоса отдался в моей груди.

— Просто ты, — сказала я уклончиво.

Рун пригвоздил взгляд к дороге, затем снова посмотрел на меня. Когда он повторил это несколько раз, я поняла, что он безумно хотел узнать, о чем я думаю.

Вытянув руку, я провела ею по потертой коже рукава его куртки. Мышцы Руна напряглись под моей ладонью.

— Я могу понять, почему все девушки в городе влюблены в тебя, — сказала я. — Ида

рассказала мне все об этом сегодня. Как все будут завидовать, что я иду на свидание с тобой.

Брови Руна сошлись вместе. Я рассмеялась, по-настоящему рассмеялась, от морщин на его лбу. Он потер губы вместе, когда я рассмеялась громче, но я могла видеть искорки в его глазах. Видела, как он маскирует свое веселье.

Слегка вздохнув, я вытерла глаза. Я заметила, что хватка Руна на руле немного ослабла. Его челюсть не была напряжена, а глаза не были сощурены.

Воспользовавшись возможностью, я объяснила:

— С тех пор как я заболела, папа стал еще сильнее оберегать меня. Он не ненавидит тебя, Рун. Просто не знает нового тебя. Он даже не знал, что мы снова общаемся.

Рун сидел неподвижно, ничего не говоря.

На это раз я не пыталась разговаривать. Было очевидно, что Рун снова был не в духе. Но в настоящее время я не была уверена, как вытащить его из этого. Если я вообще могла. Я отвернулась, чтобы смотреть на мир снаружи, пока мы ехали. Я понятия не имела, куда мы едем, от волнения было невозможно усидеть на месте.

Внезапно возненавидев тишину в машине, я наклонилась к радио и включила его. Настроила свою любимую волну, и звучание моей любимой девчачьей группы наполнило машину.

— Я люблю эту песню, — сказала я радостно, снова сев на сиденье, когда медленная мелодия пианино заполнила каждый уголок машины. Я прослушала первые такты, тихо подпевая упрощенной акустической версии песни. Моей любимой версии.

Я закрыла глаза, позволяя душераздирающим словам проникнуть в мой разум и слетать с моих губ. Я заулыбалась, когда струнно-смычковые инструменты заиграли на заднем плане, усиливая эмоции приятными звуками.

Вот почему я так любила музыку.

Только у музыки была особенная способность — от нее у меня перехватывало дыхание, и она безупречно могла вдохнуть жизнь в песенную историю. Я открыла глаза и увидела, что взгляд Руна утратил весь гнев. Его голубые глаза наблюдали за мной так часто, как могли, его руки крепко вцепились в руль, но было что-то еще в его выражении лица.

В моем рту стало сухо, когда он снова на меня посмотрел, его выражение было невозможно прочитать.

— Это о девушке, которая отчаянно любила парня — всем своим сердцем. Их любовь была тайной, но она не хотела продолжать так. Она хотела, чтобы мир знал, что он принадлежит ей, а она ему.

Затем к моему удивлению, Рун прохрипел:

— Продолжай петь.

Я видела это на его лице, видела его потребность слушать меня.

Поэтому я пела.

Я не была сильной певицей. Пела мягко, правдиво. Я пела текст, принимая каждое слово. Когда пела песню о потребности в любви, я делала это всем сердцем. От этих слов, от этих страстных заявлений я чувствовала себя живой.

Все еще живой.

Они были Руном и мной. Нашей разлукой. Мой глупый план отдалиться от него, чтобы спасти его от боли, неожиданно причинил боль нам обоим в процессе. Любить его здесь, в Америке, пока он любил меня там, в Осло в ответ — было тайной.

Когда прозвучали последние слова, я открыла глаза, моя грудь болела от свирепости эмоций. Начала играть следующая песня, та, которую я не знала. Пристальный взгляд Руна прожигал во мне дыру, но я не могла поднять голову.

Что-то делало это невозможным.

Я прислонилась головой к подголовнику и сказала почти про себя:

— Я люблю музыку.

— Я знаю, — ответил Рун. Его голос был решительный, серьезный и отчетливый. Но в этом тоне я поймала нотку мягкости. Или чего-то нежного. Заботы. Я повернула голову,

чтобы оказаться лицом к нему. Я ничего не сказала, когда наши взгляды встретились. Просто улыбнулась. Улыбка была слабой и робкой, но Рун выдохнул при виде ее.

Мы повернули налево, потом еще налево, выехав на темную сельскую дорогу. Я не отрывала взгляда от Руна, думая о том, каким по-настоящему красивым он был. Я позволила себе нафантазировать, как он будет выглядеть через десять лет. И была уверена, что он будет шире. Мне было интересно, будут ли у него еще длинные волосы, и что он будет делать со своей жизнью.

Я молилась, чтобы это было как-то связано с фотографиями.

Искусство фотографии приносило такой же покой в его душу, как в мою игра на виолончели. Хотя с момента его возвращения я не видела его фотоаппарата. Он сказал, что больше не фотографирует.

От этого я становилась грустнее, чем от чего-либо.

Затем я подумала о том, что пообещала самой себе не позволять делать — я представила, как бы мы выглядели через десять лет вместе. Женатые, живем в квартире в Сохо, в Нью-Йорке. Я бы готовила в нашей тесной кухне, танцевала под музыку из радио на заднем плане. А Рун бы сидел за столом, наблюдая за мной и фотографируя, чтобы запечатлеть наши жизни навсегда. И он бы вытянул руку из-за объектива, чтобы провести пальцами по моей щеке. Я бы игриво шлепнула его по руке и рассмеялась. Именно в этот момент он бы нажал на кнопку на фотоаппарате. И этот снимок ждал бы меня вечером на подушке.

Как он идеально запечатлел момент времени.

Его идеальное мгновение. Любовь в снимке.

Слеза скатилась по моей щеке, когда я представляла эту картину. Картина, которая никогда не будет нами. Я позволила себе почувствовать боль, прежде чем спрятала ее глубоко. Затем я позволила себе радоваться, что у него будет возможность реализовать свою страсть и стать фотографом. Я буду наблюдать за ним со своего нового дома на небесах и улыбаться.

Когда Рун сконцентрировался на дороге, я позволила себе прошептать:

— Я скучала по тебе... Я так сильно скучала по тебе.

Каждая частичка тела Руна замерла. Затем он нажал на указатель поворота и вырулил на обочину. Я села, задаваясь вопросом, что произошло. Двигатель гремел под нами, но руки Руна соскользнули с руля.

Его взгляд был опущен, руки лежали на коленях. Он на мгновение сжал свои джинсы, затем повернулся ко мне. Его выражение лица было обеспокоенным.

Расстроенным.

Но оно смягчилось, когда он вперился взглядом в меня и сказал хриплым шепотом:

— Я тоже по тебе скучал. Так чертовски сильно, Поппимин.

Мое сердце одновременно с пульсом забилось сильнее. Они оба ускорились, из-за чего я почувствовала головокружение, когда упивалась честностью его хриплого голоса. Красотой взгляда на его лице.

Не зная, что сказать, я положила руку на центральную консоль. Моя ладонь была поднята вверх, пальцы растопырены. Через несколько секунд тишины, Рун медленно прижал свою ладонь к моей, и мы переплели наши пальцы вместе. Мурашки прошли по моему телу от ощущения того, как его большая рука держала мою.

Вчера мы оба были смущены, никто не знал, что делать, куда идти, как найти наш путь друг к другу. Сегодняшнее свидание было нашим новым стартом. Соединенные руки — напоминанием. Напоминанием, что мы были Поппи и Руном. Где-то под всей этой болью и страданиями, под всеми слоями, которыми мы обросли, мы все еще были там.

В любви.

Две половинки одного целого.

И мне было все равно, кто и что скажет. Мое время было ценно, но не так ценно, как Рун. Не рассоединяя наши руки, Рун опустил сцепление, и мы снова выехали на дорогу.

Мгновение спустя я поняла, куда мы едем.

Пруд.

Я широко улыбнулась, когда мы подъехали к старому ресторанчику, его палуба была украшена гирляндами синих огней, а большие обогреватели стояли возле столов на улице. Машина затормозила, и я повернулась к Руну.

— Ты привез меня на пруд на наше свидание? В Tony's Shack?

Моя бабушка привозила нас с Руном сюда, когда мы были детьми. Вечером в воскресенье. Так же как сегодня. Она жила ради их раков и с удовольствием проезжала всю дорогу, чтобы поесть их.

Рун кивнул. Я пыталась освободить руку, но он нахмурился.

— Рун, — подразнила я, — мы должны выйти из машины. Для этого нам нужно разъединить руки.

Рун неохотно отпустил, его брови были сведены вместе, пока он это делал. Я схватила свою парку и вылезла из машины. Как только закрыла дверь, Рун оказался рядом со мной. Не спрашивая разрешения, он потянулся и взял меня за руку.

По его хватке я была убеждена, что он никогда не отпустит.

Порыв ветра подул со стороны воды, когда мы шли ко входу, и Рун остановился. Он взял парку из моих рук и рассоединил наши переплетенные пальцы. Встряхнув парку, он протянул мне надеть ее.

Я собиралась запротестовать, но темный взгляд пересек лицо Руна, и я вздохнула. Развернувшись, я засунула руки в парку, повернувшись, когда руки Руна поставили меня лицом к нему. Сосредоточившись на задаче, он застегнул ее, пока холодный вечерний ветерок не задул в полную силу.

Я ждала, что Рун отдернет пальцы от моего воротника, но вместо этого они задержались там. Его мятное дыхание опалило мою щеку. Он моментально поднял взгляд в поисках моего. Мою кожу покалывало от вспышки застенчивости в его взгляде. Затем, вперившись своим взглядом в мой, он наклонился ближе и сказал:

— Я говорил тебе сегодня, какая ты красивая?

Мои пальцы на ногах подвернулись в ботинках от его сильного акцента. Рун мог выглядеть спокойным и отчужденным, но я знала его. Когда его акцент так сильно выделялся, это значило, что он нервничает.

Я покачала головой и прошептала:

— Нет.

Рун огляделся вокруг.

Когда он снова посмотрел на меня, его пальцы усилили хватку на моем воротнике, привлекая меня ближе. Его лицо было в сантиметре от моего, когда он сказал:

— Ну, так и есть. По-настоящему чертовски красива.

Мое сердце подпрыгнуло в груди, оно парило. В ответ я смогла только улыбнуться. Но для Руна это казалось достаточно. В действительности, казалось, это опьяняло его.

Наклонившись еще немного, Рун коснулся губами моего уха.

— Согревайся, Поппимин. Я не могу позволить тебе простудиться.

Его поступок — надеть на меня куртку — обрел смысл. Он защищал меня. Берег.

— Хорошо, — сказала я. — Ради тебя.

Он быстро вдохнул, его глаза закрылись на слишком долго, чтобы это было просто моргание.

Рун отступил и взял меня за руку. Молча, он повел меня в Tony's Shack и попросил столик на двоих. Администратор повела нас в патио с видом на пруд. Я не была здесь несколько лет, но ничего не изменилось. Вода была тихой и спокойной — кусочек рая, спрятанный среди деревьев.

Администратор остановилась у стола в задней части забитого патио. Я улыбнулась, собираясь занять место, когда Рун сказал:

— Нет. — Мои глаза взметнулись к Руну, как и глаза администратора. Он указал на

дальний стол на палубе, прямо у края воды. — Вот этот, — потребовал он коротко.

Молодая администратор кивнула.

— Конечно, — ответила она, слегка растерянно. Она повела нас через патио к другому столу.

Рун шел вперед, его рука все еще сжимала мою. Когда мы проходили мимо других столиков, я заметила, что девушки пялились на него. Вместо того чтобы быть расстроенной их вниманием, я проследила их взгляды, пытаюсь посмотреть на него свежим взглядом. Это было сложно. Он настолько укоренился в каждом моем воспоминании, был вырезан в моей памяти, что это было почти невозможно. Но я пыталась и пыталась, и видела то, что, должно быть, видели они.

Таинственный и задумчивый.

Мой собственный плохой мальчик.

Администратор положила меню на деревянный стол и повернулась к Руну:

— Все хорошо, сэр?

Рун кивнул, хмурый взгляд был отпечатан на его лице.

Покраснев, администратор сказала, что наш официант скоро придет, и поторопилась оставить нас наедине. Я посмотрела на Руна, но его взгляд был прикован к пруду. Я вырвала руку из его хватки, чтобы занять место, и как только я это сделала, он повернул голову и нахмурился.

Я улыбнулась на его ворчливость. Рун сел на стул, смотря на воду, а я заняла место напротив. Но как только села, Рун вытянул руку и положил ее на ручку моего стула. Я вскрикнула, когда он потянул мой стул к себе. Я дергалась на месте, пока он перемещался, схватившись за ручки, пока Рун не поставил стул так, как было нужно ему.

Поставил его поближе к себе.

Прямо рядом с ним, так что с моего места теперь тоже был виден пруд.

Рун не отреагировал на мои порозовевшие щеки, когда все внутри меня горело от этого простого жеста. В действительности, он даже не заметил этого. Он был слишком занят, снова собственнически сжимая мою руку. Слишком занят, переплетая наши пальцы вместе. Слишком занят, не отпуская меня.

Вытянув руку, Рун отрегулировал обогреватель над нами на самый высокий уровень, и расслабился только тогда, когда пламя взревело выше за железным ограждением. Мое сердце расплавилось, когда он поднес наши переплетенные руки к своему рту, в гипнотическом движении проводя по задней части моей руки туда-сюда губами.

Взгляд Руна был прикован к воде. Хотя я и обожала деревья, окружавшие воду в защитном коконе, и любила наблюдать за утками, которые купались и ныряли, за журавлями, которые устремлялись вниз и парили над поверхностью, я могла наблюдать только за Руном.

Что-то изменилось в нем с прошлой ночи. Я не понимала что. Он все еще был резким и неприятливым. В его личности было много мрачности, его аура почти предупреждала держаться подальше.

Но сейчас появился новый уровень собственничества в отношении меня. Я могла видеть ярость этого собственничества в его взгляде. Я ощущала это в его хватке на моей руке.

И мне нравилось это.

Насколько я скучала по прежнему Руну, я наблюдала за этим Руном с возродившимся очарованием. Прямо сейчас, сидя рядом с ним в месте, которое так много значило для нас обоих, я была полностью довольна находиться в его компании.

Больше чем довольна.

От этого я чувствовала себя живой.

Прибыл официант — парень, около двадцати лет. Рун усилил хватку на моей руке, и мое сердце переполнилось от эмоций.

Он ревновал.

— Привет. Могу я предложить вам начать с напитков? — спросил официант.

— Можно мне сладкий чай, пожалуйста? — ответила я, чувствуя, как Рун напрягся рядом.

— Рутбир³, — рявкнул Рун. Официант спешно отступил. Когда он оказался вне зоны слышимости, Рун зашипел: — Он не сводил с тебя взгляда.

Я покачала головой и рассмеялась.

— Ты безумец.

Рун нахмурил лоб в растерянности. На этот раз был его черед качать головой.

— Ты понятия не имеешь.

— Насчет чего? — спросила я, перемещая свободную руку, чтобы проследить несколько новых шрамов на костяшке пальцев Руна. Я задумалась, откуда они. Я услышала, как у него перехватило дыхание.

— Насчет того, как ты красива, — ответил он. Он наблюдал за моим пальцем, когда говорил это. Когда я прекратила движение, он поднял взгляд.

Я уставилась на него без слов.

Наконец, уголки губ Руна приподнялись в дерзкой полуулыбке. Он переместился ближе ко мне.

— Как я посмотрю, все еще пьешь сладкий чай.

Он помнил.

Нежно подтолкнув его вбок, я сказала:

— Все еще пьешь рутбир, как я посмотрю.

Рун пожал плечами.

— Не мог найти его в Осло. Сейчас, когда вернулся, не могу насытиться им. — Я улыбнулась и начала очерчивать его руку. — Но также оказывается, я не могу насытиться еще кое-чем, что я не мог получить в Осло.

Мои пальцы замерли. Я точно знала, что он имел в виду меня.

— Рун, — сказала я, вина толстым слоем находилась внутри меня.

Я подняла голову и снова попыталась извиниться, но когда сделала это, подошел официант, поставив наши напитки на стол.

— Вы готовы сделать заказ?

Не разрывая нашего зрительного контакта, Рун сказала:

— Два вареных рака.

Я ощущала, что официант постоял какое-то время, но после напряженных нескольких секунд, он сказал:

— Тогда я пойду на кухню.

Взгляд Руна переместился с моего лица на сережки, когда на его лице появился намек на ухмылку. Я задумалась, что вызвало в нем этот момент веселья. Рун наклонился вперед и заправил волосы мне за уши.

Его пальцы проследили очертание моего уха, затем он утешительно выдохнул.

— Ты все еще носишь их.

Мои сережки.

Мои сережки в форме бесконечности.

— Всегда, — заверила я. Рун посмотрел на меня своим тяжелым взглядом. — Навечно и навсегда.

Рун опустил свою руку, но поймал прядь моих волос между указательным и большим пальцем.

— Ты обрезала волосы.

Это прозвучало как утверждение, но я знала, что это вопрос.

— Мои волосы отросли, — сказала я. Я увидела, как он напрягся. Не желая разрушать волшебство вечера разговорами о болезни или лечении, темами, на которые я не обращала внимания так или иначе, я наклонилась и прижала свой лоб к его.

— Я потеряла свои волосы. К счастью, они отрастают. — Отстраняясь, я игриво провела по своей короткой стрижке. — К тому же, мне в какой-то степени нравится так. Мне

кажется, мне идет. Бог знает, что с этим легче справиться, чем с кучей кудряшек, с которыми я боролась все эти годы.

Я знала, что это сработало, когда от Руна раздался тихий смешок. Продолжив шутку, я добавила:

— К тому же, только у викингов должны быть длинные волосы. Викингов и байкеров. — Я наморщила нос, притворившись, что изучаю Руна. — К сожалению, у тебя нет байка... — я замолчала, смеясь над суровым взглядом на лице Руна.

Я все еще смеялась, когда он притянул меня к своей груди, прижав свой рот к моему уху и сказал:

— Я могу купить байк, если ты этого хочешь. Если это то, что поможет мне вернуть твою любовь.

Он сказал это как шутку.

Я знала.

Но эта фраза заставила меня внезапно остановиться. Я замерла, а вся веселость мигом улетучилась. Рун заметил напряжение. Его адамово яблоко выпятилось, и он проглотил, что бы он там ни собирался сказать.

Позволяя сердцу руководить моими действиями, я подняла руку и прижала ладонь к его лицу. Убедившись, что завладела его безраздельным вниманием, я прошептала:

— Для этого тебе не нужен байк, Рун.

— Нет? — спросил он хриплым голосом.

Я покачала головой.

— Почему? — спросил он нервно. Его щеки покраснели, и я могла видеть, что этот вопрос стоил ему очень сильной гордости. Я могла видеть, что Рун, больше не спросит ничего.

Сократив расстояние между нами, я сказала приглушенным голосом:

— Потому что я уверена, что ты никогда не терял ее.

Я ждала. Ждала, затаив дыхание, чтобы увидеть, что он будет делать дальше.

Я не ожидала нежности и мягкости. Не ожидала, что мое сердце запоем, а душа расплавится.

Самым осторожным движением, Рун наклонился вперед и поцеловал меня в щеку, только сдвинувшись немножко, чтобы коснуться своими губами моих. Я задержала дыхание в предвкушении его поцелуя на моих губах. Настоящего поцелуя. Поцелуя, по которому я тосковала. Но вместо этого, он пропустил мой рот, и поцеловал меня в другую щеку, из-за чего мои губы еще больше жаждали получить поцелуй.

Когда он отстранился, мое сердце колотилось как барабан. Громкий гул раздавался в моей груди. Рун откинулся на спинку стула, но усилил хватку на моей руке.

Таинственная улыбка укрылась за моими губами.

Звук с пруда привлек мое внимание — утка взлетела в темное небо. Когда я посмотрела на Руна, он тоже наблюдал. Когда он снова взглянул на меня, я поддразнила:

— Ты уже викинг, тебе не нужен байк.

На этот раз Рун улыбнулся, и был замечен малейший намек на зубы. Я сияла от гордости.

Появился официант с нашими раками и поставил ведро на покрытый клеенкой стол. Рун с неохотой выпустил мою руку, и мы начали чистить морепродукты. Я закрыла глаза, когда почувствовала мясную плоть на своем языке, а вкус лимона ударил мне в горло.

Я застонала от того, как вкусно было.

Рун покачал головой, рассмеявшись. Я бросила поломанный панцирь на его колени, и он нахмурился. Вытерев руку об салфетку, я наклонила голову к ночному небу. Звезды ярко сияли на безоблачном покрывале неба.

— Ты видел что-то такое же красиво как этот маленький пруд? — спросила я. Рун поднял голову, затем посмотрел вдоль пруда, на отражение синих огней, мерцающих в нашу сторону.

— Я бы сказал да, — ответил он сухим тоном, затем указал на меня. — Но я понимаю, что ты имеешь в виду. Даже когда я вернулся в Осло, я иногда рисовал в голове изображение этого места, задаваясь вопросом, приезжала ли ты сюда.

— Нет, это первый раз. Мама и папа не особые фанаты раков, всегда только бабушка. — Я улыбнулась, представляя, как она сидела рядом с нами за этим столом, после того как привозила нас. — Ты помнишь, — я рассмеялась, — она привозила полную фляжку бурбона, чтобы вылить в свой сладкий чай? — я рассмеялась еще сильнее. — Помнишь, как она прикладывала палец к губам и говорила: «Не рассказывайте своим родителям об этом. У меня было благое намерение привезти вас сюда, чтобы спасти от церкви. Поэтому ротика на замок!»?

Рун тоже улыбнулся, но его глаза наблюдали за моим смехом.

— Ты скучаешь по ней, — сказал он.

Я кивнула.

— Каждый день. Я задаюсь вопросом, на какие приключения мы бы отправились вместе. Мне интересно, поехали бы мы в Италию, чтобы увидеть Ассизи, как всегда планировали. Или отправились бы мы в Испанию, чтобы тренировать быков. — На этом месте я снова рассмеялась. Покой окутал меня, и я добавила: — Но лучшая часть во всем этом, что я скоро ее увижу. — Я встретила со взглядом Руна. — Когда я вернусь домой.

Как моя бабушка учила меня, я даже никогда не думала, что произойдет со мной, когда я умру. Конец. Это начало чего-то нового. Моя душа вернется домой, в место, которому принадлежит.

Я не осознавала, что расстроила Руна, пока он не встал со своего стула и пошел к небольшому пирсу рядом с нашим столом, к пирсу, который вел к середине пруда.

Подошел официант. А я наблюдала, как Рун поджигает сигарету, пока исчезает в темноте, и только дым от сигареты выдавал его место.

— Могу я убрать со стола, мэм? — спросил официант.

Я улыбнулась и кивнула.

— Да, пожалуйста. — Я встала, и он выглядел озадаченным, увидев Руна на пирсе. — Можно принести счет, пожалуйста?

— Да, мэм, — ответил он.

Я пошла к пирсу, навстречу Руну, следуя за крошечным огоньком от его сигареты. Когда я оказалась рядом с ним, он стоял, опираясь на перила, уставившись в никуда.

Морщинки испещрили его лоб, его спина была напряжена, и казалось, напряглась еще больше, когда я остановилась рядом. Он сделал долгую затяжку своей сигареты и выдохнул в легкий ветерок.

— Я не отрицаю того, что произойдет со мной, Рун, — сказала я осторожно. Он сохранял тишину. — Я не могу жить в фантазии. Я знаю, что меня ждет и как все будет.

Дыхание Руна было неровным, а голова упала вниз. Когда он поднял взгляд, то сказал сломлено:

— Это несправедливо.

Мое сердце обливалось кровью от его боли. Я могла видеть ее в муках на его лице, в том, как были напряжены его плечи. Облокотившись на перила, я вдохнула холодный воздух. Когда дыхание Руна успокоилось, я сказала:

— Было бы на самом деле несправедливо, если бы нам не было подарено несколько драгоценных месяцев.

Рун медленно уперся лбом в руку.

— Разве ты не видишь большой картины для нас обоих здесь, Рун? Ты вернулся в Блоссом Гроув, через несколько недель после того, как я была отправлена сюда дожить остаток своих дней. Насладиться ограниченными последними несколькими месяцами, предоставленными лекарствами. — Я снова посмотрела на звезды, ощущая присутствие чего-то большего, улыбающегося на нас сверху. — Для тебя это несправедливо. Я верю в противоположное: мы вернулись вместе не просто так. Возможно, это урок, который мы

сможем выучить.

Я повернулась и убрала длинные волосы с его лица. В лунном свете, под сиянием звезд, я увидела, что слеза катится по его щеке.

Я целовала ее.

Рун повернулся ко мне, обхватив рукой заднюю часть моей шеи. Я обернула руку вокруг его головы, прижав его ближе.

Рун глубоко вдохнул, отчего его спина приподнялась.

— Я привез тебя сюда, чтобы напомнить тебе о времени, когда мы были счастливы. Когда мы были неразлучны, лучшими друзьями и даже больше. Но...

Он затих, я осторожно приподняла его голову, чтобы взглянуть ему в лицо.

— Что? — спросила я. — Пожалуйста, скажи мне. Обещаю, со мной все будет хорошо.

Он посмотрел мне в глаза, затем уставился на тихую гладь воды. Когда его взгляд вернулся ко мне, он спросил:

— Но что если это последний раз, когда мы делаем это?

Втиснувшись между ним и перилами, я взяла сигарету с его руки и бросила ее в пруд. Встав на цыпочки, я обхватила его щеки руками.

— Значит, у нас есть сегодняшний вечер, — утверждала я. Лицо Руна поморщилось от моих слов. — У нас есть это воспоминание. Этот заветный момент. — Я наклонила голову в сторону, и ностальгическая улыбка растянулась на моих губах. — Я узнала мальчика, мальчика, которого любила всем сердцем, который жил одним мгновением. Который сказал мне, что одно мгновение может изменить весь мир. Что одно мгновение может изменить чью-то жизнь за краткую секунду — сделать ее бесконечно хуже или бесконечно лучше.

Он закрыл глаза, но я продолжила говорить:

— Сегодня, находясь на пруду с тобой снова, — сказала я, чувствуя как покой наполняет мою душу, — вспоминая бабушку, и почему я любила ее так сильно... моя жизнь стала гораздо лучше. Я всегда буду помнить, что ты подарил мне это мгновение. Я заберу его с собой... куда бы я ни направилась.

Рун открыл глаза, а я продолжила убеждать его.

— Ты подарил мне сегодняшний вечер. Ты вернулся. Мы не можем изменить факты, не можем изменить наши судьбы, но мы все еще живы. Мы можем жить так полно и так быстро, как это возможно, пока у нас есть эти дни перед нами. Мы снова можем быть нами: Поппи и Руном.

Я не думала, что он скажет что-нибудь в ответ, поэтому меня удивили и наполнили невероятной надеждой его слова:

— Наше финальное приключение.

Я подумала, что это идеальное название.

— Наше финальное приключение, — прошептала я в ночь, когда невиданная радость наполнила мое тело. Рун обернул руки вокруг моей талии. — С одной поправкой, — сказала я, а он нахмурился.

Разгладив морщинки на его лбу, я сказала:

— Финальное приключение в этой жизни. Потому что я непоколебимо верю, что мы снова будем вместе. Даже когда это приключение закончится, еще более великое ждет нас на другой стороне. И, Рун, не будет никакого рая, если однажды ты снова не окажешься в моих объятиях.

Все сто восемьдесят семь сантиметров роста Руна обрушились на меня. И я держала его. Держала его, пока он не успокоился. Когда он отстранился, я спросила:

— Итак, Рун Кристиансен, викинг из Норвегии, ты со мной?

Вопреки всему Рун рассмеялся. Смеялся, когда я протянула ему руку для рукопожатия. Рун, мой скандинавский плохой мальчик с лицом ангела, скользнул своей рукой в мою, и мы скрепили наше обещание. Дважды. Как учила меня бабушка.

— Я с тобой, — сказал он. Я чувствовала, как его клятва прошла по всему моему телу.

— Мэм, сэр? — я посмотрела через плечо Руна, увидев, что официант держит наш счет.

— Мы закрываемся, — объяснил он.

— Все хорошо? — спросила я Руна, когда подавала сигнал официанту, что мы уходим.

Рун кивнул, снова сведя брови и образуя на лице фирменное хмурое выражение. Я подражала ему, поморщив свое лицо. Не в силах сопротивляться, Рун добродушно улыбнулся мне.

— Только ты, — сказал он, больше себе, чем мне, — Поппимин. — Взяв меня за руку, он медленно повел меня к двери.

Когда мы сели в машину, Рун завел двигатель и сказал:

— Нам нужно заехать еще кое-куда.

— Еще одно незабываемое впечатление?

Когда мы выехали на дорогу, Рун взял мою руку в свою через консоль и ответил:

— Я надеюсь, Поппимин, я так сильно надеюсь.

У нас заняло некоторое время, чтобы вернуться в город. Мы не разговаривали много. Я пришла к пониманию, что Рун был тише, чем обычно. Не то чтобы раньше он был экстравертом. Он всегда был замкнутым и тихим. Он идеально подходил имиджу бродячего художника, голова всегда вертится в поиске мест и пейзажей, которые он хотел запечатлеть на пленке.

Мгновения.

Мы проехали мило или около того, когда Рун включил радио и сказал мне выбрать станцию. И когда я тихо запела, его пальцы немного сильнее сжали мои.

Я зевнула, когда мы приблизились к границе города, но боролась со сном. Я хотела узнать, куда он вез меня.

Когда мы остановились снаружи театра Диксона, мой пульс участился. В этом театре я всегда мечтала выступать. Именно сюда я хотела вернуться, когда буду старше, став частью профессионального оркестра. В мой родной город.

Рун выключил двигатель, и я уставилась на впечатляющий каменный театр.

— Рун, что мы здесь делаем?

Рун выпустил мою руку и открыл свою дверь.

— Пойдем со мной.

Нахмурившись, я открыла дверь, чтобы следовать за ним, мое сердце было готово выскочить из груди. Рун взял меня за руку и повел к главному входу.

Был поздний воскресный вечер, но он вел нас прямо к главному входу. Как только мы оказались в тусклом фойе, я услышала тихие звуки произведения Пуччини на заднем фоне.

Моя рука напряглась в хватке Руна, он посмотрел на меня с ухмылкой на лице.

— Рун, — прошептала я, он повел меня по роскошной лестнице. — Куда мы идем?

Рун прижал палец к моим губам, сигнализируя мне замолчать. Я задумалась почему, но он повел меня к двери... двери, которая вела к бельэтажу театра.

Рун открыл дверь, и музыка накрыла меня как волна. Ахнув от громкого объема звуков, я последовала за Руном к передним сиденьям. Внизу был оркестр с дирижером. Я мгновенно узнала их: Камерный оркестр «Саванна».

Я была прикована, глядя на музыкантов, которые так пристально сфокусировались на своих инструментах, покачиваясь в такт музыке. Повернув голову к Руну, я спросила:

— Как ты все устроил?

Рун пожал плечами.

— Я хотел привести тебя на их выступление как положено, но завтра они уезжают за границу. Когда я объяснил дирижеру, как сильно ты их любишь, он сказал, что мы можем прийти на их репетицию.

Больше ни одного слова не слетело с моих губ.

Я потеряла дар речи. Полностью.

Будучи не в состоянии адекватно выразить свои чувства, мою искреннюю благодарность за этот сюрприз, я положила голову ему на плечо и обняла его руку. Запах кожи проник в мой нос, когда мой взгляд сконцентрировался на оркестре внизу.

Я зачарованно наблюдала. Наблюдала, как дирижер умело руководил музыкантами во время репетиции: сольные номера, причудливые переходы, замысловатые созвучия.

Рун прижал меня ближе, пока я сидела как загипнотизированная. Время от времени я ловила на себе его взгляд: он наблюдал за мной, я наблюдала за ними.

Но я не могла оторвать взгляда от сцены. Особенно от части с виолончелью. Когда глубокие интонации стали отчетливыми и явными, я позволила себе закрыть глаза.

Это было прекрасно.

Я могла так отчетливо представить себя: как сижу среди коллег-музыкантов, своих друзей, смотря на театр полный людей, которых я знаю и люблю. Рун сидит и смотрит с фотоаппаратом вокруг своей шеи.

Это была самая идеальная мечта.

Это была моя самая большая мечта, сколько я себя помнила.

Дирижер призвал музыкантов затихнуть. Я наблюдала за сценой, как все, кроме главной виолончелистки сложили свои инструменты. Женщина, которая выглядела лет на тридцать, потянула свой стул на середину сцены. Кроме нас не было ни одного зрителя.

Она уселась, а ее смычок замер на струнах в ожидании начала. Она сконцентрировалась на дирижере. Когда он поднял свою палочку, призывая ее начать, я услышала первые ноты музыки. И в это мгновение я полностью затихла. Я не смела дышать. Я не хотела слышать ничего, кроме самой идеальной мелодии, которая когда-либо существовала.

Мелодия «Лебедь» из «Карнавал Животных»⁴ донеслась до наших мест. Я наблюдала, как виолончелистка полностью окунулась в свою музыку, ее выражение лица передавало эмоции с каждой новой нотой.

Я хотела быть ею.

В этот момент я хотела быть виолончелисткой, которая так прекрасно играла эту симфонию. Я хотела, чтобы мне оказали доверие — доверие принять участи в этом выступлении.

Все померкло, когда я наблюдала за ней. Затем я закрыла глаза и позволила музыке завладеть моими ощущениями. Я позволила ей увлечь меня в свое путешествие. Когда темп увеличился, а вибрации красиво эхом отдавались от стен театра, я открыла глаза.

И слезы полились.

Слезы полились, как и требовала музыка.

Рука Руна напряглась в моей, и я ощутила его взгляд на себе. Он беспокоился, что я расстроилась. Но я не была расстроена. Мое сердце парило. Парило в блаженной мелодии.

Мои щеки были влажными, но я позволяла слезам катиться. Вот почему музыка была моей страстью. Это магическая мелодия, способная привнести жизнь в душу, могла быть создана из дерева, струн и смычка.

И я осталась в таком состоянии. Осталась, пока последняя нота не уплыла к потолку. Виолончелистка подняла свой смычок, только затем она открыла глаза, направляя свой дух упокоиться у себя внутри. Потому что я знала, что она чувствовала. Музыка перенесла ее в отделенное место, о котором знала только она. Она переместила ее.

На какое-то время музыка наградила ее своей силой.

Дирижер кивнул, и оркестр ушел за кулисы, позволив тишине занять пустую сцену.

Но я не повернула голову, пока Рун не сел ровно, положив руку мне на поясницу.

— Поппимин? — прошептал он, его голосом был осторожным и неуверенным. — Мне жаль, — сказал он себе под нос. — Я думал, что это осчаст...

Я повернулась к нему, сжав обе его руки между своими.

— Нет, — сказала я, прерывая его извинение. — Нет, — повторила я. — Это слезы радости, Рун. Абсолютного счастья.

Он выдохнул, освободив одну из своих рук, чтобы вытереть мои щеки. Я рассмеялась,

мой голос отдавался вокруг нас эхом. Я прочистила горло, отогнала избыток эмоций и объяснила:

— Это моя любимая мелодия, Рун. «Лебедь» из «Карнавал Животных». Главная виолончелистка сыграла мой любимый кусок. Красиво. Идеально. — Я сделала глубокий вдох. — Эту пьесу я планировала сыграть на прослушивании в Джульярд. Я всегда представляла, что играю ее в «Карнеги-холл». Я знаю ее как свои пять пальцев. Знаю каждую ноту, каждое изменение в темпе, каждый крещендо... все. — Я шмыгнула носом и вытерла глаза. — Слушая ее сегодня, — сказала я, сжав его руку, — сидя рядом с тобой... как будто мечта воплотилась в реальность.

Рун, растеряв все слова, обнял меня за плечи и прижал ближе к себе, поцеловав меня в макушку.

— Обещай мне, Рун, — сказала я. — Обещай, что когда поедешь в Нью-Йорке и будешь учиться в «Тиш», ты сходишь и посмотришь игру Нью-Йоркской филармонии. Обещай, что посмотришь, как ведущая виолончелистка будет играть эту симфонию, и в этот момент ты будешь думать обо мне. Представляя, что это я играю на сцене, исполняя свою мечту. — Я глубоко вздохнула, удовлетворенная этим изображением. — Потому что сейчас этого будет достаточно для меня, — выдохнула я. — Просто знать, что я переживу эту мечту, по крайней мере, в твоём воображении.

— Поппи, — сказал Рун мучительно. — Пожалуйста, малышка... — мое сердце подпрыгнуло, когда он назвал меня малышкой — это было как музыка для моих ушей.

Подняв голову, я подняла его подбородок своим пальцем и настояла:

— Пообещай мне, Рун.

Он отвел взгляд.

— Поппи, если тебя не будет в Нью-Йорке со мной, тогда какого черта я должен туда ехать?

— Из-за фотографий. Потому что как эта мечта была моей, твоя была — изучать искусство фотографии в НЙ.

Обеспокоенность прошла через меня, когда я увидела, что челюсти Руна сжались.

— Рун? — спросила я. После затянувшейся паузы, он медленно повернулся ко мне лицом. Я откинулась на своем сиденье при виде его выражения лица.

Отказ.

— Почему ты больше не фотографируешь, Рун? — спросила я, а Рун отвел взгляд. — Пожалуйста, не игнорируй меня.

Рун вздохнул в поражении.

— Из-за тебя. Я больше не видел мир таким, как раньше. Ничего не было таким же. Я понимал, что мы слишком молоды, но без тебя ничего не имело смысла. Я был зол. Тонул. Я отказался от своей страсти, потому что страсть внутри меня вымерла.

Из всего того, что он мог сделать или сказать, это опечалило меня больше всего. Потому что его страсть была так сильна в нем. И я не видела лучше фотографий, чем его, хоть ему и было всего пятнадцать.

Я смотрела на ожесточенные черты лица Руна, его взгляд был потерян в трансе, когда он безучастно смотрел на сцену. Он снова возвел свои стены, и напряг челюсти — угрюмое выражение вернулось.

Желая оставить его в покое, а не толкать его слишком далеко, я положила голову ему на плечо и улыбнулась. Я улыбалась, пока симфония все еще отдавалась в моих ушах.

— Спасибо тебе, — прошептала я, когда огни на сцене потухли.

Подняв голову, я ждала, что Рун посмотрит на меня. В конце концов, он это сделал.

— Только ты знал, что это, — я указала жестом на зрительный зал, — так много значит для меня. Только мой Рун.

Рун прижался к моей щеке в мягком поцелуе.

— Ты был на моем сольном концерте в тот вечер, не так ли?

Рун вздохнул и в конце концов кивнул головой.

— Я никогда не хотел пропускать твою игру, Поппимин. Никогда.

Он поднялся на ноги, и был тих, когда вытянул свою руку. Он был тих, когда я протянула ему свою, и он повел нас к машине. Он был тих, когда вез нас до дому. Я подумала, что как-то обидела его, переживала, что сделала что-то не так.

Когда мы приехали к дому, Рун вышел из машины и обошел ее, чтобы открыть мне дверь. Я приняла его протянутую руку, выпрыгивая из машины, и держала ее крепко, когда Рун вел меня к дому. Я ожидала, что мы пойдем к двери, вместо этого он повел меня к моему окну. Я нахмурилась, увидев расстроенный взгляд на его лице.

Нуждаясь знать, что не так, я провела рукой по его лицу. Но когда мои пальцы коснулись его щек, в нем как будто что-то щелкнуло. Рун подтолкнул меня к боку моего дома, и когда его тело прижалось к моему, он обхватил мои щеки руками.

Я задыхалась... задыхалась от его близости. Задыхалась от его напряженного взгляда. Его голубые глаза осмотрели каждую черточку моего лица.

— Я хотел сделать все правильно, — сказал он. — Хотел не спешить. Это свидание. Мы. Сегодняшний вечер. — Он покачал головой, на его лбу выступили морщинки, как будто он сражался с тем, что боролось внутри него.

Я открыла рот, чтобы ответить, но он провел большим пальцем по моей нижней губе, его внимание было приковано к моему рту.

— Ты моя, Поппи. Поппимин. Ты знаешь меня. Только ты. — Взяв меня за руку, он положил ее на свое сердце. — Даже под всей этой злостью ты знаешь меня. Знаешь. — Он вздохнул, находясь так близко, что мы делили один и тот же воздух. — И я знаю тебя. — Рун побледнел. — И раз у нас ограниченное время, я не собираюсь тратить его впустую. Ты моя. Я твой. К черту все остальное.

Мое сердце трепетало в груди как арпеджио⁵.

— Рун, — все, что я сумела сказать. Я хотела прокричать «да», что я была его. Он был моим, и ничего не имело значения. Но мой голос подвел меня, я была слишком под сильным влиянием эмоций

— Скажи это, Поппимин, — потребовал он. — Просто скажи «да».

Рун сделал решающий шаг, отчего я оказалась в ловушке, его тело прижималось к моему, его сердце билось в тандеме с моим. Я сделала вдох. Губы Руна коснулись моих, зависнув, ожидая, воспламеняясь, чтобы овладеть ими полностью.

Когда я посмотрела в глаза Руну, его черные зрачки полностью утратили синеву, я сдалась и прошептала:

— Да.

Теплые губы внезапно обрушились на мои — знакомый рот Руна завладел ими с целеустремленной решительностью. Его теплота и мягкий вкус заглушили мои чувства. Его твердая грудь прижимала меня к стене, я была в ловушке, когда он владел мною в этом поцелуе. Рун показывал мне, кому я принадлежала. Он не оставил мне выбора, кроме как присоединиться к нему, отдать себя снова ему после расставания на несколько лет.

Рун запустил руку в мои волосы, удерживая меня на месте. Я застонала, когда его язык скользнул, чтобы встретиться с моим — мягкий, горячий и отчаявшийся. Подняв руки с его широкой спины, я запустила их в его волосы. Рун зарычал мне в рот, целуя еще более страстно, отодвигая все дальше и дальше страх или тревогу, которые я питала из-за его возвращения. Он целовал меня, пока во мне не осталось ни одной части, которая не принадлежала бы ему. Он целовал меня, пока мое сердце снова не слилось с его — две половинки одного целого.

Мое тело ослабло под его прикосновением. Чувствуя, что я полностью отдалась ему, Рун замедлил поцелуй до мягких, нежных касаний. Затем он разорвал его, наше дыхание было тяжелым, а над нами повисла дуга напряженности. Распухшие губы Руна целовали мои щеки, подбородок, шею. Когда он, наконец, отстранился, его тяжелое дыхание опаляло мое лицо. Его руки ослабили хватку на мне.

И он ждал.

Он ждал, смотря на меня своим интенсивным взглядом.

Затем я приоткрыла губы и прошептала:

— Поцелуй триста пятьдесят семь. У стены моего дома... когда Рун завладел моим сердцем. — Рун замер, его руки напряглись, и я закончила: — И мое сердце почти взорвалось.

Затем это случилось. Искренняя улыбка Руна. Она была яркой, широкой и такой настоящей.

Мое сердце парило от ее вида.

— Поппимин, — прошептал он.

Схватившись за него, я прошептала в ответ.

— Мой Рун.

Рун закрыл глаза, когда я проговорила эти слова, мягкий вздох слетел с его губ. Его руки постепенно ослабляли хватку в моих волосах, и он неохотно сделал шаг назад.

— Я лучше пойду, — прошептала я.

— Ja, — ответил он, но не отвел взгляда. Вместо этого он снова прижался ко мне, завладев моим ртом в быстром и мягком поцелуе, прежде чем отошел. Затем он сделал несколько шагов, устанавливая дистанцию между нами.

Я поднесла палец к губам и сказала:

— Если ты продолжишь так меня целовать, я заполню свою банку в кратчайшие сроки.

Рун отвернулся, чтобы уйти к своему дому, но остановился, посмотрев через плечо.

— А это мысль, малышка. Тысяча поцелуев от меня.

Рун помчался к своему дому, оставляя меня наблюдать за ним, оставляя меня с головокружительной легкостью, парящей во мне так быстро. Когда мои ноги, наконец, смогли двигаться, я вошла в дом и направилась к себе в комнату.

Я вытащила банку из-под кровати и стерла пыль. Открыв ее, я взяла ручку с тумбочки и записала вечерний поцелуй.

Час спустя, лежа в кровати, я услышала, как открылось окно. Сев, я увидела, как мои занавески были сдвинуты в сторону. Мое сердце подпрыгнуло до горла, когда Рун оказался в моей спальне.

Я улыбнулась, когда он прошел вперед, снял свою футболку и бросил ее на кровать. Мои глаза расширились, когда я упивалась видом его обнаженной груди, а затем мое сердце почти взорвалось, когда он провел рукой по волосам, убрав их в сторону.

Рун медленно подошел к моей кровати, стоя в ожидании со своей стороны. Пододвинувшись, я подняла одеяло, и Рун забрался на кровать, сразу же обняв меня за талию.

Когда моя спина идеально прижалась к его груди, я удовлетворенно вздохнула и закрыла глаза. Рун прижался губами в поцелуе под моим ухом и прошептал:

— Сладких снова малышка, я с тобой.

И так и было.

У него была я.

Так же как он был у меня.

10 глава

Рун

Я проснулся, а Поппи смотрела на меня.

— Привет, — сказала Поппи. Она улыбнулась и уткнулась в мою грудь. Я провел руками по ее волосам, прежде чем просунул руки ей подмышки, приподняв ее, пока она не оказалась надо мной, а ее рот напротив моего.

— Доброе утро, — ответил я, затем прижал свои губы к ее.

Поппи выдохнула мне в рот, когда ее губы приоткрылись и заперхали над моими. Когда

я отстранился, она посмотрела в окно и сказала:

— Мы пропустили рассвет.

Я кивнул, но когда она снова посмотрела на меня, в ее выражении лица не было печали. Вместо этого она поцеловала меня в щеку и призналась:

— Думаю, я бы променяла все рассветы на то, чтобы вот так просыпаться с тобой.

Моя грудь сжалась от этих слов. Удивив ее, я перевернул ее на спину, нависая над ней. Поппи захихикала, когда я зажал ее руки в ловушке над головой.

Я нахмурился. Поппи пыталась — unsuccessfully — остановить свой смех.

Ее щеки порозовели от возбуждения. Мне необходимо было поцеловать ее, больше чем что-либо, это я и сделал.

Я отпустил руки Поппи, и она зарылась ими в мои волосы. Ее смех начал прекращаться, когда наш поцелуй углубился, и затем раздался громкий стук в дверь. Мы замерли, наши губы все еще были соединены, а глаза расширены.

— Поппи! Время вставать, милая! — голос отца Поппи проник в комнату. Я ощущал, как сердце Поппи забилось сильнее, отражаясь эхом через мою грудь, когда я прижимался к ней.

Поппи отвернула голову в сторону, разрывая поцелуй.

— Я проснулась! — прокричала она в ответ. Мы не смели двигаться, пока не услышали, что ее отец отошел от двери.

Глаза Поппи были огромными, когда она повернулась лицом ко мне.

— О боже мой! — прошептала она, из нее вырвалось хихиканье.

Покачивая головой, я перекатился на другую сторону кровати, подняв свою футболку с пола. Когда я натянул черный материал через голову, рука Поппи приземлилась на мое плечо сзади. Она вздохнула.

— Мы спали слишком долго этим утром, нас почти поймали.

— Этого не повторится, — сказал я, не желая давать ей повод покончить с этим. Я должен находиться с ней всю ночь. Должен. Ничего не случилось — мы целовались, спали.

Этого было достаточно для меня.

Поппи кивнула, соглашаясь, но когда она положила подбородок на мое плечо и обвила руками мою талию, она сказала:

— Мне понравилось.

Она снова рассмеялась, и я слегка повернул голову, поймав оживленное выражение на ее лице. Она игриво кивнула. Затем Поппи села и взяла меня за руку, прижав ее к своему сердцу.

— От этого я чувствую себя живой.

Смеясь над ней, я покачал головой.

— Ты безумная.

Встав, я обул свои ботинки, а Поппи села на кровати.

— Знаешь, я никогда не шалила прежде и не делала ничего плохого, Рун. Предполагаю, я хорошая девочка.

Я нахмурился от мысли, что портил ее. Но Поппи наклонилась вперед и сказала:

— Это весело. — Я убрал волосы с лица и наклонился над кроватью, поцеловал ее последний раз нежно и сладко.

— Рун Кристиансен, может, в конце концов, я люблю твою сторону характера парня-плохиша. С тобой несколько следующих месяцев будут интересными. Сладкие поцелуи и выходки, приводящие к неприятностям... Я в деле!

Когда я двинулся к окну, я услышал, что Поппи шуршит чем-то позади меня. Я только собирался прошмыгнуть в окно, оглянулся назад и увидел, что Поппи вытаскивает два бумажных сердца из своей банки. Я позволил себе понаблюдать за ней, как она улыбалась над тем, что бы ни писала.

Она была такой красивой.

Когда она положила исписанные сердца в банку, повернулась и остановилась, поймав

меня за подглядыванием. Ее взгляд смягчился, Поппи открыла рот что-нибудь сказать, когда раздался стук в ее дверь. Ее глаза расширились, и она взмахнула руками, призывая меня замолчать.

Когда я выпрыгнул в окно и бежал к своему дому, слышал, как Поппи смеется вслед. Только такая чистота могла отогнать тьму в моем сердце.

Как только я перелез через свое окно, я запрыгнул в душ перед школой. Пар поднимался в ванне, когда я стоял под душем.

Я наклонился вперед, мощная струя окатила водой мою голову, мои руки уперлись в скользкую плитку передо мной. Каждый раз, когда я просыпался, гнев поглощал меня, настолько, что я почти ощущал горечь во рту, на своем языке, ощущая, как жар от него течет по моим венам.

Но это утро было другим.

Все дело было в Поппи.

Подняв голову, я выключил воду и схватил полотенце. Я скользнул в джинсы и открыл дверь ванной комнаты, заметив, что мой папа стоит в дверном проеме. Когда он услышал меня позади себя, то повернулся лицом ко мне.

— Доброе утро, Рун, — поприветствовал он. Я прошел мимо него к своему шкафу, схватил белую футболку и натянул ее через голову. Когда потянулся к ботинкам, заметил, что папа все еще стоит в дверном проеме.

Остановившись на середине движения, я встретился с ним взглядом и огрызнулся.

— Что?

Он втиснулся в комнату с чашкой кофе в руке.

— Как прошло твоё вчерашнее свидание с Поппи?

Я не ответил. Я не рассказывал ему ничего об этом, значит, это сделала мама. Я не буду отвечать ему — придурок не заслуживает знать.

Он прочистил горло.

— Рун, после того как ты ушел вчера вечером, мистер Личфилд приходил навестить нас.

И затем он вернулся, обрушившись на меня, как торнадо. Гнев. Я помнил выражение лица мистера Личфилда, когда он открыл дверь прошлым вечером, когда мы выезжали с их подъездной дорожки. Он был взбешен. Я видел, что ему не хотелось, чтобы Поппи ехала со мной. Черт, он выглядел так, будто был готов запретить ей.

Но когда Поппи вышла, я увидел, что он не мог противостоять ее желанию. Как могло быть по-другому? Он терял свою дочь. Только это остановило меня высказать все, что я думал, о его возражениях относительно ее похода со мной.

Папа подошел и встал рядом со мной, я смотрел в пол, когда он сказал:

— Он беспокоится, Рун. Беспокоится, что ваше воссоединение с Поппи, не такое уж хорошее развитие событий.

Я стиснул зубы.

— Не хорошее для кого? Для него?

— Для Поппи, Рун. Ты знаешь... ты знаешь, что у нее не осталось много...

Я поднял голову, горячая ярость бурлила в моем животе.

— Да, я знаю. Такое трудно забыть. Ну, понимаешь, тот факт, что девушка, которую я люблю, умирает.

Папа умолял:

— Джеймс просто хочет, чтобы последние дни Поппи не были омрачены никакими проблемами. Чтобы они были спокойными, доставляли удовольствие. Без стресса.

— И дай угадаю. Я проблема — да? Я этот стресс?

Он вздохнул.

— Он попросил тебя держаться подальше от нее. Просто отпустить ее без лишней драмы.

— Этого никогда не произойдет, — выплюнул я, схватив рюкзак с пола. Я надел свою

кожаную куртку и прошел мимо него.

— Рун, подумай о Поппи, — умолял меня папа.

Я замер на месте и повернулся к нему.

— Она все, о чем я думаю. Ты понятие не имеешь, каково это для нас, так как насчет того, что ты будешь держаться, нахрен, подальше от моих дел. Так же, как и Джеймс Личфилд.

— Она его дочь! — спорил папа, его голос был строже, чем до этого.

— Да, — спорил я в ответ, — и она любовь всей моей жизни. Я не покину ее, даже на секунду. И вы ничего не сможете сделать с этим.

Я выбежал из своей двери, когда папа прокричал:

— Ты не хорош для нее, Рун. Не вот такой. Не с твоим курением и пьянством. Твоим отношением. С обидой ко всему в жизни. Эта девушка боготворит тебя, так было всегда. Но она хорошая девочка. Не разрушь ее.

Остановившись, я сердито посмотрел на него через плечо и сказал:

— Ну, у меня есть достоверный источник, что она больше хочет плохиша в своей жизни.

На этом я прошел мимо кухни, бросив быстрый взгляд на маму и Алтона, который махал мне. Я захлопнул переднюю дверь и спустился по ступенькам, затем поджег сигарету, как только добрался до травы. Прислонился к перилам крыльца, все мое тело напоминало провод под напряжением от того, что мне сказал папа. И от того, что сделал мистер Личфилд — предупредил меня держаться подальше от своей дочки.

Какого хрена он думал, я сделаю ей?

Я знал, что они думали обо мне, но я никогда бы не обидел Поппи. Ни за что на свете.

Передняя дверь дома Поппи открылась и из нее вышли Саванна и Ида, Поппи следовала за ними. Они все говорили одновременно. Затем, как будто она заметила мой тяжелый взгляд, Поппи переместила взгляд на сторону моего дома и сосредоточилась на мне.

Саванна и Ида посмотрели, что привлекло ее внимание. Когда они заметили меня, Ида засмеялась и помахала. Саванна, как и ее папа, уставилась на меня с тихим беспокойством.

Я дернул подбородком в сторону Поппи, показывая ей подойти. Она шла ко мне медленно, а Ида и Саванна следовали по пятам. Поппи как всегда выглядела прекрасно: ее красная юбка доходила до середины бедра, она была в черных колготках и ботинках. На ней было темно-синее пальто, но я мог видеть под ним белую рубашку и черный галстук.

Она была такой чертовски милой.

Сестры Поппи остановились, когда она встала передо мной. Нуждаясь успокоить себя тем, что она моя, а я ее, я оттолкнулся от перил и бросил бычок на землю. Обхватив щеки Поппи руками, я притянул ее к своим губам, обрушивая свой рот на ее. Поцелуй не был нежным, я клеймил ее и помечал как свою.

А себя как ее.

Этот поцелуй был средним пальцем любому, кто попытался бы встать на нашем пути. Когда я отстранился, щеки Поппи были красными, а губы влажными.

— Лучше бы этому поцелую оказаться в твоей банке, — предупредил я.

Поппи кивнула, онемев. Позади нас раздалась смешки, я посмотрел, и увидел, что смеялись сестры Поппи. По крайней мере Ида, Саванна в основном просто пилилась.

Потянувшись за рукой Поппи, я сжала ее в своей.

— Ты готова?

Поппи уставилась на наши руки.

— Мы собираемся в школу вот так?

Я нахмурился.

— Да. А что?

— Все узнают. Они будут болтать и...

Я снова прижался губами к ее, и когда отстранился, сказал:

— Тогда давай дадим им повод сплетничать. Раньше тебя это не беспокоило, не начинай

сейчас.

— Они будут думать, что мы снова встречаемся.

Я нахмурился.

— А так и есть, — сказал я откровенно. Поппи моргнула, и затем снова моргнула. Затем, полностью потушив мой гнев, она улыбнулась и прижалась к моему боку. Ее голова покоилась на моем бицепсе.

Подняв голову, она сказала:

— Да, я готова.

Я удерживал взгляд Поппи на несколько секунд дольше, чем обычно. Наш поцелуй мог быть средним пальцем всем, кто не хотел видеть нас вместе, но ее улыбка была средним пальцем темноте в моей душе.

Сестры Поппи подбежали и присоединились к нам, когда мы направились в школу. Как раз перед тем как мы завернули в вишневую рощу, я оглянулся через плечо. Мистер Личфилд наблюдал за нами. Я напрягся, когда увидел яростное выражение его лица, но стиснул зубы. Эту битву он определенно проиграет.

Ида болтала всю дорогу в школу. Поппи смеялась по-доброму над своей младшей сестрой. Я понимал почему. Ида была маленькой копией Поппи. Вплоть до ямочек на щеках.

Саванна была полной противоположностью. Она больше была интровертом, глубокомыслящей. И очевидно была защитницей счастья Поппи.

Быстро помахав нам на прощание, Саванна направилась в здание средней школы. Когда она отошла, Поппи сказала:

— Она была очень тихой.

— Из-за меня. — Поппи посмотрела на меня, шокированная.

— Нет, — спорила она. — Она любит тебя.

Моя челюсть напряглась.

— Она любит того, кем я был, — я пожал плечами. — Я понимаю: она беспокоится, что я разобью твое сердце.

Поппи потянула меня остановиться рядом с деревом у входа в школу. Я оглянулся по сторонам.

— Что случилось? — спросила она.

— Ничего, — ответил я.

Она удерживала мой взгляд.

— Ты не разобьешь мое сердце, — сказала она со стопроцентной уверенностью. — Мальчик, который возил меня к пруду и затем слушал со мной оркестр — никогда не разобьет мое сердце.

Я молчал.

— К тому же, если мое сердце разобьется, то и твое тоже. Помнишь?

Я фыркнул на это напоминание. Поппи толкнула меня, пока моя спина не оказалась прижата к дереву. Я видел, что большинство учеников смотрели на нас, пока заходили в школу. Сплетни и перешептывания уже начались.

— Ты обидишь меня, Рун? — потребовала ответа Поппи.

Побежденный ее упорством, я положил руку на заднюю часть ее шеи и заверил ее:

— Никогда.

— Значит к черту, что кто-то другой думает.

Я рассмеялся над ее прытью. Она улыбнулась и уперла руку в бок.

— Как тебе такое отношение? Достаточно плохая девочка?

Обхватив ее, к удивлению Поппи, я повернул ее, пока она не оказалась прижатой к дереву. Прежде чем у нее появился шанс спорить, я поцеловал ее. Наши губы двигались медленно, поцелуй был страстным, губы Поппи приоткрылись, чтобы впустить мой язык. Я попробовал сладость ее рта, прежде чем отстранился.

Поппи тяжело дышала. Она провела рукой по моим влажным волосам и сказала:

— Я знаю тебя, Рун. Ты не обидишь меня. — Она поморщила нос и пошутила: — Я бы

поставила свою жизнь на это.

Боль начала формироваться в моей груди.

— Это был не смешно.

Она держала указательный и большой палец на расстоянии друг от друга.

— Смешно. Немного.

Я покачал головой.

— Ты знаешь меня, Поппи. Только ты. Ради тебя. Только ради тебя.

Поппи изучала меня.

— И может, в этом проблема, — заключила она. — Может, тебе стоит впустить в свое сердце других людей. Может, если ты покажешь всю ту любовь, что все еще есть под всей этой темной одеждой и мрачностью, они не будут так резко тебя осуждать. Они полюбят тебя, каким бы ты ни захотел быть, потому что увидят твою истинную душу.

Я сохранял молчание, когда она сказала:

— Например, Алтон. Как твои отношения с ним?

— Он ребенок, — ответил я, не понимая, к чему она клонит.

— Он маленький мальчик, который боготворит тебя. Расстроенный маленький мальчик, потому что ты не разговариваешь с ним и не проводишь с ним время.

От этих слов у меня засосало под ложечкой.

— С чего ты взяла?

— Потому что он сказал мне, — сказала она. — Он был расстроен.

Я представил плачущего Алтона, но быстро отогнал это. Я не хотел думать об этом. Возможно, я не так много общался с ним, но не хотел видеть его плачущим.

— Есть причина, по которой он отрастил волосы, знаешь? По этой же причине он убирает их с лица, как и ты. Это правда мило.

— У него длинные волосы, потому что он норвежец.

Поппи закатила глаза.

— Не у всех норвежцев длинные волосы, Рун. Не глупи. Он отрастил волосы, потому что хочет быть похожим на тебя. Он подражает твоим привычкам, чертам характера, потому что хочет быть, как ты. Он ждет, что ты заметишь его. Алтон обожает тебя.

Я опустил голову. Поппи подняла ее своими руками и нашла мой взгляд.

— А твой папа? Почему ты не...

— Достаточно, — выплюнул я резко, отказываясь говорить о нем. Я никогда не прощу, что он увез меня. Эта тема была под запретом даже для Поппи. Казалось, Поппи не обиделась из-за моей вспышки. На ее лице я видел только сочувствие.

Я больше не мог этого выносить.

Молча взяв ее за руку, я потянул ее к зданию школы. Поппи усилила хватку на моей руке, когда другие ученики стали не просто смотреть, а пялиться.

— Не обращай внимания, — сказал я Поппи, когда мы прошли через школьные ворота.

— Хорошо, — ответила она и прижалась ко мне ближе.

Когда мы вошли в коридор, я увидел Дикона, Джадсона, Джори, Эйвери и Руби, столпившихся у своих шкафчиков. Я не разговаривал ни с кем из них с вечеринок.

Никто из них не знал, что происходит.

Джори повернулась первая, ее глаза расширились, когда она увидела наши с Поппи соединенные руки. Должно быть, она что-то сказала себе под нос, потому что в мгновение ока все друзья повернулись на нас. На их лицах было замешательство.

Повернувшись к Поппи, я призвал ее:

— Пойдем, нам лучше поговорить с ними.

Я направился вперед, когда Поппи потянула меня назад.

— Они не знают о... — прошептала она, чтобы только я услышал. — Никто кроме наших семей и учителей. И тебя.

Я медленно кивнул, затем она сказала:

— И Джори. Джори тоже знает.

Это был как удар под дых. Должно быть, Поппи увидела боль в выражении моего лица, потому что объяснила:

— Мне нужно было рассказать кому-то, Рун. Она была моим самым близким другом, за исключением тебя. Она помогала мне с уроками и всем подобным.

— Но ты сказала ей, не мне, — сказал я, борясь с желанием уйти прочь и подышать воздухом.

Поппи усилила хватку на мне.

— Она не любит меня так, как ты. И я не люблю ее так, как люблю тебя.

Когда Поппи это произнесла, моя злость испарилась... И я не люблю ее так, как люблю тебя...

Подойдя ближе к Поппи, я обнял ее за плечо.

— Они узнают когда-нибудь.

— Но не сейчас, — сказала она решительно.

Я ухмыльнулся на решительность в ее взгляде.

— Но не сейчас.

— Рун? Иди быстро сюда, ты задолжал объяснение! — громкий голос Дикона раздался в суете коридора.

— Ты готова? — спросил я Поппи.

Она кивнула. Я направил нас встретиться с группой друзей. Поппи крепко обхватила руками меня за талию.

— Так вы опять вместе? — спросил Дикон.

Я кивнул, мои губы поморщились в отвращении, когда я увидел ревность на лице Эйвери. Ясно увидев, что я заметил, она быстро заменила ее на свою обычную циничную маску. Мне было плевать. Она была никем для меня.

— Итак, Поппи и Рун снова вместе? — объявила Руби.

— Да, — подтвердила Поппи, улыбнувшись мне. Я поцеловал ее в лоб, прижав ближе.

— Ну, кажется, что в мире все снова встало на свои места, — объявила Джори, вынув руку, чтобы сжать руку Поппи. — Когда вы были не вместе — было неправильно. Вселенная просто казалась... не той.

— Спасибо, Джор, — сказала Поппи, и они удерживали взгляд друг друга на секунду дольше, безмолвно общаясь. Я заметил, что глаза Джори увлажнились. Она объявила:

— Я лучше пойду на урок, увидимся позже.

Джори ушла, а Поппи подошла к своему шкафчику. Я игнорировал все взгляды. Когда Поппи достала книги, я придержал их, пока она закрывала дверцу, и сказал:

— Видишь, все прошло не так уж плохо.

— Не так плохо, — повторила Поппи, но я поймал ее за разглядыванием моих губ.

Наклонившись, я прижал свою грудь к ее и захватил ее рот в поцелуе. Поппи заскулила, когда я запустил руку ей в волосы, крепко их удерживая. Когда я отстранился, ее глаза сияли, а щеки покраснели.

— Поцелуй триста шестьдесят, у двери моего школьного шкафчика. Снова показывая миру, что мы вместе... и мое сердце почти взорвалось.

Я отстранился, позволив Поппи перевести дыхание.

— Рун? — позвала она, когда я направился на математику, я обернулся и дернул подбородком. — Мне нужно больше подобных моментов, чтобы заполнить банку.

Тепло пронеслось по моему телу от мысли целовать ее при каждом удобном случае. Поппи покраснела от напряженного выражения моего лица. Как только я снова повернулся, она позвала:

— И Рун?

Я ухмыльнулся и ответил:

— Да?

— Какое твое любимое место в Джорджии? — Я не мог разглядеть выражение ее лица, но что-то происходило в ее голове. Она что-то планировала, я уверен.

— Вишневая роща в весеннее время года, — ответил я, ощущая, как выражение моего лица смягчается только от одной мысли.

— А не в весеннее? — выпытывала она.

Я пожала печами.

— Наверное, пляж. А что?

— Просто интересно, — она развернулась и затем направилась в противоположном направлении.

— Увидимся на обеде, — крикнул я.

— У меня репетиция с виолончелью, — Поппи крикнула в ответ.

Стоя на месте, я сказал:

— Значит, я буду смотреть.

Лицо Поппи осветилось, и она ответила нежно:

— Значит, ты будешь смотреть.

Мы стояли в противоположных концах коридора и пялились друг на друга. Поппи произнесла одними губами:

— Навеки.

Я произнес губами в ответ:

— Навечно и навсегда.

Неделя прошла как в тумане.

Прежде я никогда не заботился о времени — быстро оно шло или медленно. Сейчас я хотел, чтобы минуты растянулись в часы, а часы в дни. Но, несмотря на мои безмолвные мольбы, время, черт возьми, шло слишком быстро. Все происходило слишком быстро.

Коллективный интерес в школе к нашему с Поппи воссоединению утих через несколько дней. Большинство людей еще не приняли это, но я не обращал внимания. Я знал, что люди сплетничали. Большинство слухов было о том, как и почему мы снова вместе.

Мне было плевать и на это.

Дверной звонок зазвонил, когда я лежал на кровати, и я встал, схватив куртку со спинки стула. Поппи вела меня на свидание.

Она пригласила меня на свидание.

Этим утром, когда я покинул ее постель, она сказала мне быть готовым в десять. Поппи не рассказала зачем, или что мы будем делать, но я сделал, как она сказала.

Она знала, что я так поступлю.

Когда я шел по коридору, я услышал звук голоса Поппи:

— Привет, малыш, как дела?

— Хорошо, — ответил Алтон застенчиво.

Завернув за угол, я остановился, когда увидел, что Поппи сидела на корточках, чтобы быть на одном уровне с Алтоном. Волосы Алтона заслоняли его лицо, и он нервно убрал их рукой... так же как я. Слова Поппи с прошлой недели всплыли в моей голове...

Он отрастил волосы, потому что хочет быть похожим на тебя. Он подражает твоим привычкам, чертам характера, потому что хочет быть, как ты. Он ждет, что ты заметишь его. Алтон обожает тебя...

Я наблюдал, как мой младший брат застенчиво раскачивался на пятках. Я не мог сдержаться и поджал губы в изумлении: он был тихим, как и я. Не говорил, пока его не спрашивали.

— Чем ты будешь заниматься сегодня? — спросила его Поппи.

— Ничем, — ответил Алтон угрюмо.

Улыбка Поппи увяла. Алтон спросил:

— Ты снова уходишь вместе с Руном?

— Да, малыш, — ответила она тихо.

— Теперь он разговаривает с тобой? — спросил Алтон. И я услышал. Услышал оттенок печали в его тихом голосочке, о чем Поппи говорила мне.

— Да, разговаривает, — сказала Поппи, и как делала со мной, провела рукой по его щеке. Алтон опустил голову в смущении, но я поймал небольшую улыбку через пробелы между прядями его волос.

Поппи подняла голову и увидела, что я стою, прислонившись к стене, напряженно наблюдая. Она медленно выпрямилась, и я двинулся вперед, потянувшись за ее рукой и притягивая ее для поцелуя.

— Ты готов? — спросила она.

Я кивнул, смотря на нее с подозрением:

— Ты так и не собираешься рассказать мне, куда мы?

Поппи поджала губы и покачала головой, дразня меня. Она взяла мою руку в свою и повела меня к двери.

— Пока, Алтон! — прокричала она через плечо.

— Пока, Поппимин, — услышал я, как он тихо сказал в ответ. Я замер как вкопанный, когда мое прозвище для Поппи слетело с его губ. Рука Поппи взлетела ко рту, и я видел, она почти растаяла на месте.

Она уставилась на меня, и по ее взгляду было понятно, она хочет, чтобы я сказал что-нибудь своему брату. Вздохнув, я повернулся к Алтону, и он сказал:

— Пока, Рун.

Поппи сжала мою руку, призывая меня ответить.

— Пока, Алт, — ответил я неловко.

Алтон поднял голову, и его губы растянулись в широкой улыбке. И все из-за того, что я сказал пока.

От того как улыбка осветила его лицо, что-то сжалось в моей груди. Я повел Поппи вниз по лестнице и к машине ее мамы. Когда мы достигли машины, Поппи отказывалась выпускать мою руку, пока я не посмотрел на нее. Когда я это сделал, она наклонила голову набок и объявила:

— Рун Кристиансен, я так чертовски горжусь тобой прямо сейчас.

Я отвел взгляд, чувствуя себя не очень уютно от такой похвалы. С тяжелым взглядом, Поппи наконец выпустила мою руку, и мы забрались в машину.

— Ты скажешь мне, куда мы направляемся? — спросил я.

— Нет, — сказала Поппи, сдавая назад. — Хотя ты скоро догадаешься.

Я включил радио — обычную волну Поппи, и откинулся на спинку сиденья. Мягкий голос Поппи начал заполнять машину, подпевая попсовой песне, которую я не знал. Не прошло много времени, прежде чем я перестал смотреть на дорогу, а начал смотреть на Поппи. Как будто она играла на виолончели, ее ямочки углубились, когда она подпевала одной из своих любимых песен, улыбаясь через слова, которые так любила. Ее голова раскачивалась, а тело двигалось в такт.

Моя грудь сжалась.

Это была постоянная борьба. Видеть Поппи такой беззаботной и счастливой наполняло меня ярким светом, но знание, что эти мгновения ограничены и истекали, привносило только тьму.

Пятна черноты как смоль.

Вездесущая, размотанная катушка гнева, которая ждала, чтобы нанести удар.

Как будто увидев, что я разваливаюсь на части, Поппи вытянула руку и положила ее мне на колени. Когда я опустил взгляд, ее рука лежала ладонью вниз, а пальцы были готовы переплестись с моими.

Я протяжно выдохнул и переплел пальцы с ее. Я не смотрел на нее, не мог сделать этого с ней.

Я знал, как Поппи себя чувствовала. Несмотря на то, что рак высасывал из нее жизнь, ее убивала боль членов ее семьи и тех, кто любит ее. Когда я затихал, расстраивался, ее яркие

зеленые глаза тускнели. Когда я позволял злости снедать меня, я видел усталость на ее лице.

Усталость быть причиной боли других.

Продолжая крепко сжимать ее руку, я отвернул взгляд к окну. Мы проезжали повороты из города. Поднеся наши соединенные руки ко рту, я прижался в поцелуе к нежной коже Поппи. Когда мы проехали знак побережья, тяжесть заполнила мою грудь, и я повернулся к Поппи.

Она уже улыбалась.

— Ты везешь меня на пляж, — сказал я утвердительно.

Поппи кивнула.

— Твое второе любимое место.

Я думал о вишневых деревьях в цвету. Представлял, как мы сидим под нашим любимым деревом. И нетипично для себя послал молитву, что она продержится дольше. Поппи должна увидеть деревья полностью в цвету.

Она должна продержаться как можно дольше.

— Так и будет, — внезапно прошептала Поппи. Я встретился с ее взглядом, и она сжала мою руку, как будто услышав молчаливую мольбу. — Я увижу их. Я так решила.

Тишина повисла между нами. Ком формировался у меня в горле, когда я тихо подсчитывал месяцы, когда деревья в роще зацветут. Около четырех.

Нет времени на все.

Внезапно рука Поппи напряглась, когда я посмотрел в ее лицо, то снова увидел боль. Боль молчаливо говорила мне, что ей больно, потому что больно мне.

Сглотнув комок в горле, я сказал:

— Значит увидишь. Богу лучше не вставать у тебя на пути, когда ты так решительна.

И как будто сработал переключатель, ее боль исчезла, сменившись чистым счастьем.

Я устроился на своем сиденье, наблюдая, как мир снаружи проносился одним пятном перед глазами. Я был потерян в собственных мыслях, когда услышал:

— Спасибо тебе. — Это был тихий голос, едва шепот. Но я закрыл глаза, ощутив, как рука Поппи расслабилась.

Я не ответил, она и не хотела, чтобы я отвечал.

Заиграла еще одна песня и как будто ничего не произошло, голос Поппи заполнил машину и не затихал. Оставшуюся часть пути я держал ее за руку, пока она пела.

Убедившись, что я впитал в себя каждую ноту.

Когда мы прибыли на побережье, первое, что я увидел, был высокий белый маяк на краю обрыва. Денек был теплым, казалось, похолодание прошло, а небо было ярко-голубым.

На небе едва виднелись облака, солнце сияло высоко, освещая своими лучами тихую воду. Поппи припарковала машину и выключила двигатель.

— Я согласна, — это и мое второе любимое место, — сказала она.

Я кивнул, наблюдая за несколькими семьями, которые сидели на мягком песке. Дети играли, морские птицы кружили, в ожидании выброшенной еды. Несколько взрослых прислонились к дюне, читая. Кто-то сидел расслабленно с закрытыми глазами, упиваясь теплом.

— Помнишь, как мы приезжали сюда летом? — спросила она, радость наполнила ее голос.

— Да, — прохрипел я.

Поппи указала под пирс.

— И вон там поцелуй семьдесят пять. — Она повернулась ко мне и рассмеялась над воспоминанием. — Мы улизнули от наших семей, чтобы встать под пирсом, просто чтобы ты мог поцеловать меня. — Она коснулась своих губ, глаза были расфокусированы, потерянная в воспоминаниях. — Ты был на вкус как соленая вода, — сказала она. — Ты помнишь это?

— Да, — ответил я. — Нам было по девять. Ты была в желтом купальнике.

— Да! — сказала она, хихикнув.

Поппи открыла дверь, оглянувшись назад, на ее лице был чистый восторг, и она

спросила:

— Ты готов?

Я вылез из машины, теплый ветер сдул волосы с моего лица. Сняв резинку с запястья, я убрал волосы с лица и заплел пучок, и отправился к багажнику, чтобы помочь Поппи с тем, что она привезла.

Когда я посмотрел в большой багажник, то увидел, что она взяла корзину для пикника и еще один рюкзак. Я понятия не имел, что в нем.

Я вытянул руки, чтобы забрать у нее все, когда она попыталась унести все сама. Она отдала мне вещи, затем неподвижно остановилась.

Ее неподвижность вынудила меня поднять взгляд, я нахмурился, увидев, что она изучает меня.

— Что? — спросил я.

— Рун, — прошептала она и коснулась моего лица кончиками своих пальцев. Она провела ими по моим щекам и лбу. Наконец, ее губы растянулись в широченной улыбке.

— Я могу видеть твоё лицо.

Встав на носочки, Поппи игриво дернула мои волосы, собранные в пучок.

— Мне нравится, — объявила она. Глаза Поппи изучали мое лицо еще немного, затем она вздохнула: — Рун Эрик Кристиансен, ты осознаешь, насколько ты идеально красив?

Я опустил голову, в этот момент она провела руками по моей груди, и я встретился с ней взглядами.

— Ты понимаешь, какие глубокие чувства у меня к тебе?

Я медленно покачал головой, нуждаясь услышать ее слова. Она расположила мою руку над своим сердцем, а свою руку над моей. Под моей ладонью был ровный ритм, который стал быстрее, когда наши взгляды встретились.

— Это как музыка, — объяснила она. — Когда я смотрю на тебя, когда ты прикасаешься ко мне, когда я вижу твоё лицо... когда мы целуемся, мое сердце поет песню. В ней поется, что я нуждаюсь в тебе как в воздухе. В ней поется, что я обожаю тебя. Что я нашла свою идеальную недостающую половинку.

— Поппимин, — сказал я тихо, и она прижала палец к моим губам.

— Послушай, Рун, — сказала она и закрыла глаза. Я тоже. И я услышал. Услышал ее так громко, как будто это было рядом с моим ухом. Ровные удары — наш ритм. — Когда ты рядом мое сердце не бьется, оно парит, — прошептала она, как будто не хотела нарушать звук. — Я думаю, что сердечный ритм — это как песня. Думаю, что также как в музыке нас привлекает к определенной мелодии. Я слышу песню твоего сердца, а ты моего.

Я открыл глаза. Поппи стояла и улыбалась, показывая свои ямочки на щеках, и раскачивалась в ритм. Когда открыла глаза, милое хихиканье соскользнуло с ее губ. Я наклонился и обрушил свои губы на ее.

Поппи обняла меня за талию, крепко держась за мою футболку, пока я медленно двигал своими губами напротив ее губ, прислонив ее к машине и прижав свою грудь к ее телу.

Я слышал эхо ее сердцебиения в своей груди. Поппи вздохнула, когда я скользнул своим языком по ее. Ее руки усилили хватку на моей талии, она прошептала:

— Поцелуй четыреста тридцать два. На пляже с Руном. Мое сердце почти взорвалось.

Я тяжело дышал, когда пытался взять себя в руки. Щеки Поппи покраснелись, и она дышала так же тяжело, как и я. Мы так и стояли, просто дышали, пока Поппи не оттолкнулась от машины и поцеловала меня в щеку.

Повернувшись, она подняла рюкзак и перекинула его через плечо. Я двинулся забрать его, но она сказала:

— Я еще не настолько слаба, малыш. Я все еще могу вынести тяжесть.

У ее слов было двойное значение. Я знал, что она говорила не только о рюкзаке, но и о моем сердце.

Темнота внутри меня, с которой она непрерывно пыталась бороться.

Поппи отошла, позволив мне забрать все остальное. Я последовал за ней в уединенное

место на дальней стороне пляжа рядом с пирсом.

Когда мы остановились, я заметил место, где я целовал ее годы назад. Странное чувство распространилось в моей груди, и я знал, что до нашего возвращения домой, я поцелую ее там. Поцелую ее семнадцатилетней.

Еще один поцелуй для ее банки.

— Все в порядке? — спросила Поппи.

— Да, — ответил я, ставя вещи на песок. Увидев зонтик и переживая, что Поппи не должна перегреться, я воткнул его в песок и открыл, чтобы на нее падала тень.

Когда только зонтик был открыт, а одеяло было на песке, я дернул подбородком, указывая Поппи двигаться под зонт. Она так и сделала, быстро поцеловав мою руку, когда проходила.

И мое сердце не билось. Оно порхало.

Мой взгляд был прикован к спокойному океану. Поппи села, закрыла глаза и глубоко вдохнула.

Я наблюдал, как Поппи наслаждается природой, и мог сравнить ее с человеком, который получил ответ на свои молитвы. Радость в ее выражении была безграничной, а покой в ее настроении — шокирующим.

Я опустил на песок, сел, обхватив руками колени. Уставился на море, на лодки на расстоянии, раздумывая, куда они отправляются.

— Как ты думаешь, какое их ждет приключение? — спросила Поппи, прочитав мои мысли.

— Я не знаю, — ответил я честно.

Поппи закатила глаза и сказала:

— Я думаю, они оставляют все позади. Думаю, однажды они проснулись и решили, что жизнь есть за пределами всего этого. Думаю, они решили — влюбленная пара, парень и девушка, — что хотят исследовать мир. Они продали свое имущество и купили лодку. — Она улыбнулась и опустила подбородок, уткнувшись им в руки, а ее локти опирались на согнутые колени. — Она любит играть на музыкальных инструментах, а он запечатлеть мгновения на пленку.

Я покачал головой и посмотрел на нее боковым зрением.

Казалось, ей все равно, вместо этого она добавила:

— И мир хорош. Они будут путешествовать в далекие места, создавать музыку, искусство и картины. И по пути они будут целоваться. Они будут целоваться, будут любить и будут счастливы.

Она моргнула, когда легкий ветерок пронёсся над нашими тенями. Когда Поппи снова посмотрела на меня, то спросила:

— Разве это не звучит как самое идеальное приключение?

Я кивнул. Я не мог говорить.

Поппи посмотрела на мои ноги и покачала головой, переместившись по одеялу, пока не оказалась у моих ступней. Я приподнял бровь в немом вопросе.

— Ты в ботинках, Рун! Такой прекрасный солнечный день, а ты в ботинках. — Поппи начала расстегивать мои ботинки, стягивая их друг за другом. Она подкатала мои джинсы до лодыжек и кивнула. — Вот, — сказала она гордо, — так немного лучше.

Не в состоянии найти радость, когда она сидела так самодовольно, я вытянул руку и потянул ее на себя, и лег, чтобы она легла на меня.

— Вот, — повторил я, — так еще лучше.

Поппи захихикала, наградив меня быстрым поцелуем.

— А сейчас?

— Огромное улучшение, — пошутил я иронично. — Большое, размером с астероид улучшение.

Поппи рассмеялась сильнее. Я перекатил ее и лег рядом. Ее руки все еще были у меня на талии, пока я водил пальцами по ее мягкой обнаженной коже.

Безмолвно я уставился на небо. Поппи тоже сидела тихо, пока внезапно не сказала:

— После того как ты уехал, не прошло много времени прежде чем я начала чувствовать себя уставшей, такой уставшей, что не могла вылезти с кровати.

Я замер. Она наконец расскажет мне. Расскажет, что произошло. Все расскажет.

— Мама отвела меня к доктору и в больнице мне сделали анализы. — Она покачала головой. — Честно говоря, все думали, я веду себя по-другому из-за твоего отъезда. — Я закрыл глаза и вдохнул. — Я тоже, — добавила она, крепче сжимая меня. — Первые несколько недель у меня получалось убеждать себя, что ты просто уехал в отпуск. Но проходили недели, и пустота во мне, оставшаяся после твоего отъезда, начала болеть все сильнее. Мое сердце было полностью разбито. И в придачу болели все мышцы. Я очень много спала, стала вялой.

Поппи замолчала, затем продолжила:

— В конце концов, мы поехали в Атланту сделать несколько тестов. Мы оставались у тети Диди, пока врачи разбирались что к чему.

Поппи подняла голову и, положив руку мне на щеку, приподняла мое лицо, чтобы смотреть мне в глаза.

— Я не рассказывала тебе, Рун. Продолжала притворяться, что я в порядке. Потому что я не могла сделать тебе еще больнее. Я видела, что ты не очень хорошо справляешься. Каждый раз по видео-чату я видела, что ты становишься все злее, находясь в Осло. Все, что ты говорил, было так не похоже на тебя.

— Так ты навещала тетю Диди, — прервал я, — потому что болела. Не просто погостить, как говорила мне?

Поппи кивнула, и я увидел чувство вины в ее взгляде.

— Я знаю тебя, Рун. И видела, как ты ускользал от меня. Твое мироощущение всегда было мрачным. В твоей сущности есть темнота. Но со мной ты не был таким. Я могла только представить, что моя болезнь сделает с тобой.

Поппи осторожно опустила голову мне на грудь.

— Не прошло много времени, прежде чем я узнала свой диагноз: прогрессирующая лимфома Ходжкина. Это покачнуло мою семью. Сначала меня. А как по-другому? — Я прижал ее ближе, но Поппи отстранилась. — Рун, я знаю, что никогда не смотрела на мир, как остальные. Я всегда проживала каждый день по полной. Знаю, что всегда принимала аспекты мира, которые не принимали другие люди. Думаю, в какой-то степени, это из-за того, что я понимала, у меня не будет времени изучать его, как у остальных. Думаю, где-то глубоко внутри, моя душа знала. Потому что когда доктор сказал, что у меня осталось всего пару лет, даже с лечением и медикаментами, я отнеслась к этому спокойно.

Глаза Поппи начали блестеть непролитыми слезами. Мои тоже.

— Мы остались в Атланте и жили у тети Диди. Ида и Саванна пошли в новую школу. Папа ездил на работу. Я была на домашнем обучении, либо обучалась в больнице. Мои мама и папа уповали на чудо, но я понимала — этого не случится. Я спокойно относилась к этому. Держала подбородок высоко вверх. Химиотерапия была тяжелой. Потерять волосы было трудно. — Поппи моргнула, очищая свое видение, затем доверилась мне: — Но отказаться от тебя почти убило меня. Это был мой выбор. Вина была на мне. Я просто хотела спасти тебя, Рун. Чтобы ты не видел меня в таком состоянии. Я видела, что происходит с моими родителями и сестрами. Но ты... я могла спасти тебя. Я могла дать тебе то, чего не было у моей семьи — жизнь. Свободу. Шанс идти по жизни без боли.

— Это не сработало, — умудрился сказать я.

Поппи опустила взгляд.

— Сейчас я понимаю. Но поверь мне, Рун, я думала о тебе каждый день. Я представляла тебя, молилась за тебя. Надеюсь, что темнота, которая проросла в тебе, поблекнет с моим отсутствием.

Поппи расположила свой подбородок на моей груди.

— Расскажи мне, Рун. Расскажи, что произошло с тобой.

Я сжал челюсти, не желая позволять себе чувствовать тогдашние эмоции. Но я никогда не мог отказать своей девочке. Это было невозможно.

— Я был зол, — сказал я, убирая волосы с ее красивенького личика. — Никто не говорил мне, где ты. Почему ты отказалась от меня. Родители не отставали от меня. Отец бесил меня двадцать четыре часа семь дней в неделю. Я винил его во всем, и сейчас виню.

Поппи открыла рот, заговорить, но я покачал головой.

— Нет, — выдохнул я. — Не надо.

Поппи закрыла рот. Я прикрыл глаза и сфокусировался на продолжении:

— Я ходил в школу, не прошло много времени, прежде чем я спутался с подростками такими же злыми на мир, как и я. Я начал ходить на вечеринки. Пить, курить — делать противоположное тому, что говорил мне отец.

— Рун, — единственное, что смогла сказать Поппи печально.

— Вот какой была моя жизнь. Я выбросил фотоаппарат. Затем собрал все, что напоминало мне о тебе. — Из меня вырвался смешок. — Я жалел, что не мог вырвать свое сердце и собрать его тоже. Потому что эта штукавина не позволяла мне забыть тебя, неважно как я пытался. И затем мы вернулись. Сюда. И я увидел тебя в школьном коридоре и весь гнев, который все еще протекал по моим венам, превратился в приливную волну.

Я перекатился на бок, открыл глаза и провел рукой по лицу Поппи.

— Потому что ты была такой красивой. Любое мое представление о том, как ты будешь выглядеть в семнадцать, было развеяно. В минуту, когда увидел эти каштановые волосы, большие зеленые глаза, вперившиеся в мои, я осознал, что любое мое за последние два года усилие оттолкнуть тебя, было разрушено. Одним взглядом. Стерто в порошок.

Я сглотнул.

— Затем, когда ты рассказала мне... — я затих, и Поппи покачала головой.

— Нет, — сказала она. — Достаточно на сейчас. Ты сказал достаточно.

— А ты? — спросил я. — Почему ты вернулась?

— Потому что я закончила, — сказала Поппи с тяжелым вздохом. — Ничего не помогало. От каждого нового лечения не было разницы. Онколог сказал нам прямо: ничего не сработает. Этого хватило мне, чтобы принять решение. Я хотела вернуться домой. Прожить оставшиеся дни у себя дома на паллиативном лечении с теми, кого люблю больше всего.

Поппи прижалась ближе, целуя мою щеку, голову и наконец, мой рот.

— И теперь у меня есть ты. Как я теперь знаю и должно было быть. Именно здесь мы должны быть в этот конкретный момент времени — дома.

Слеза скатилась по моей щеке. Поппи быстро убрала ее своим большим пальцем. Она наклонилась надо мной и сказала:

— Вернувшись домой, я поняла, что смерть и болезнь не так уж трудно выдержать. В конце концов, боль для нас заканчивается, и мы уходим в лучшее место. Но для тех, кто остался позади, боль становится только хуже.

Поппи взяла мою руку и прижала к своей груди.

— Я действительно считаю, что истории о потере не всегда должны быть грустными и печальными. Я хочу, чтобы мою жизнь вспоминали, как величайшее приключение, какое у меня могло быть. Потому что, как мы смеем тратить впустую хоть один вдох? Как мы смеем тратить впустую что-то такое драгоценное? Вместо этого мы должны стремиться сделать как можно больше драгоценных вдохов в как можно больше драгоценных моментах, пока проживаем это короткое время на Земле. Я хочу оставить после себя это послание. Прекрасное наследие для тех, кого я люблю.

Если, как верила Поппи, мое сердцебиение пело песню, то прямо сейчас, в этот момент, мое сердце пело от гордости... в полнейшем восхищении моей любимой девушкой за то, как она смотрела на жизнь, за то, как пыталась заставить меня поверить — поверить, что есть жизнь после нее.

Я был уверен, что это не так, но мог видеть решительность Поппи. Эта решительность

никогда не исчезала.

— Так теперь ты знаешь, — объявила Поппи, положив голову мне на грудь. — Теперь давай больше не будем об этом. У нас впереди будущее. Не будем рабами прошлого. — Я закрыл глаза, и она умоляла: — Обещаешь мне, Рун?

Обретя голос, я прошептал:

— Обещаю.

Я боролся с эмоциями, которые восставали во мне. Я бы не показал ей ни признака печали. Она увидит только радость во мне сегодня.

Дыхание Поппи стали размеренным, когда я гладил ее по волосам. Теплый ветерок обвевал нас, унося тяжесть, которая окружала нас.

Я позволил себе задремать, думая, что Поппи сделала то же самое, когда она пробормотала:

— Как ты думаешь, выглядит рай, Рун?

Я напрягся, но Поппи начала вырисовывать круги на моей груди, избавляя мое тело от тяжести ее вопроса.

— Не знаю, — сказал я. Поппи ничего не сказала, просто продолжала свое занятие. Немного поерзав, чтобы крепче обнять ее, я сказал: — Как что-то красивое. Умиротворенное. Как то место, в котором я снова увижу тебя.

Я ощущал улыбку Поппи у моей футболки.

— Я тоже так думаю, — согласилась она мягко и повернулась поцеловать мою грудь.

На этот раз я был уверен, что Поппи уснула. Я осмотрел песок вокруг и заметил, что пожилая пара села рядом с нами. Их руки были переплетены вместе. Прежде чем женщина села, мужчина расстелил покрывало на песке. Он поцеловал ее в щеку, прежде чем помог сесть.

Укол зависти пронзил меня, потому что у нас никогда не будет подобного.

Мы с Поппи никогда не состаримся вместе. У нас не будет детей. Свадьбы. Ничего из этого. Но когда я опустил взгляд на густые каштановые волосы Поппи и ее нежную ручку на моей груди, я позволил себе быть благодарным за то, что у нас, по крайней мере, есть здесь и сейчас. Я не знал, что ждет впереди. Но сейчас она была у меня.

Я принадлежал ей с тех пор, как мне было пять лет.

Сейчас я понимал, почему так сильно полюбил ее с малолетства, — чтобы у меня было все это время с ней. Поппи верила, что ее душа всегда знала, что она умрет молодой. Я начинал думать, что моя тоже могла это знать.

Прошел час, Поппи все еще спала. Я осторожно поднял ее со своей груди и сел. Солнце садилось, волны плескались о берег.

Ощувив жажду, я открыл корзину для пикника и вытащил одну из бутылок воды, упакованную Поппи. Когда я пил, мои глаза остановились на рюкзаке, который Поппи несла с грузовика.

Задумавшись, что внутри, я взял его и осторожно открыл молнию. Первым, что я увидел, была еще одна черная сумка. Это сумка была чем-то заполнена. Я вытащил ее, и мое сердце поскакало галопом, когда я осознал, что держал в руках.

Я вздохнул и закрыл глаза.

Опустил сумку на покрывало и потер глаза. Когда поднял голову, открыл глаза и сморгнул слезы. Я смотрел на лодки на расстоянии, слова Поппи заполнили мою голову...

«Я думаю, они оставляют все позади. Думаю, однажды они проснулись и решили, что жизнь есть за пределами всего этого. Думаю, они решили — влюбленная пара, парень и девушка, — что хотят исследовать мир. Они продали свое имущество и купили лодку. Она любит играть на музыкальных инструментах, а он запечатлеть мгновения на пленку».

Мои глаза переместились на чехол с фотоаппаратом, который я так хорошо знал. Я понимал, куда она вела со своей теорией о лодках.

«Он любит запечатлеть мгновения на пленку...»

Я пытался злиться на нее. Я отказался от фотографирования два года назад, я больше не

был прежним. Это больше не было моей мечтой. Нью-Йорк не было в моих планах. Я не хотел возвращаться к фотографированию. Но мои пальцы начали дергаться и, несмотря на то, что был взбешен на себя, я поднял крышку чехла и заглянул внутрь.

Старый винтажный Canon в черно-хромированном исполнении, который я хранил как сокровище, был передо мной. Мое лицо побледнело, сердце качало кровь и ударялось о ребра. Я выбросил тот фотоаппарат. Я отказался от него и всего, что он значил.

Я понятия не имел, где Поппи достала его. Я задумался, могла ли она найти такой же и купить его. Я вытащил фотоаппарат из чехла и перевернул. На задней части было выцарапано мое имя. Я сделал это на свой тринадцатый день рождения, когда мама с папой подарили мне этот фотоаппарат.

Это был именно он.

Поппи нашла мой фотоаппарат.

Открыв заднюю крышку, я увидел новую пленку внутри. В чехле лежали линзы, которые я так хорошо знал. Несмотря на годы, я все еще инстинктивно знал, какая лучше подойдет для каждого конкретного снимка: пейзажа, портрета, ночной съемки, дневной, природы, в студии...

Услышав тихий шорох позади себя, я оглянулся через плечо. Поппи сидела, наблюдая за мной. Ее взгляд был прикован к фотоаппарату. Нервно подавшись вперед, она сказала:

— Я спросила у твоего папы о нем. Куда он делся. Он рассказал, что ты выбросил его. — Поппи наклонила голову набок. — Ты не знал, а он не рассказывал тебе. Твой отец нашел его. Он видел, как ты его выбросил. Он был разбит. Некоторые линзы треснули и еще по мелочи. — Я так сильно сжал челюсти, что было больно.

Поппи очертила пальцами тыльную сторону моей ладони, которая лежала на покрывале.

— Он починил его и хранил последние несколько лет. Твой папа надеялся, что ты снова вернешься к фотографированию. Он знал, как сильно ты любил это. Он также обвинял себе в том, что ты отказался от любимого дела.

Моим инстинктом было открыть рот и зашипеть, что все это из-за него. Все. Но я так не сделал. По какой-то причине мой желудок скрутило, и я оставил рот закрытым.

Глаза Поппи заблестели.

— Видел бы ты его прошлым вечером, когда я спросила его об этом. Он был так эмоционален, Рун. Даже твоя мама не знала, что он сохранил фотоаппарат. Он даже поставил новую пленку на случай, если ты захочешь вернуться.

Я отвел взгляд от Поппи, сосредоточившись на фотоаппарате. Я не знал, что чувствовал по этому поводу. Но к моему удивлению, злости не было. По какой-то причине я не мог выкинуть из головы картинку того, как папа чистит фотоаппарат и чинит его сам.

— Он даже подготовил проявочную комнату в вашем доме. — Я закрыл глаза, когда Поппи добавила последнюю часть. Ответив тишиной. В моей голове мелькало так много мыслей, так много изображений. И во мне шло противостояние. Я поклялся больше не фотографировать.

Но клятва — это было одно. Держать объект своей зависимости в руках ставило под угрозу все, против чего я клялся бороться. Против чего восставал. То, что я выбросил, так же как мой папа поступил с моими чувствами, когда мы вернулись в Осло. В моем животе начало распространяться тепло. Я ожидал злости. Взрыв огня.

Я глубоко вдохнул, приветствуя темноту, которая поглощала меня, когда внезапно Поппи вскочила на ноги.

— Я к воде, — объявила она и прошла мимо меня, больше ничего не говоря. Я наблюдал, как она уходила. Как погружала ноги в мягкий песок, когда ветер развеивал ее короткие волосы. Я стоял на месте, запоминая, когда она подошла к краю воды, позволяя прибору омыть ее ноги. Поппи подняла платье выше, чтобы не забрызгать.

Поппи откинула голову, чтобы ощущать солнце на своем лице. Затем она оглянулась на меня и рассмеялась. Свободно, непринужденно, как будто в мире не было никаких забот.

Я был заворожен, и еще больше, когда отражение солнечных лучей от воды отбросило

золотой отблеск на ее лицо, в новом свете ее глаза засияли изумрудами.

Я затаил дыхание, на самом деле забыв, как дышать, от того, как ошеломительно она выглядела. Прежде чем смог сообразить, я схватил фотоаппарат. Я ощущал его вес в своей руке и закрыл глаза, позволяя сильному желанию победить.

Открыв глаза, я поднял фотоаппарат к глазу. Убрав крышку объектива, я нашел идеальный угол того, как моя девочка танцует в волнах.

И я нажал.

Я нажал кнопку на фотоаппарате, мое сердце останавливалось на каждом щелчке затвора, убеждаясь в том, что я захватываю Поппи в этот момент — счастливой.

Адреналин захлестнул меня, при мысли, как эти снимки будут выглядеть. Вот почему я использовал винтажную камеру. Предвкушение работы в проявочной, отложенное удовлетворение увидеть чудо, которое поймали на пленку. Было необходимо умение работать с фотоаппаратом, чтобы добиться идеального снимка.

Мгновение спокойствия.

Момент волшебства.

Поппи в своем собственном мире бежит вдоль берега, ее щеки сияют розовым оттенком тепла. Подняв руки в воздух, Поппи позволила подолу платья упасть и намочиться от всплеска воды.

Затем она повернулась лицом ко мне. Сделав это, она замерла, как и сердце в моей груди. Мой палец ждал, готовый нажать на кнопку, ожидая подходящего снимка. И затем все случилось. Выражение чистого счастья появилось у нее на лице. Ее глаза закрылись, голова была склонена набок, как будто в облегчении, как будто бесконечное счастье накрыло ее.

Я опустил фотоаппарат. Поппи протянула руку. Чувствуя кайф от восторга вернуться к своей страсти, я подскочил на ноги и пошел по песку.

Когда я взял Поппи за руку, она притянула меня ближе и прижала свои губы к моим. Я позволил ей вести. Позволил ей показать, как много это значит для нее. Это мгновение. И позволил себе также чувствовать это. На краткое мгновение позволил себе отодвинуть в сторону тяжесть, которую носил всегда как щит. Позволил себе потеряться в поцелуе, поднимая фотоаппарат. Даже с закрытыми глазами и без направления, я был убежден, что запечатлел лучший кадр дня.

Поппи сделала шаг назад и молча повела меня обратно к покрывалу, усаживая и кладя голову мне на плечо. Я поднял руку на ее теплое, обласканное солнцем плечо, и притянул ее поближе к себе. Поппи наблюдала, как я медленно целовал ее макушку. Когда наши взгляды встретились, я вздохнул и прижал свой лоб к ее.

— Всегда пожалуйста, — прошептала она, когда отвела взгляд, чтобы взглянуть на небо.

Я не чувствовал этого так долго. Я не чувствовал подобный покой с моменты нашего расставания. И я был благодарен Поппи.

Больше чем благодарен.

Внезапно тихий, благоговейный вздох сорвался с губ Поппи.

— Посмотри, Рун, — сказала она, указывая вдаль. Я задумался, что же она хочет мне показать, затем она сказала: — Наши следы на песке. — Она подняла голову и на ее лице сияла улыбка. — Две пары ног. Четыре отпечатка. Как в притче.

Я свел брови в замешательстве. Поппи положила руку мне на колено. Ее голова была под прикрытием моей руки, и она объяснила:

— Моя любимая притча, Рун. И любимая притча моей бабушки.

— Что в ней говорится? — спросил я, улыбнувшись на крошечный размер следов Поппи по сравнению с моими.

— Она красивая. И религиозная, поэтому я не уверена, что ты о ней подумаешь, — Поппи послала мне игривый взгляд.

— Все равно Расскажи мне, — настаивал я, чтобы услышать ее голос. Просто, чтобы услышать благоговение в ее голосе, когда она делится чем-то сокровенным.

— На самом деле это больше чем просто история. О ком-то, у кого есть мечта. В этой мечте человек на пляже, так же как мы сейчас. Но он идет рядом с Богом.

Я сощурил глаза, и Поппи закатила свои.

— Я предупреждала, что она религиозная! — сказала она, смеясь.

— Да, — ответил я и подтолкнул ее голову своим подбородком. — Продолжай.

Поппи вздохнула и рисовала узоры на песке своим пальцем. Мое сердце почти надломилось надвое, когда я увидел, что это еще один знак бесконечности.

— Когда человек шел по пляжу, в темном небе над ним проигрывалась его жизнь. С каждой показанной сценой, как в фильме, человек замечал два набора следов, которые оставлял на песке. И когда он продолжали идти, с каждой новой сценой появлялась дорожка следов.

Внимание Поппи было приковано к нашим следам на песке.

— Когда все сцены были проиграны, человек оглядывался на дорожку следов и замечал кое-что странное. Он замечал, что время самых грустных и отчаянных времен его жизни была только одна пара следов. А в счастливые времена две.

Я нахмурился, задумываясь, к чему ведет история. Поппи приподняла подбородок и моргнула в ярком свете солнца. Слезаящими глазами она посмотрела на меня и продолжила:

— Человек озадачился этим. Господь сказал, что когда человек посвящает свою жизнь Ему, он будет проходить с ним через все взлеты и падения. Человек спросил Господа: «Почему в худшие моменты жизни Он оставлял его? Почему Он покидал?»

Выражение глубокого спокойствия было нарисовано на лице Поппи.

— И что? — побуждал ее я говорить дальше. — Что сказал Бог?

Одинокая слеза скатилась по ее щеке.

— Он ответил, что прошел с ним через всю жизнь. Но, объяснил, что во времена, когда на песке оставалась одна пара шагов, Он не шел рядом с ним, Он нес его на руках.

Поппи зашевелилась и сказала:

— Мне все равно, религиозен ты или нет. Притча не только для верующих. У нас есть люди, кто проносят нас через худшие моменты жизни, печальные времена, в моменты, из которых, кажется, невозможно вырваться. В том или другом случае, будь то Господь или любимый человек, или оба, когда мы чувствуем, что больше не можем идти, кто-то подхватит нас... кто-то пронесет нас через это.

Поппи положила голову мне на грудь, я обернул свои протянутые руки вокруг нее.

Мое зрение было размыто, когда я смотрел на наши следы на песке. В этот момент я не понимал, кто кому помогал. Потому что, сколько бы Поппи не намекала, что это я помогаю ей пройти через последние месяцы, я начинал верить, что это она каким-то образом помогала мне.

Одинокие следы шагов в моей душе.

Поппи повернулась ко мне лицом, по нему текли слезы. Слезы счастья. Слезы благоговения... слезы Поппи.

— Разве это не прекрасно, Рун? Разве это не самое прекрасное, что ты когда-либо слышал?

Я просто кивнул. Сейчас было не время для слез. Я не мог конкурировать с тем, что она только что рассказала, так зачем пытаться?

Я рассеял свое внимание по пляжу. И задумался... Я задумался, есть ли кто-то еще, кто слышал что-то такое трогательное, что проникло в самую его суть? Я задавался вопросом, были ли для них люди, кого бы они любили больше всего на свете, так искренне и с такими сильными эмоциями?

— Рун? — сказала тихо Поппи рядом со мной.

— Да, малышка? — ответил я нежно. Она повернула свое хорошенькое личико ко мне и сверкнула улыбкой. — Все хорошо? — спросил я, изучая ее лицо.

— Я устала, — призналась она неохотно. Мое сердце надломилось надвое. За прошедшую неделю, я начал замечать, как усталость постепенно расплзалась по ее лицу,

когда она слишком много усердствовала.

И что хуже, я видел, как сильно она ненавидела это. Потому что это мешало ей наслаждаться приключениями в своей жизни.

— Нет ничего страшного в том, чтобы быть уставшей, Поппи. Это не слабость.

В глазах Поппи было поражение.

— Я просто ненавижу это. Я всегда считала, что сон — пустая трата времени.

Я рассмеялся, когда она мило надула губки. Поппи наблюдала за мной, ожидая, что я заговорю. Придя в себя, я сказал:

— Вот как я вижу это: если ты спишь, когда тебе это необходимо, то мы можем делать больше всего, когда ты сильная. — Я коснулся кончиком носа ее и сказал: — Наше приключение тогда будет еще более особенным. И ты знаешь, что я люблю, когда ты спишь в моих объятиях. Я чувствую себя в какой-то степени защитником.

Поппи вздохнула и, бросив последний взгляд на море, прошептала:

— Только ты, Рун Кристиансен. Только ты можешь сделать самую ненавистную для меня вещь такой прекрасной.

Поцеловав ее теплую щеку, я встал и собрал наши вещи. Когда все было упаковано, я посмотрел через плечо на пирс, затем снова на Поппи. Вытянув руку, я сказал:

— Пойдем, соня. Как в старые добрые времена?

Поппи взглянула на пирс, и безудержное хихиканье вырвалось из ее горла. Я потянул ее на ноги, и мы медленно пошли, держась за руки, под пирс. Там где мы стояли, раздавался гипнотизирующий звук волн, разбивающихся о старые деревянные балки.

Не тратя времени, я прижал Поппи спиной к деревянному столбу, обхватил ее щеки и слил наше дыхание воедино. Мои глаза были закрыты, когда теплая кожа ее щек нагревалась под моими ладонями. Моя грудь вздымалась, я затаил дыхание, пока наши губы соединились в поцелуе — медленном и глубоком, а холодный ветер развеивал волосы Поппи.

Отстранившись, я провел языком по губам, смакуя вкус солнца и вишни.

Глаза Поппи распахнулись. Видя ее очевидную усталость, я прошептал:

— Поцелуй четыреста тридцать три. С Поппимин под пирсом. — Поппи робко улыбнулась, ожидая, что последует дальше. — Мое сердце почти взорвалось. — Ее улыбка была с намеком на зубы, она почти рассмеялась, и это было идеальное время добавит: — Потому что я люблю ее. Люблю больше, чем могу объяснить. Моя пара шагов на песке.

Прекрасные зеленые глаза Поппи смотрели на меня в замешательстве. Они мгновенно засверкали, и слезы покатились по ее щекам. Я попытался стереть их своими пальцами, когда мое сердце грохотало в груди. Поппи сжала мою руку, нежно прижимаясь щекой к моей ладони. Оставив мою руку на месте, она встретилась со мной взглядом и прошептала:

— Я тоже люблю тебя, Рун Кристиансен. Никогда не переставала. — Она встала на цыпочки и обхватила мое лицо, чтобы оно было напротив ее: — Моя родственная душа. Мое сердце...

Спокойствие и безмятежность охватили меня, когда я держал Поппи в своих объятиях, а ее легкое дыхание просачивалось через мою футболку.

Я держал ее. Прижал ее ближе, принимая новое чувство, пока Поппи не зевнула. Я приподнял ее голову к себе и сказал:

— Давай отвезем тебя домой, красавица.

Поппи кивнула и, прижавшись к моему боку, позволила мне отвести ее забрать наши вещи, а затем к машине.

Обхватив обеими руками ее талию, я поднял ее на сиденье, потянувшись, чтобы застегнуть ремень безопасности. Когда я отстранился, то нежно поцеловал Поппи в макушку. Она задержала дыхание на мое прикосновение. Я выпрямился, когда Поппи взяла меня за руку, слезы лились по ее щекам, когда она шептала:

— Извини меня, Рун. Извини.

— За что, малышка? — спросил я, мой голос надломился от того, как прозвучала ее фраза.

Я убрал волосы с ее лица, когда она сказала:

— За то, что отталкивала тебя.

Мой желудок ухнул вниз. Взгляд Поппи что-то искал в моем, перед тем как ее лицо исказилось от боли. Крупные слезы катились по ее лицу, и грудь задрожала, когда она пыталась успокоить свое внезапно участившееся дыхание.

— Эй, — сказал я, обхватив руками ее щеки.

Поппи посмотрела на меня.

— Мы могли бы проводить так время, если бы я не была такой глупой. Мы бы нашли способ вернуть тебя. Ты мог бы быть со мной все время. Со мной. Держа меня... любя. Ты любишь меня, и я так неистово люблю тебя. — Ее голос дрожал, но она смогла закончить. — Я — вор. Я украла наше драгоценное время — два наших года — ради ничего.

Мне казалось, что мое сердце физически разрывалось, когда Поппи плакала, хватаясь за мою руку так крепко, будто боясь, что я могу уйти. Как она все еще не поняла, что ничего не оттолкнет меня от нее?

— Ш-ш-ш, — успокаивал я, располагая свою голову у ее. — Дыши, малышка, — сказал я нежно. Я положил руку Поппи на свое сердце, когда она встретила со мной взглядами. — Дыши, — повторил я и улыбнулся, когда она последовала ритму моего сердца, чтобы успокоить свое.

Я вытер ее мокрые щеки руками, и почти растаял, когда она шмыгнула носом, ее грудь дергалась так часто от освободившихся рыданий. Увидев, что привлек ее внимание, я сказал:

— Я не принимаю извинений, потому что не за что извиняться. Ты сказала мне, что прошлое больше не имеет значения. Самые важные моменты происходят сейчас. — Я обуздал свои эмоции, проговорив: — Наше финальное приключение. Я подарю тебе поцелуй, от которых сердце будут готов взорваться, чтобы заполнить твою банку. А ты... ты просто будешь собой. Будешь любить меня. Я буду любить тебя. Навеки... — я затих.

Я пристально и терпеливо уставился в глаза Поппи, улыбнувшись, когда она сказала:

— Навечно и навсегда.

Я закрыл глаза, зная, что пробьюсь через ее боль. Когда снова открыл глаза, Поппи хрипло захихикала.

— Вот и она, — я прижался в поцелуе к одной из ямочек.

— Вот она я, — повторила Поппи, — так бесповоротно влюбленная в тебя.

Поппи подняла голову и поцеловала меня. Когда она легла на сиденье, ее глаза были закрыты, засыпая. Я наблюдал за ней мгновение, прежде чем закрыл дверь. Как только я это сделал, уловил, как Поппи прошептала:

— Поцелуй четыреста тридцать четыре, с моим Руном на пляже... когда его любовь вернулась домой.

Через окно я видел, что Поппи уже уснула. Ее щеки были красными, из-за того, что она плакала, уголки ее губ были приподняты вверх, изображая подобие улыбки.

Я не был уверен, как кто-то настолько идеальный, вообще мог существовать.

Обходя капот машины, я вытащил сигареты из заднего кармана и поджег одну зажигалкой. Я сделал столь необходимую затяжку. Закрыл глаза, когда попадание никотина в легкие успокоило меня.

Я открыл глаза и уставился на рассвет. Солнце садилось за горизонт, разметая вспышки оранжевого и розового на своем пути. Пляж был почти пустой, но пожилая пара, которую я видел прежде, осталась.

Только на это раз, когда наблюдал за ними, все еще влюбленными после стольких лет, я не чувствовал горя. Когда оглянулся на спящую в машине Поппи, я чувствовал... счастье. Я чувствовал себя счастливым. Позволил себе быть счастливым, несмотря на всю боль. Потому что... вот он я... так бесповоротно влюблен в тебя...

Она любила меня.

Поппимин. Моя девочка. Она любила меня.

— Этого достаточно, — сказал я ветру. — Сейчас этого достаточно.

Бросив окурок на землю, я сел на водительское сиденье и повернул ключ. Двигатель завелся, и я отъехал от пляжа, уверенный, что мы приедем сюда снова.

И даже если нет, как сказала Поппи, у нас было это мгновение. У нас было воспоминание. У нее были поцелуи.

А у меня была ее любовь.

Когда я вырулил на подъездную дорожку, опустились сумерки, а на небе засияли звезды. Поппи проспала всю дорогу до дома, ее спокойное дыхание было комфортным звуком для меня, пока я вез нас по темной дороге к дому.

Поставив машину на режим «парковка», я вылез и обошел ее к стороне Поппи. Открыл дверь так тихо, как мог, расстегнул ремень и сгреб Поппи на руки.

Казалось, будто она ничего не весит, когда инстинктивно свернулась у меня на груди, ее теплое дыхание касалось моей кожи. Я пошел с ней к двери, и когда достиг верхней ступеньки, входная дверь открылась, мистер Личфилд стоял в коридоре.

Я продолжил двигаться вперед, и он отошел с дороги, позволяя мне нести Поппи к ее спальне. Мама и сестры Поппи сидели в гостиной перед телевизором.

Ее мама подскочила на ноги.

— Она в порядке? — прошептала она.

Я кивнул.

— Просто устала.

Миссис Личфилд наклонилась и поцеловала Поппи в лоб.

— Крепких снов, малышка, — прошептала она. Моя грудь сжалась от этой картины, затем она кивнула, чтобы я отнес Поппи к ней в комнату.

Я пронес ее по коридору и через дверь. Так осторожно как мог, положил ее на кровать, улыбнувшись, когда рука Поппи в привычном жесте искала меня на моей стороне кровати.

Когда дыхание Поппи снова выровнялось, я сел на край кровати и провел рукой по ее лицу. Наклонившись, я поцеловал ее в щеку и прошептал:

— Я люблю тебя, Поппимин. Навечно и навсегда

Поднявшись с кровати, я замер, заметив силуэт мистера Личфилда у двери, он наблюдал... прислушивался.

Я стиснул челюсти, когда он пялился на меня. Выдохнув через нос, я молча прошел мимо него дальше по коридору и в машину, чтобы забрать свой фотоаппарат.

Потом вернулся в дом оставить ключи от машины на столике в коридоре. Когда я входил, мистер Личфилд вышел из гостиной. Я остановился, неловко раскачиваясь, когда он вытянул руку за ключами.

Я передал их ему и развернулся уходить, но он спросил:

— Вы хорошо провели время?

Мои плечи напряглись. Заставив себя ответить, я встретился с его взглядом и кивнул. Помахав миссис Личфилд, Иде и Саванне, я вышел через дверь и спустился по ступенькам. Когда достиг нижней ступеньки, услышал:

— Ты знаешь, она тоже любит тебя.

Голос мистера Личфилда вынудил меня остановиться и, не оглядываясь назад, я ответил:

— Знаю.

Я пересек лужайку к своему дому, направился прямо к себе и бросил фотоаппарат на кровать. Я намеревался переждать следующие несколько часов, прежде чем отправлюсь к Поппи. Но чем больше я смотрел на чехол от фотоаппарата, тем больше хотел увидеть, какие получились фотографии.

Фотографии Поппи, танцующей в море.

Не дав себе шанса отказаться, я схватил фотоаппарат и прошмыгнул в проявочную

комнату в подвале. Когда дошел до двери и повернул ручку, включил свет. Я вздохнул, когда странное чувство накрыло меня.

Потому что Поппи была права. Папа подготовил эту комнату для меня. Мое оборудование было там, где я его оставил два года назад. Все ждало меня.

В процессе проявки фото мне казалось, будто я никогда не отказывался от этого. Я наслаждался узнаваемостью каждого шага. Ничего не было забыто, как будто я был рожден с этой способностью.

Как будто мне был дан этот дар. Поппи знала, что я нуждаюсь в этом, когда я был слишком ослеплен прошлым, чтобы понять.

Запах химических веществ ударил мне в нос. Прошел час, и я наконец-то отошел, фото висели на прищепках, секунда за секундой раскрывая мгновения, запечатленные на пленку.

Красный свет не мешал мне увидеть то, что я запечатлел. Когда я проходил мимо рядов фото, жизни во всей красе, то не мог предотвратить жжение от восторга в своей груди. Я не мог перестать улыбаться этой работе.

Затем я остановился.

Я остановился у фотографии, которая привлекла меня. Поппи держала подол своего платья, танцуя на мелководье. С беззаботной улыбкой и развеваемыми ветром волосами, Поппи смеялась от всей души. Ее глаза сияли, а кожа покраснела, когда она смотрела через плечо на меня. Солнце освещало ее лицо под таким углом, что она была такой чистой и красивой, как будто она была центром счастья, притягивая радость.

Я поднял руку, держа ее в сантиметре от фотографии, и очертил пальцем ее сияющее лицо, ее мягкие губы и покрасневшие щеки. И я почувствовал это. Почувствовал всепоглощающую страсть к этому ремеслу, которая возвращалась к жизни внутри меня. Эта фотография. Эта фотография закрепила то, что я всегда втайне знал.

Я хотел заниматься этим всю свою жизнь.

Был смысл в том, что это фото доставило сообщение домой — девушка на нем была моим домом. Раздался стук в дверь и, не отрывая взгляда от фото, я ответил:

— Да?

Дверь медленно открылась, и я понял кто это, прежде чем оглянулся. Мой папа вошел в затемненную комнату на несколько шагов. Я посмотрел на него, но отвернулся, увидев выражение его лица, когда он поглощал взором все фото, что висели на прищепках в комнате.

Я не хотел сопротивляться тому, что означало это чувство в моем животе. Больше нет.

Минуты проходили в тишине, прежде чем папа тихо сказал:

— Она невероятно прекрасна, сын.

Моя грудь сжалась, увидев, что он смотрел на фото, с которым я стоял ранее.

Я не ответил. Мой папа ловко топтался в дверном проеме, больше ничего не говоря. Наконец он двинулся уходить. Когда он закрывал дверь, я вынудил себя сказать резко:

— Спасибо... за фотоаппарат.

Боковым зрением я видел, что папа замялся. Я услышал медленный дрожащий вдох, затем он ответил:

— Тебе не за что благодарить меня, сынок. Не за что.

После этого он оставил меня в моей проявочной.

Я стоял дольше, чем намеревался, проигрывая в голове ответ папы.

Сжимая две фотографии в своих руках, я поднялся по ступенькам из подвала и направился к себе в комнату. Когда проходил мимо двери в спальню Алтона, я увидел, что он сидит на своей кровати и смотрит телевизор.

Он не видел, как я стоял в его дверном проеме, и я продолжил идти в свою комнату. Но когда услышал его смех над тем, что он смотрел, мои ноги приклеились к полу, и я развернулся.

Когда я вошел в комнату, Алтон повернулся ко мне, и что-то в моей груди треснуло, когда самая широкая улыбка растянулась на его милом личике.

— Nei (прим. перев. норв. Привет), Рун, — сказал он, сев повыше в кровати.

— Неі, — ответил я. Я подошел к его кровати и показал на телевизор. — Что смотришь?

Алтон посмотрел на телевизор, затем снова на меня.

— Swamp Monsters. — Он наклонил голову набок, и затем убрал свои длинные светлые волосы с лица. Что-то в моем животе сжалось на этот жест. — Ты хочешь недолго посмотреть со мной? — спросил Алтон нервно, затем опустил голову.

Я был уверен, он думал, что я откажу. К нашему общению удивлению, я ответил:

— Конечно.

Голубые глаза Алтона расширились до размера блюдца. Он тихо лежал на кровати, и когда я подошел, подвинулся на одну сторону узкого матраса.

Я лег на кровать рядом с ним, согнув ноги в коленях. Затем Алтон прижался к моему боку и продолжил смотреть свой мультим. Я смотрел его с ним, отведя взгляд, когда увидел, что он смотрит на меня.

Когда я встретился с его взглядом, его щеки покраснели, и он сказал:

— Мне нравится, что ты смотришь мультики со мной.

Выдыхая через незнакомое чувство, которое вызвали его слова, я потрепал его длинные волосы и ответил:

— Мне тоже, Алт. Мне тоже нравится.

Алтон свернулся у моего бока, он лежал пока не уснул, сработал таймер на телевизоре, и комната погрузилась в темноту.

Поднявшись на ноги, я прошел мимо мамы, пока она безмолвно наблюдала из коридора. Я кивнул ей головой, когда вошел в свою спальню, закрыв за собой дверь. Щелкнув замком, я положил одну фотографию на стол, вылез из окна и побежал к дому Поппи.

Когда я влез в ее комнату, Поппи все еще спала. Сняв свою футболку, я обошел ее кровать к ее стороне. Я положил фото нас целующихся на ее подушку, чтобы она увидела ее, как только проснется.

Я забрался в постель, Поппи машинально нашла меня в темноте, положив голову мне на грудь и обняв меня.

Четыре следа на песке.

11 глава

Поппи

Три месяца спустя

— Где моя девочка Поппи?

Я потеряла сонные глаза, села в кровати, радость нарастала во мне от звука любимого голоса.

— Тетя Диди? — прошептала я сама себе. Я пыталась прислушаться, чтобы убедиться, что действительно слышала ее голос. Из коридора доносились приглушенные голоса, затем внезапно дверь распахнулась. Я приподнялась на руках, которые дрожали, так как я слишком сильно перенапрягла свои слабые мышцы.

Я снова легла, когда тетя Диди появилась в дверном проеме. Ее темные волосы были собраны в пучок, на ней была надета ее форма стюардессы. Ее макияж был как всегда идеален, а ее заразительная улыбка была на месте.

Ее зеленые глаза смягчились при виде меня.

— Вот она, — произнесла она нежно, подходя к моей кровати. Она села на край матраса и наклонилась обнять меня.

— Что ты здесь делаешь, Диди?

Тетя разгладила мои волосы, которые были в беспорядке после сна, и прошептала:

— Приехала забрать тебя.

Мои брови сошлись в недоумении. Тетя Диди провела с нами Рождество и Новый год, и затем целую неделю, только две недели назад. Я знала, что у нее очень занятое расписание на ближайший месяц.

Вот почему я была так озадачена ее приездом сейчас.

— Я не понимаю, — сказала я, свесив ноги с кровати. Последние несколько дней я большей частью была прикована к кровати. После моего больничного обследования в начале недели мы обнаружили, что у меня очень низкий уровень лейкоцитов. Мне перелили кровь и прописали лекарства, чтобы помочь. Это помогло в какой-то степени, но несколько дней я была очень уставшей. Меня держали взаперти из-за страха инфекции. Мой доктор хотел, чтобы я осталась в больнице, но я отказалась. Я не пропущу и секунды своей жизни, снова находясь в том месте. Не сейчас, когда я видела, что рак все больше оказывал на меня свое влияние. Каждая секунда становилась все более и более драгоценной.

Дом был моим счастливым местом.

Рун рядом со мной, его поцелуи, были моей безопасностью.

Все, что мне было нужно.

Посмотрев на часы, я заметила, что уже почти 16:00. Рун скоро придет. Я заставила его посещать школу последние несколько дней. Он не хотел ходить без меня. Но это был его выпускной год. Ему нужен аттестат, чтобы пойти в колледж. Хоть он и протестовал, что ему все равно.

И это было нормально. Потому что мне было не все равно за нас обоих. Я не позволю ему поставить свою жизнь на паузу ради меня.

Тетя Диди подпрыгнула на ноги.

— Ладно, девочка Поппи, иди в душ. У нас есть час до отправления. — Она посмотрела на мои волосы. — Не утруждайся мытьем головы, у меня есть девушка, которая позаботится об этом, когда мы будем на месте.

Я покачала головой, собираясь задать больше вопросов, но тетя упорхнула из моей комнаты. Я встала на ноги, потянувшись. Сделав глубокий вдох, я закрыла глаза и улыбнулась. Я чувствовала себя лучше, чем за последние несколько дней. Немного сильнее.

Достаточно сильной, чтобы покинуть дом.

Схватив полотенце, я быстро приняла душ. Нанесла легкий макияж, завязала свои невымытые волосы в пучок набок и прицепила свой незаменимый белый бант. Одеюсь в темно-зеленое платье, натянув сверху белый свитер.

Я вдевала свои сережки в форме бесконечности в уши, когда дверь в мою спальню внезапно открылась. Я уловила гул возбужденных голосов, особенно голос моего папы.

Повернув голову, я улыбнулась при виде Руна, его голубые глаза сразу же встретились с моими. Осматривая, проверяя, прежде чем он облегченно выдохнул.

Рун молча пересек комнату, остановившись, только когда обнял меня за плечи и притянул к своей груди. Я обняла его руками за талию и вдохнула его свежий запах.

— Ты выглядишь лучше, — сказал Рун надо мной.

Я сжала его немного крепче.

— Я чувствую себя лучше.

Рун сделал шаг назад и заключил мое лицо в колыбель своих рук. Он нашел мои глаза, прежде чем уголки его губ приподнялись, и он прижался в самом сладком поцелуе к моему рту. Когда отстранился, вздохнул:

— Я рад. Я беспокоился, что мы не сможем поехать.

— Куда? — спросила я, мое сердце забилось в ритме пробежки.

На это раз Рун улыбнулся, и прошептал мне на ухо:

— Нас ждет еще одно приключение.

Мое сердце ускорило до галопа:

— Еще одно приключение?

Без каких-либо объяснений, Рун повел меня на выход из спальни. Его рука, которая так крепко сжимала мою, была единственным признаком, что он был чем-то озабочен последние

несколько дней.

Хотя я догадывалась. Я видела страх в его глазах каждый раз, когда я ложилась в кровать, и он спрашивал в порядке ли я. Каждый раз, когда садился со мной после школы, наблюдая, изучая меня... ожидая. Ожидая увидеть, было ли это тем самым.

Он оцепенел.

Прогрессирование моего рака не пугало меня. Боль и ближайшее будущее не внушали страх. Но я начинала бояться, когда Рун смотрел на меня так несчастно, с таким отчаянием. Я любила его очень сильно, и видела, что он любил меня безмерно. Но эта любовь, опаляющая душу связь начала становиться якорем для сердца, которое я должна была освободить.

Я никогда не боялась смерти. Моя вера была сильной, я знала, что за пределами смерти есть жизнь. Но сейчас страх начал прокрадываться в мое сознание. Страх покинуть Руна. Страх его отсутствия... страх не ощущать его руки вокруг себя и его поцелуи на своих губах.

Рун оглянулся, как будто почувствовал, что мое сердце начинает разрываться на части. Я кивнула. Не уверена, что я была убедительной, потому что все еще видела беспокойство в его взгляде.

— Она не поедет! — убедительный голос моего отца раздался по коридору. Рун притянул меня к своему боку, подняв руку, пока я не оказалась в безопасности под ней. Когда мы достигли дверного проема, мои мама, папа и тетя Диди стояли в гостиной.

Лицо папы было красным. Тетя скрестила руки на груди. Моя мама гладила спину папы, призывая его к спокойствию.

Папа поднял голову и вынужденно улыбнулся.

— Поппи, — сказал он и подошел ближе. Рун не отпустил меня. Папа заметил это и посмотрел на него свирепым взглядом, который мог бы выпотрошить его на месте.

Рун даже не дрогнул.

— Что не так? — спросила я, потянувшись к руке моего отца.

Казалось, мое прикосновение лишило его дара речи. Я посмотрела на маму.

— Мама?

Мама сделала шаг вперед.

— Это планировалось с приезда твоей тети пару недель назад. — Я посмотрела на тетю Диди, которая лукаво улыбалась.

— Рун планировал взять тебя в поездку. Он попроси твою тетю помочь, — мама вздохнула. — Мы не ожидали, что твое состояние ухудшится в ближайшее время. — Мама положила свою руку на руку папы. — Твой папа думает, что ты не должна ехать.

— Куда ехать? — спросила я.

— Это сюрприз, — провозгласил Рун рядом со мной.

Папа подошел еще ближе и встретился взглядом с моим.

— Поппи, уровень твоих лейкоцитов упал. А значит, шанс инфекции высок. Твоя иммунная система в зоне риска, я не думаю, что ты должна путешествовать на самолете...

— Самолет? — перебила я.

Я посмотрела на Руна.

— Самолет? — повторила я.

Он кратко кивнул головой, но ничего не объяснил.

Мама положила руку на мою.

— Я спрашивала твоего специалиста, и он сказал... — она прочистила горло, — он сказал, что на данном этапе твоей болезни, если ты хочешь ехать, ты должна ехать. — Я слышала скрытый подтекст в ее словах. Поезжай, пока не стало слишком поздно путешествовать.

— Я хочу поехать, — сказала я с непоколебимой уверенностью, сжав запястье Руна. Я хотела убедить его, что хотела этого. Я подняла голову, встретившись с ним взглядом. Улыбнувшись, сказала: — Я с тобой.

Рун удивил меня, но в то же самое время не удивил меня совсем, поцеловав. Поцеловав меня страстно и быстро прямо перед моей семьей. Рун разорвал поцелуй и встал перед моей

тетей. Рядом с ней стоял чемодан, без слов он понес чемодан до машины.

Мое сердце забилося в волнующем ритме стакатто.

Папа сжал мою руку, это прикосновение вернуло меня к его беспокойству и страху.

— Поппи, — сказал он строго.

Прежде чем он сказал еще что-нибудь, я наклонилась и поцеловала его в щеку, затем посмотрела в глаза:

— Папа, я осознаю риски. Я борюсь с этим уже долгое время. Понимаю твое беспокойство. И знаю, что ты не хочешь, чтобы мне было больно. Но остаться запертой в комнате, как птица в клетке, хоть на еще один день... это то, что причиняет мне боль. Я не из тех, кто сидит взаперти. Я хочу этого, папа. Мне нужно это. — Я покачала головой, чувствуя, как влага заполняет мои глаза. — Я не могу провести отведенное мне время запертой из-за страха все ухудшить. Мне нужно жить... Мне нужно это приключение.

Он сделал неровный вдох. Но в конечном итоге кивнул. Легкое головокружение накрыло меня. Я еду!

Подпрыгнув на месте, я обняла папу за шею. Он обнял меня в ответ.

Я поцеловала маму, затем посмотрела на тетю, которая протянула мне руку. Я взяла, как раз когда папа сказал:

— Я доверяю тебе присмотреть за ней, Диди.

Моя тетя вздохнула:

— Ты знаешь, что эта девочка — мое сердце, Джеймс. Думаешь, я позволю чему-либо с ней случиться?

— И они останутся в отдельных комнатах!

Я просто закатила глаза на все это.

Папа начал говорить с моей тетей. Но я не слышала этого. Не слышала ничего, когда мой взгляд прошел через открытую дверь и остановился на мальчике, одетом во все черное, который прислонился к перилам нашего крыльца. Мальчик в кожаной куртке, который мимоходом подносил сигарету к губам, все время наблюдая за мной. Его кристально-голубые глаза ни разу не отрывались от моих.

Рун выдохнул облако дыма, небрежно бросил окурок на землю, затем дернул подбородком и протянул мне свою руку.

Выпустив руку тети Диди, я закрыла глаза на краткое мгновение, фиксируя в памяти, как он выглядел именно в этот момент.

Мой норвежский плохой мальчик.

Мое сердце.

Открыв глаза, я бросилась через двери. Достигнув верхней ступеньки, я прыгнула в объятия Руна. Он крепко держал меня в своей хватке. Я хихикнула, ощущая легкий ветерок на своем лице. Держа меня крепче, подняв мои ноги с земли, Рун спросил:

— Ты готова для приключения, Поппимин?

— Да, — ответила я, затаив дыхание.

Рун прижал свой лоб к моему и закрыл глаза.

— Я люблю тебя, — прошептал он после долгой паузы.

— Я тоже люблю тебя, — сказала я также тихо.

Я была вознаграждена редкой улыбкой.

Он осторожно опустил меня на землю, взял меня за руку и спросил:

— Ты готова?

Я кивнула, затем повернулась к родителям, которые стояли на крыльце, махая на прощание.

— Пойдемте, детки, — сказала Диди. — Нам нужно успеть на наш рейс.

Рун повел меня к машине, как всегда держа за руку. Усевшись на заднее сиденье, я посмотрела в окно, когда машина начала отъезжать. Я уставилась на облако, зная, что скоро буду парить над ними.

В своем приключении.

В своем приключении с моим Руном.

— Нью-Йорк, — сказала я, затаив дыхание, читая надпись на экране у нашего выхода. Рун усмехнулся.

— Мы всегда планировали туда поехать. Просто это раньше, чем мы всегда думали.

Полностью лишившись дара речи, я обняла его руками за талию, положив голову ему на грудь. Тетя Диди вернулась, поговорив с женщиной за стойкой.

— Пойдемте, вы, двое, — сказал она, махнув рукой в сторону входа в самолет. — Пора на борт.

Мы последовали за Диди. Моя челюсть отвисла, когда она подвела нас к передним сиденьям в первом классе. Я посмотрела на нее, и она пожала плечами.

— Какой смысл быть ответственной за салон первого класса, когда я не могу использовать льготы, чтобы побаловать любимую племянницу?

Я обняла Диди. Она держала меня немного дольше, чем обычно.

— Иди, — сказала она и прогнала меня на мое место. Тетя Диди быстро исчезла за шторкой в секции для обслуживающего персонала. Я стояла, наблюдая ее уход. Рун взял меня за руку.

— Она будет в порядке, — успокоил он, затем показал на сиденье у окна и добавил: — Для тебя. — Не в состоянии остановить воодушевленное хихиканье, я села и уставилась в иллюминатор на людей, которые работали ниже.

Я пялилась на них, пока самолет не заполнился и начал катиться. Счастливо вздохнув, я повернулась к Руну, который наблюдал за мной. Переплетя свои пальцы с его, я сказала:

— Спасибо.

— Я хотел, чтобы ты увидела Нью-Йорк. — Он пожал плечами. — Я хотел увидеть его с тобой.

Рун наклонился для поцелуя, я остановила его губы своим пальцем.

— Поцелуй меня на высоте тридцать девять тысяч футов. Поцелуй меня в небе. Среди облаков.

Мягкое дыхание Руна опаляло мое лицо. Затем он молча отстранился. Я рассмеялась, когда самолет внезапно набрал скорость и взлетел в небо.

Когда самолет выровнялся, я внезапно обнаружила, что мои губы касаются губ Руна. Он обхватил мое лицо руками, когда завладел моим ртом. Нуждаясь в чем-то, что удержит меня на месте, я схватилась за его футболку. Я выдохнула в его рот, когда его язык нежно скользил у моего.

Когда он отстранился, его грудь вздымалась, а кожа была теплой, я прошептала:

— Поцелуй восемьсот восемь. На высоте тридцать девять тысяч футов. С моим Руном... и мое сердце почти взорвалось.

К концу полета у меня было множество поцелуев, чтобы заполнить мою банку.

— Это для нас? — недоверчиво спросила я. Я уставилась на пентхаус смехотворно дорого отеля на Манхэттене, в который моя тетя привезла нас.

Я посмотрела на Руна и могла с уверенностью сказать, что даже через его постоянное нейтральное выражение было видно, что он поражен.

Тетя Диди остановилась передо мной.

— Поппи, твоя мама еще не знает это. Я встречаюсь кое с кем уже какое-то время. — Нежная улыбка растянулась на ее губах. — Поэтому, скажем так, этот номер подарок для вас обоих.

Я уставилась на нее в изумлении. Но затем теплота наполнила меня. Я всегда

переживала о тете Диди. Она часто была сама по себе. И по ее лицу было видно, какой счастливой делал ее этот мужчина.

— Он заплатил за это? За нас? За меня? — спросила я.

Диди помолчала, затем объяснила:

— Технически, он даже не платил за это. Он владеет этим местом.

Моя челюсть, если это возможно, отвисла еще ниже, пока Рун игриво не закрыл ее, положив палец под мой подбородок. Я уставилась на своего парня.

— Ты знал?

Он пожал плечами.

— Она помогла мне спланировать все это.

— Так ты знал? — повторила я. Рун покачал головой, затем занес наши чемоданы в главную спальню справа. Он явно игнорировал наставление моего отца об отдельных комнатах.

Когда Рун исчез через дверной проем, моя тетя сказала:

— Этот парень будет ходить по битому стеклу ради тебя, Поппи.

Мое сердце наполнилось светом.

— Знаю, — прошептала я, но небольшой страх, который я начала чувствовать, проник в меня.

Тетя Диди обняла меня, когда я сжала ее в ответ, то сказала:

— Спасибо.

Она поцеловала меня в макушку.

— Я ничего не сделала, Попс. Это все Рун. — Она замолчала. — Не думаю, что за всю свою жизнь, видела, чтобы два ребенка любила друг друга так сильно такими молодыми, а подростками еще сильнее. — Тетя снова притянула меня к себе, встретившись с моим взглядом. — Дорожи временем с ним, Попс. Этот мальчик любит тебя. Нужно быть слепым, чтобы это не заметить.

— Я вижу, — прошептала я.

Диди направилась к двери.

— Мы здесь на две ночи. Я буду с Тристаном в его номере. Позвони мне, если что-то понадобится. Я буду в нескольких минутах ходьбы.

— Хорошо, — ответила я.

Развернувшись, я изучала великолепие комнаты. Потолок был такой высокий, что мне пришлось задрать голову, чтобы увидеть рисунок на белой штукатурке. Комната была такой большой, что могла затмить большинство домов людей. Я подошла к окну и созерцала панорамный вид всего Нью-Йорка.

И я вдохнула.

Я вдохнула, когда мой взгляд упал на знакомые достопримечательности, которые я видела на картинках или в кино: Эмпайр-Стейт-Билдинг, Центральный парк, Статуя Свободы, Флэтайрон-билдинг, Башня Свободы...

Нужно было так много всего увидеть, что мое сердце забилось быстрее в предвкушении. Вот как я собиралась прожить свою жизнь. Здесь я должна была чувствовать себя как дома. Блоссом Гроув был моими корнями, а Нью-Йорк должен был стать моими крыльями.

А Рун Кристиансен навсегда должен был быть моей любовью. Рядом со мной все это время.

Заметив дверь слева, я подошла и опустила ручку. Я ахнула, когда холодный воздух окатил меня, затем я все осмотрела.

Сад.

Открытая терраса с цветами, скамейками и, что еще лучше, с видом. Застегнув пальто, чтобы не замерзнуть, я вышла в холод. Белые снежинки застревают в моих волосах. Я запрокинула голову назад, желая ощущать их на своем лице. Холодные хлопья приземлялись на мои ресницы, щекоча глаза.

Я засмеялась, когда мое лицо стало влажным. Затем двинулась вперед, проводя руками по сверкающим вечнозеленым растениям, пока не оказалась возле стены, которая открывала панорамный вид на весь Манхэттен.

Я вдохнула, позволяя холодному воздуху заполнить мое тело. Внезапно руки обвили меня вокруг моей талии, и грудь Руна прижалась к моей спине.

— Тебе нравится, малышка? — спросил Рун нежно. Его голос был чуть громче шепота, чтобы не вторгаться в нашу маленькую гавань спокойствия.

Я покачала головой в неверии и немного повернулась, пока не оказалась лицом к нему.

— Не могу верить, что ты все это сделал, — повторила я. — Не могу верить, что подарил мне это. — Я указала на простирающийся снизу город. — Ты подарил мне Нью-Йорк.

Рун поцеловал меня в щеку.

— Уже поздно и завтра у нас много дел. Мне нужно быть уверенным, что ты отдохнешь достаточно, чтобы увидеть все, что я запланировал.

Мысль пришла мне в голову.

— Рун?

— Да?

— Могу я сводить тебя кое-куда завтра?

Морщинки испещрили его лоб.

— Конечно, — согласился он. Он искал в моих глазах ответ, что я задумала. Но не спросил меня. И я была счастлива по этому поводу. Он отказался бы, если бы знал раньше времени.

— Хорошо, — сказала я гордо и улыбнулась. Да, он подарил мне эту поездку. Да, он все спланировал. Но я хочу показать ему кое-что, напомнить о его мечтах. Мечты, которые можно осуществить, даже после моей смерти.

— Тебе нужно поспать, Поппимин, — сказал он и опустил рот, чтобы поцеловать мою шею.

Я взяла его под руку.

— С тобой в моей кровати.

Он кивнул у моей шеи, прежде чем еще раз поцеловал.

— Я набрал тебе ванну и заказал еду. Ты помоешься, мы поедем и ляжем спать.

Я полностью повернулась в его руках и встала на цыпочки, чтобы обхватить его щеки руками. Они были холодными.

— Я люблю тебя, Рун, — сказала я нежно. Я говорила это часто. И всегда чувствовала это всем своим сердцем. Я все время хотела, чтобы она знал, как я обожаю его.

Рун вздохнул и медленно поцеловал меня.

— Я тоже люблю тебя, Поппимин, — сказал он у моих губ, едва отстранившись.

Он повел меня внутрь, и я приняла ванну. И мы легли спать.

Я лежала в его объятиях по центру огромной кровати с балдахином. Его теплое дыхание опаляло мое лицо. Яркие глаза наблюдали за каждым моим движением.

Я уснула, свернувшись в его объятиях, с улыбкой на лице и в сердце.

12 глава

Поппи

Я думала, что привыкла к ощущению, когда ветер развеивает мои волосы. Но ничто не сравнится с ветром, который взбивает мои локоны на вершине Эмпайр-Стейт-Билдинг.

Я думала, что целовалась по-всякому. Но ничто не сравнится с поцелуем Руна под сказочным замком в Центральном парке. С поцелуем в короне статуи свободы. В центре Таймс-сквер, яркие огни сверкали, когда люди проносились мимо нас, будто у них не было ни секунды свободного времени в мире.

Люди всегда спешат, даже если у них много времени. И хоть у меня его было очень мало, я старалась делать все медленно. Размеренно. Тщательно. Чтобы насладиться любым новым опытом. Сделать глубокий вдох и вдохнуть каждый новый вид, запах или звук.

Просто остановиться. Вдохнуть. Принять.

Поцелуи Руна разные. Медленные и нежные, мягкие, будто перышко. Также были страстные, быстрые и упоительные. И от тех, и от тех у меня перехватывало дыхание. И те, и те попадут в банку.

Больше поцелуев оставалось на моем сердце.

После того как мы пообедали в Stardust Diner, и я решила, что это место может стать моим третьим любимым местом на планете, я вывела Руна на улицу и завела за угол.

— Теперь моя очередь? — спросила я, когда Рун взялся за мой воротник и натянул его ту же вокруг шеи. Рун проверил часы. Я смотрела на него с любопытством, задаваясь вопросом, почему он продолжал проверять время. Рун увидел, что я наблюдаю за ним с подозрением.

Обняв меня, он ответил:

— У тебя есть несколько часов, затем мы возвращаемся к моему плану.

Я поморщила нос на его требовательное отношение и игриво высунула язык. Пламя разгорелось в глаза Руна, когда я это сделала. Он двинулся вперед и прижался ртом к моим губам, его язык немедленно заскользил возле моего. Я завизжала и крепче ухватила за него, когда он наклонил меня, прежде чем разорвать поцелуй.

— Не искушай меня, — сказал он игриво. Но я все еще видела огонь в его взгляде. Мое сердце пропустило удар. С возвращения Руна в мою жизнь, мы не занимались ничем, кроме поцелуев. Целовались и разговаривали, обнимая друг друга как можно крепче. Он никогда не давил на меня, но с каждой прошедшей неделей, я все больше хотела снова отдать ему себя.

Воспоминания о нашей ночи два года назад, как катушка с фильмом появились в моей голове. Сцена была такой яркой, такой наполненной любовью, что мои легкие сжались. Потому что я все еще помнила его взгляд, когда он двигался надо мной. Все еще помнила, как его глаза смотрели на меня. То, как жар затапливал меня, когда я чувствовала его такого теплого в своих руках.

И я помнила его нежные прикосновения к моему лицу, губам и волосам. Но самое лучшее, что я помнила — это его лицо в том тусклом свечении. Несравнимое выражение обожания. Выражение, которое говорило мне, несмотря на то, что мы были молодыми, то, что мы делали, изменило нас навсегда.

Соединив нас телом, разумом и душой.

По-настоящему сделав нас бесконечностью.

Навечно и навсегда.

— Куда мы идем, Поппимин? — спросил Рун, вырывая меня из моих мыслей. Он прижал тыльные стороны ладоней к моим пылающим щекам. — Ты горячая, — сказал он с сильным акцентом, идеальный звук, проходящий через меня, как прохладный ветерок.

— Я в порядке, — сказала я скромно. Взяв его за руку, я пыталась вести его по улице. Рун потянул меня, и заставил посмотреть в его обеспокоенное лицо.

— Поппи...

— Я в порядке, — перебила я его, прижавшись губами к его для убедительности.

Раздраженно застонав, Рун закинул руку мне на плечо и повел меня вперед. Я высматривала название улиц и жилых массивов, разбираясь, куда идти отсюда.

— Ты собираешься рассказать мне, куда мы? — спросил Рун.

Уверенная, что мы идем в правильном направлении, я покачала головой. Рун запечатлел поцелуй в мой висок, когда подкурил сигарету. Когда он закурил, я воспользовалась возможностью оглядеться вокруг себя. Я полюбила Нью-Йорк. Полюбила все в нем. Эклектичных людей — художников, деловых людей и мечтателей — вплетенных в гигантскую мешанину жизни. Забитые улицы, гудки машин и крики идеального симфонического саундтрека города, который никогда не спит.

Я вдохнула свежий запах снега в холодном воздухе и придвинулась ближе к груди Руна.
— Мы сделали это, — сказала я и улыбнулась, на краткое мгновение закрыв глаза.
— Что? — спросил Рун, теперь знакомый запах его сигаретного дыма развеивался между нами.

— Это, — сказала я. — Мы... гуляем по Бродвею. Вот так мы бы гуляли по городу, направляясь встретиться с друзьями, в наши колледжи или квартиру. — Я подтолкнула его руку плечом. — Ты бы держал меня точно также, и мы бы болтали. Ты бы рассказал мне о своем дне, а я тебе о своем. — Я улыбнулась нормальности сцены. Потому что мне не нужны были широкие жесты или сказки; нормальной жизни с парнем, которого я люблю, было бы достаточно.

Даже в этот момент оно того стоило.

Рун ничего не ответил. Я уже запомнила, что когда я так откровенно говорила о вещах, которые не сбудутся, Рун выбирал ничего не отвечать. И это было нормально. Я понимала, почему он защищал свое уже разбитое сердце.

Если я могла защитить его за него, я бы сделала это, но я была тому причиной.

Я также молилась, чтобы все было хорошо, чтобы я также могла оказаться лекарством.

Увидев вывеску на старом здании, я посмотрела на Руна и сказала:

— Мы почти на месте.

Рун огляделся вокруг в недоумении, и я была рада. Я не хотела, чтобы он видел, куда мы идем. Я не хотела, чтобы он злился на жест доброты. Не хотела, чтобы ему было больно от принуждения увидеть будущее, которое может его ждать.

Я направила Руна влево в сторону здания. Рун бросил бычок на землю и взял меня за руку. Подойдя к турникету, я попросила наши билеты.

Рун оттолкнул мою руку от кошелька, когда я пыталась заплатить. Он заплатил, еще не зная, куда мы направляемся. Я потянулась и поцеловала его в щеку.

— Такой джентльмен, — подразнила я, и наблюдала, как он закатил глаза.

— Не уверен, что твой отец думает то же самое обо мне.

Я не смогла сдержать смех. Когда смех вырвался на свободу, Рун остановился и посмотрел на меня, протянув руку. Я вложила свою в его и позволила ему потянуть меня. Его рот оказался чуть выше моего уха, и он сказал:

— Почему, когда ты так смеешься, я неистово хочу сфотографировать тебя?

Я подняла голову, мой смех угас.

— Потому что ты умеешь запечатлеть все аспекты человеческого состояние: хорошие, плохие, правду. — Я пожалала плечами и добавила: — Потому что, несмотря на то, как сильно ты протестуешь и источаешь ауру тьмы, ты борешься за счастье, хочешь быть счастливым.

— Поппи. — Рун отвернул голову. Как всегда, он не хотел воспринимать правду, но она была там, заперта в его сердце. Все, что он хотел когда-либо, быть счастливым — только он и я.

Я же хотела, чтобы он научился быть счастливым сам по себе. Хотя я буду проживать рядом с ним каждый день в его сердце.

— Рун, — мягко призвала я. — Пожалуйста, пойдем со мной.

Рун уставился на мою вытянутую руку, прежде чем смягчился и переплел наши пальцы вместе. Даже тогда он пялился на наши соединенные ладони с намеком на боль в сдержанном взгляде.

Приблизив наши руки к своим губам, я поцеловала тыльную сторону его ладони и прижала их к моей щеке. Рун выдохнул через нос. Наконец он притянул меня под защиту своей руки. Обняв его за талию, я провела его через двойные двери, открывая взору происходящее за ними.

Мы были встречены огромным, открытым пространством известных фотографий, обрамленных стенами. Рун замер, и я подняла голову как раз, чтобы увидеть его удивленную, тем не менее, страстную реакцию на зрелище перед ним — его мечту перед ним. Выставка фотографий, которые сформировали наше время.

Фотографии, которые изменили мир.

Идеально запечатленные моменты времени.

Грудь Руна медленно поднялась, когда он глубоко вдохнул, затем выдохнул со сдержанным спокойствием. Он опустил взгляд на меня и приоткрыл губы. Ни звука не вышло. Ни одного слова.

Потерев его грудь своей рукой, под фотоаппаратом, который висел на его шее, я сказала:

— Я нашла эту выставку вчера вечером, и захотела, чтобы ты увидел ее. Она будет здесь целый год, но я хотела оказаться здесь с тобой, в этот момент. Я... я хотела разделить это с тобой.

Рун моргнул, его выражение лица было нейтральным. Единственной видной реакцией было то, что он стиснул челюсти. Я не была уверена, был ли это хороший знак или нет.

Перестав держать его под руку, я свободно держала его пальцы. Изучив пособие, я подвела нас к первой фотографии выставки. Я улыбнулась, увидев матроса в центре Таймс-сквер, который наклонил медсестру, чтобы поцеловать.

— Нью-Йорк. 14 августа 1945. «День Победы над Японией на Таймс-сквер», сделанная Альфредом Эйзенштадтом, — прочитала я. И ощутила легкость и волнение праздника через фото передо мной. Я чувствовала, будто нахожусь там, разделяя этот момент со всеми.

Я подняла взгляд на Руна, и заметила, что он изучает фотографию. Его выражение лица не изменилось, но я заметила, что его челюсть расслабилась, а голова была слегка наклонена.

Его пальцы дернулись в моих.

Я снова улыбнулась.

Он не остался невосприимчив. И неважно, как сильно отнекивался, он любил это. Я чувствовала это также легко, как ощущала снег на своей коже на улице. Я подвела его ко второй фотографии. Мои глаза расширились, когда я осмотрела драматичную сцену. Танки катились колонной, мужчина стоял у них на пути. Я быстро прочитала информацию, и мое сердце забилось быстрее. «Площадь Тяньаньмэнь, Китай. 5 июня, 1989. На фото запечатлено, как единственный мужчина протестует, чтобы остановить военное подавление продолжавшихся протестов против китайского правительства».

Я подошла ближе к фотографии и сглотнула.

— Грустно, — сказала я Руну, на что он кивнул.

Казалось, каждая новая фотография вызывала различные эмоции. Смотря на эти запечатленные моменты, я по-настоящему поняла, почему Рун любил фотографировать. Выставка демонстрировала, как эти запечатленные моменты воздействовали на общество. Они показывали человечность в самом лучшем и худшем свете.

Они подчеркивали жизнь во всей наготе и чистой форме.

Когда мы остановились у следующего фото, я немедленно отвела взгляд, не в силах смотреть. Стервятник терпеливо ждал, зависая над изможденным ребенком. Я мгновенно почувствовала печаль.

Я двинулась дальше, но Рун подошел ближе к фотографии. Я повернула голову, наблюдая за ним. Он изучал каждую деталь фото. Его глаза вспыхнули, а руки сжались в кулаки по бокам.

Его страсть прорвалась.

Наконец-то.

— Это фото одно из самых противоречивых из всех снятых, — проинформировал он меня тихо, все еще фокусируясь на изображении. — Фотограф освещал голод в Африке. Когда он делал это фото, то видел, как ребенок шел за помощью, а стервятник ждал, чуя смерть. — Он сделал вдох. — Это фото одним кадром показывает масштабы голода гораздо яснее, чем все предыдущие письменные отчеты, когда-либо существующие. — Рун посмотрел на меня. — Оно вынуждает людей сесть и обратить внимание. Во всей своей жестокой тяжести фото показывает, как ужасно расти в голоде. — Он снова указал на ребенка, скорчившегося на земле. — Из-за этой фотографии увеличилась помощь, СМИ стали больше освещать голодающих. — Он сделал глубокий вдох. — Это фото изменило

мир.

Не желая останавливать его импульс, мы перешли к следующему фото.

— Ты знаешь, о чем эта?

Чтобы посмотреть большинство фотографий мне приходилось бороться с самой собой, на большинстве были боль, страдания. Но фотографии испытывали определенный тип благоволения, несмотря на то, что вид был душераздирающим. Для них это были глубокие и бесконечные сообщения, запечатленные в одном кадре.

— Это были протесты — война во Вьетнаме. Буддийский монах совершил самосожжение. — Рун опустил голову и наклонил набок, изучая под разными углами. — Он даже не дрогнул. Он испытывал боль, делая этим заявление, что должен воцариться мир. Он обратил внимание на затруднительное положение и бесперспективность этой войны.

День проходил, Рун объяснил почти каждую фотографию. Когда мы достигли финального снимка — это было черно-белое фото молодой женщины. Оно было старым, казалось, ее прическа и макияж из шестидесятых. Ей было около двадцати пяти, она улыбалась на фотографии.

От этого я тоже улыбнулась.

Я посмотрела на Руна. Он пожал плечами, молча давая мне понять, что не знает ничего о фотографии. Название гласило: «Эстер». Я искала информацию в путеводителе, мои глаза сразу же наполнились слезами, прочитав описание. Когда я прочитала, почему это фото было здесь.

— Что? — спросил Рун, в его взгляде плескалось беспокойство.

— Эстер Рубинштейн. Последняя жена мецената этой выставки. — Я моргнула и наконец смогла продолжить: — Умерла в двадцать шесть, от рака. — Я сглотнула ком эмоций в горле и подошла ближе к портрету. — Размещена на этой выставке своим мужем, который больше никогда не женился. Он сделал фото и повесил на этой выставке. Написано, что хоть Эстер и не изменила мир, она изменила его.

Медленные слезы стекали по моим щекам. Чувство было красивым, а честь захватывающая.

Вытерев слезы, я снова посмотрела на Руна, который отвернулся от фотографии. Мое сердце ухнуло в желудок. Я встала перед ним, он повесил голову. Я убрала волосы с его лица, и мученическое выражение на его лице разорвало меня надвое.

— Почему ты привела меня сюда? — спросил он через ком в горле.

— Потому что это то, что ты любишь. — Я жестом показала вокруг комнаты. — Рун, это Школа искусств «Тиш» в НЙ. Где ты хотел учиться. Я хотела показать тебе, чего ты можешь достигнуть когда-нибудь. Я хотела показать, что все еще может ждать тебя в будущем.

Рун закрыл глаза, когда открыл их, то заметил мой зевок.

— Ты устала.

— Со мной все хорошо, — спорила я, желая разрешить все прямо сейчас. Но я устала. И не была уверена, что смогла бы сделать больше, не отдохнув немного.

Рун взял меня под руку и сказал:

— Пойдем отдохнем перед вечером.

— Рун, — я пыталась спорить, поговорить об этом всем подробнее, но Рун повернулся и тихо произнес: — Поппимин, пожалуйста. Больше не надо. — Я слышала напряжение в его голосе. — Нью-Йорк был нашей мечтой. Нет НЙ без тебя. Поэтому, пожалуйста... — он затаил, затем тихо прошептал: — Перестань.

Не желая видеть его таким сломленным, я кивнула. Рун поцеловал меня в лоб, поцелуй был нежным — это была благодарность.

Мы покинули выставку, и Рун поймал такси. Через пару минут мы уже вернулись в отель, и как только достигли номера, Рун лег со мной в своих объятиях.

Он не говорил, когда я засыпала. Я погружалась в сон с изображением Эстер в своей голове, задаваясь вопросом, как ее муж исцелился, после того как она вернулась домой.

Задаваясь вопросом, исцелился ли он вообще.

— Поппимин?

Нежный голос Руна будил меня. Я моргнула в темноте комнаты, ощущая только нежное поглаживание Руна по моей щеке.

— Привет, малышка, — сказал он тихо, когда я перекатилась, чтобы оказаться лицом к нему. Вытянув руку, я включила лампу. Когда зажегся свет, я сфокусировалась на Руне.

Мои губы дернулись в улыбке. Он был одет в облегающую белую футболку под коричневым блейзером. Его черные джинсы обтягивали ноги, а на ногах были знакомые замшевые ботинки. Я потянулась к лацканам его блейзера.

— Ты выглядишь таким заучкой, малыш.

Губы Руна растянулись в полуулыбке. Он наклонился вперед и захватил мой рот в нежном поцелуе. Когда отстранился, я заметила, что его волосы были свежeweымыты и расчесаны. И в отличие от обычных дней, сегодня он расчесал их, золотистые пряди ощущались шелком между моих пальцев.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил он.

Я потянула руки и ноги.

— Немного устала и все побаливает после ходьбы, но я в порядке.

Лоб Руна испещрили морщинки.

— Ты уверена? Мы не пойдем никуда сегодня, если ты не очень хорошо себя чувствуешь.

Подвинувшись вперед на подушке, я остановилась только в сантиметрах от губ Руна.

— Ничего не удержит меня от сегодняшнего вечера. — Я провела рукой по его мягкому коричневому блейзеру. — Особенно когда ты так принарядился. Я понятия не имею, что ты запланировал, но если ты снял свою кожаную куртку, должно быть, это что-то грандиозное.

— Думаю, что это так, — ответил Рун, после продолжительной паузы.

— Тогда я точно в порядке, — сказала я уверенно, позволяя Руну помочь мне присесть, когда эта простая задача стала для меня немного сложной.

Когда я присела, Рун изучил мое лицо.

— Я люблю тебя, Поппимин.

— Я тоже люблю тебя, малыш, — ответила я. Когда я встала с помощью Руна, то покраснела. Он становился все красивее с каждым днем, и выглядя таким образом, заставлял мое сердце пуститься вскачь.

— Что мне надеть? — спросила я Руна. Он повел меня в гостиную номера. В центре комнаты находилась девушка, а вокруг нее разные принадлежности для макияжа.

Изумленная я посмотрела на Руна, когда он нервно убирал волосы с лица.

— Твоя тетя организовала все это. — Он пожал плечами. — Поэтому ты будешь выглядеть идеально. Не то чтобы ты не выглядишь так обычно.

Девушка махнула рукой и хлопала по месту рядом с собой. Рун поднес мою руку к своему рту и поцеловал.

— Иди, нам нужно выходить через час.

— Что мне надеть? — спросила я, затаив дыхание.

— Мы организовали и это. — Рун повел меня к месту, и я села, на мгновение остановившись, чтобы представиться стилисту.

Рун двинулся, чтобы сесть на диван в другом конце комнаты. Я ощутила прилив счастья, когда он вытащил свой фотоаппарат из чехла. Я наблюдала, как Рун поднял его к глазам, когда Джен, стилист, начала трудиться над моими волосами. И следующие сорок минут он запечатлевал на пленку эти моменты.

Я не могла стать еще счастливее, даже если бы попыталась.

Джейн наклонилась, проверяя мое лицо, и после последнего мазка кистью по моей

щеке, отстранилась и улыбнулась.

— Вот так, девочка. Готово. — Она сделала шаг назад и начала собирать свои вещи. Когда закончила, поцеловала меня в щеку. — Хорошего вечера, леди.

— Спасибо вам, — сказала я и проводила ее до двери.

Когда я развернулась, Рун стоял передо мной. Он поднял руку к моим накрученным в локоны волосам и прохрипел:

— Поппимин, ты выглядишь невероятно.

Я наклонила голову.

— Да?

Рун поднял фотоаппарат и нажал на кнопку. Снова его опустив, он кивнул:

— Идеально.

Рун потянулся к моей руке и повел меня в спальню. На двери висело черное платье с завышенной талией. Туфли на низком каблуке стояли на плюшевом ковровом покрытии.

— Рун, — прошептала я, проводя рукой по мягкому материалу. — Оно такое красивое.

Рун снял платье и положил его на кровать.

— Одевайся, малышка, нам нужно идти.

Я кивнула, все еще находясь в оцепенении. Рун покинул комнату и закрыл дверь. Через минуту я скользнула в платье и туфли на низком каблуке. Я пошла к зеркалу в ванной и ошеломленно махнула, когда увидела девушку в отражении. Мои волосы были завиты и ни одного волоска не торчало. Мои глаза были накрашены в стиле «смоки-айс» и сережки в форме бесконечности ярко сияли.

Раздался стук в дверь спальни.

— Войдите! — закричала я. Я не могла оторвать взгляда от своего отражения.

Рун встал позади меня, мое сердце растаяло, когда я увидела его реакцию в отражении... сраженный взгляд на его красивом лице.

Он положил свои руки на мои, наклонился, когда одна его рука поднялась убрать мои волосы, чтобы поцеловать место за ухом. От его прикосновения у меня перехватило дыхание, в то время как его глаза все еще смотрели в мои в зеркале.

Мое черное платье было слегка открыто спереди, демонстрируя мою грудь и шею, а на плечах были широкие лямки. Рун покрывал поцелуями мою шею, прежде чем приподнял рукой мой подбородок, чтобы повернуть его и поцеловать меня в губы. Его теплые губы растворились на моих, и я выдохнула ощущение чистейшего счастья в его рот.

Рун вытянул руку к стойке и поднял мой белый бант, прицепив его к моим волосам. Сверкнув мне застенчивой улыбкой, он сказал:

— Теперь ты идеальная. Теперь ты моя Поппимин.

Мой желудок сжался от хрипоты в его голосе, а затем сделал сальто, когда Рун взял меня за руку и повел из комнаты. Пальто было в комнате, и как истинный джентльмен, он поднял его и накинул мне на плечи.

Когда я повернулась к нему лицом, Рун спросил:

— Готова?

Я кивнула и позволила ему отвести меня к лифту и затем на улицу. Нас ждал лимузин, хорошо одетый водитель открыл дверь для нас. Я повернулась к Руну, чтобы спросить, как он все организовал, но прежде чем я смогла, он ответил:

— Диди.

Водитель закрыл дверь. Я крепко держалась за руку Руна, когда мы проезжали по шумным улицам. Я наблюдала, как оживленные улицы Манхэттена проносились мимо нас, затем мы остановились.

Я заметила здание, еще до того, как покинула лимузин, мое сердце загудело от предвкушения. Я повернула голову к Руну, но он уже вышел из лимузина. Он появился у моей двери, открыл ее для меня и протянул мне руку.

Я ступила на улицу и подняла голову на огромное здание перед нами.

— Рун, — прошептала я. — «Карнеги-холл». — Я накрыла рот ладошкой.

Рун закрыл дверь и лимузин уехал. Он притянул меня ближе и сказал:

— Пойдем со мной.

Когда мы подошли ближе, я пыталась прочитать все вывески, указывающие на представление. Но неважно как упорно искала, не могла отыскать, кто выступает сегодня.

Рун прошел через огромные двери, и человек, встретивший нас внутри, указал куда идти. Рун повел меня вперед, когда мы прошли фойе и попали в главный зрительный зал. Если я до этого не дышала, то ничего не сравнится с тем, что я чувствовала в этот момент — я стояла в зале, который был моей мечтой с детства.

Когда осмотрела огромное впечатляющее пространство — золотые балконы, мягкие красные кресла и ковры — я нахмурилась, осознав, что мы тут одни. Не было других зрителей. Не было оркестра.

— Рун?

Рун нервно раскачивался на пятках и указал на сцену. Я проследила взглядом направление — в центре огромной сцены находился стул, сбоку была прислонена виолончель, а сверху лежал смычок.

Я пыталась понять, что видела, но не могла. Это был «Карнеги-холл». Одна из самых известных концертных площадок во всем мире.

Без слов, Рун повел меня по проходу к сцене, останавливаясь время от времени. Я повернулась к нему лицом и Рун встретился взглядом с моим:

— Поппимин, если бы все было по-другому... — У него перехватило дыхание, но он взял себя в руки, чтобы продолжить: — Если бы все сложилось по-другому, то когда-нибудь ты бы играла здесь на профессиональном уровне. Ты бы играла как часть оркестра — как ты и мечтала. — Рун сжал мою руку. — Ты бы выступила сольно, как всегда хотела на этой сцене.

Слеза скатилась из глаза Руна.

— Но так как этого не произойдет, раз жизнь такая чертовски несправедливая... я все еще хочу, чтобы ты испытала это. Знать, что твоя мечта воплотилась в жизнь. Я хочу, чтобы ты испытала свой шанс оказаться в центре внимания. Центр внимания, который, по моему мнению, ты заслужила не только потому, что ты мой самый любимый человек во всем мире, а потому что ты лучшая виолончелистка. Самый одаренный музыкант.

Осознание настигло меня. Масштабы того, что он сделал для меня, проникли в мое сознание, медленно перемещаясь, чтобы оказаться в моем сердце. Ощущая, что в моих глазах стоят слезы, я сделала шаг ближе к Руну, положив руку ему на грудь. Я пыталась сморгнуть слезы, не в состоянии сдерживать свои эмоции, я попыталась проговорить:

— Как ты... как ты... сделал это...?

Рун потащил меня вперед и вверх по лестнице, пока мы не оказались на сцене, которая была величайшим желанием всей моей жизни. Рун снова сжал мою руку вместо слов.

— Сегодня у тебя есть эта сцена, Поппимин. Мне жаль, что я буду единственным зрителем на твоём выступлении, но я просто хотел воплотить твою мечту. Я хотел, чтобы ты выступила в этом зале. Чтобы твоя музыка наполнила его. Я хотел, чтобы твое наследие отпечаталось на этих стенах.

Подойдя ближе ко мне, Рун обхватил руками мои щеки и вытер слезы подушечками больших пальцев. Прижавшись своим лбом к моему, он прошептал:

— Ты заслуживаешь этого, Поппи. У тебя должно быть больше времени, чтобы увидеть, как осуществиться эта мечта, но... но...

Я обернула руки вокруг запястий Руна, когда он пытался закончить. Я крепко зажмурила глаза, изгоняя из них оставшиеся слезы.

— Нет, — промямлила я, и подняла запястье Руна, чтобы поцеловать его кожу, под которой бился ускоренный пульс. Приложив его руку к своей груди, я добавила: — Все хорошо, малыш, — выдохнула я, и со слезами на глазах улыбка растянулась на моих губах. Запах древесины наполнил мои ноздри. Если бы я закрыла глаза достаточно плотно, я словно могла услышать эхо всех музыкантов, ступивших на эту деревянную сцену;

профессиональных музыкантов, которые украшали этот зал своей страстью и гениальностью.

— Мы сейчас здесь, — закончила я и отошла от Руна. Открыв глаза, я моргнула, чтобы с моего места было отчетливее видно зрительный зал. Я представила, что он полон людей, всех наряженных для концерта. Мужчины и женщины, которые любят чувствовать музыку своими сердцами. Я улыбнулась, так ярко увидев это в своей голове.

Когда я обернулась к мальчику, который устроил все это для меня, я потеряла дар речи. У меня не было слов, чтобы точно выразить, что же этот жест значил для моей души. Рун подарил мне этот чистый и светлый дар... воплотил мою самую большую мечту в реальность.

Поэтому я не говорила. Я не могла.

Вместо этого я выпустила его запястье и пошла к одинокому сиденью, ожидающему меня. Я провела рукой по черной коже, ощущая текстуру под пальцами. Подошла к виолончели, инструменту, который всегда был как продолжение моего тела. Инструменту, который наполнял меня радостью, которую никто не сможет объяснить, пока по-настоящему не испытает. Радостью, которая является такой всеобъемлющей и несет в себе высшую форму мира, спокойствия, безмятежности, нежной любви как ничто другое.

Расстегнув пальто, я начала спускать его по рукам, когда две такие знакомые руки взяли его, затем нежно прошлись по моей коже. Я оглянулась на Руна, который молча поцеловал мое обнаженное плечо и покинул сцену.

Я не видела, где он сел, когда ушел со сцены, прожектор над сиденьем изменился с тусклого сияния на мощный блеск. Огни здания были приглушены. Я смотрела на ярко освещенный стул с пьянящей смесью нервозности и волнения.

Одна нога шагнула вперед; каблуки на моих туфлях вызвали эхо, которое отражалось от стен. От этого звука мои внутренности тряслись, опаливая пламенем мои расслабленные мышцы, наполняя их жизнью.

Наклонившись, я подняла виолончель, ощущая гриф в своей хватке. Я взяла смычок в правую руку, тонкое дерево идеально лежало в моих пальцах.

Я опустила на стул, наклонив виолончель на идеальную для себя высоту. Поправив инструмент, самую прекрасную виолончель, которую я когда-либо видела, я закрыла глаза и подняла руки к струнам, проведя по каждой из них, чтобы проверить, что инструмент настроен.

Конечно, все было точно.

Я придвинулась на край стула, уперла ноги в деревянный пол, пока не почувствовала готовность и энергию.

Затем я позволила себе поднять голову. Я запрокинула голову к свету прожектора, как будто это было солнце. Сделав глубокий вдох, я закрыла глаза, затем соединила смычок со струной.

И я заиграла.

Первые ноты «Прелюдии» Баха лились от моего смычка к струне и в зал, распространяясь вперед, чтобы заполнить огромное пространство помещения небесными звуками. Я покачивалась, когда музыка взяла меня в свои объятия, выливаясь из меня, открывая мою душу для всех.

В моей голове зал был заполнен. Каждое место было занято, когда поклонники слушали мою игру. Слушали музыку, которая требовала быть услышанной. Мелодию, которая довела бы зрителей до слез. Излучала страсть, которая заполняла бы сердца и трогала душу.

Я улыбнулась под палящим светом, который согревал мои мышцы и уничтожал боль. Эта симфония подошла к концу. Затем я начала следующую. Я играла и играла, пока не прошло столько времени, что мои пальцы начали болеть.

Я подняла смычок, зияющая тишина окутывала зал. Одинокая слеза скатилась по щеке, когда я думала, что сыграть следующим. Что я должна сыграть дальше.

Музыкальная симфония, которую я мечтала сыграть на этой сцене. Симфония, которая говорила с моей душой, как никакая другая. Симфония, которая будет присутствовать здесь, когда меня уже не будет. Та, которую я сыграю в знак прощания с моей страстью. После того

как услышу ее идеальное эхо в этом великолепном зале, я больше не буду, больше не смогу сыграть ее снова. Для меня больше не будет виолончели.

Вот где я оставляю часть своего сердца. Вот где я попрощаюсь со страстью, которая помогала мне быть сильной, которая была моим спасением, пока я была потерянной и одинокой.

Это будут ноты, которые будут танцевать в воздухе вечно.

Я ощутила, что мои руки дрожат, когда я взяла паузу, прежде чем начать. Слезы лились быстрее и сильнее, но они не были грустными. Они проливались ради двух близких друзей — музыки и жизни, что ее создавала — рассказывая друг другу, что они должны расстаться, но в один прекрасный день, когда-нибудь, они снова будут вместе.

Собравшись с силами, я приставила смычок к струнам и начала «Лебедь» из «Карнавала Животных». Когда мои уже не дрожащие руки начали создавать музыку, которую я так обожала, в моем горле сформировался комок. Каждая нота была прошепченной молитвой, а каждое крещендо было громко спетым гимном Богу, который дал мне этот дар. Подарил мне дар играть музыку, чувствуя ее в своей душе.

И эти ноты были моей благодарностью инструменту за то, что дал мне возможность сыграть свой триумф с такой милостью.

Позволив мне полюбить это так сильно, что музыка стала частью меня — основой моего существования.

И наконец, когда нежная мелодия так мягко растеклась по помещению, она сигнализировала мою вечную благодарность мальчику, который сидел один в темноте. Мальчику, который обладал даром фотографирования, как я даром музыки. Он был моим сердцем. Сердцем, которое он охотно отдал мне еще ребёнком. Сердцем, которое стало половинкой моего собственного. Мальчик, хоть и разрушенный внутри, любил меня так сильно, что подарил это прощание. Подарил мне в настоящем мечту, которая никогда не осуществилась бы в будущем.

Моя родственная душа, который запечатлевал моменты.

Моя рука дрожала, когда прозвучала финальная нота, слезы забрызгали дерево. Я держала руку в воздухе, конец симфонии повис, пока финальное эхо верхней ноты возносилось к небесам, чтобы занять свое место среди звезд.

Я сделала паузу, позволив прощанию поглотить меня.

Затем, так тихо, как это возможно, я встала. И, улыбнувшись, представила, как зал рукоплещет. Я опустила голову и опустила виолончель на пол сцены, положив смычок на вершину, где он и лежал.

Я запрокинула голову в туннель света в последний раз, затем шагнула в тень. Звук моих каблучков был похож на глухой звук барабана, пока я шла по сцене. Когда достигла нижней ступеньки, зажглись огни здания, смывая остатки мечты.

Я сделала глубокий вдох, когда порхала взглядом над пустующими красными креслами, затем бросила взгляд на виолончель, которая стояла на том же месте на сцене, терпеливо ожидая следующего молодого музыканта, который будет благословлен ее благодатью.

Все было кончено.

Рун медленно поднялся на ноги. Мой желудок скрутило, когда я увидела, как его щеки покраснели от эмоций. А мое сердце пропустило столь необходимый удар, когда я увидела выражение на его красивом лице.

Он понимал меня. Понимал мою правду.

Он понимал, что это был последний раз, когда я играла. И с очевидной ясностью я могла видеть смесь печали и гордости в его взгляде.

Когда он потянулся ко мне, Рун не прикасался к слезам, стекающим по моему лицу, как и я к его. Закрыв глаза, он захватил мой рот в поцелуе. И в этом поцелуе я чувствовала излияние его любви. Я чувствовала любовь, которую была благословлена получить в семнадцать лет.

Любовь, которая не знала границ.

Тип любви, вдохновляющий писать музыку, которая живет потом на протяжении веков. Любовь, которую нужно ощущать, понимать и дорожить ею.

Когда Рун отстранился и посмотрел мне в глаза, я знала, что этот поцелуй будет написан на розовом бумажном сердце с большим благоговением, чем прежние.

Восемьсот девяностый поцелуй, который изменил все. Поцелуй, который доказал, что широкоплечий, длинноволосый мальчик из Норвегии и немного странная девчушка из южного штата смогли найти любовь, которая может конкурировать с великими.

Это показывало, что любовь была настолько живучей, чтобы позволить половинке твоего сердца познать, что он или она был обожаем. Каждую минуту каждого дня. Эта любовь была нежностью в самой чистой форме.

Рун глубоко вдохнул, затем прошептал:

— Прямо сейчас у меня нет слов... ни на одном из языков.

Я слабо улыбнулась в ответ. Потому что у меня тоже их не было.

Тишина была идеальной — лучше, чем слова.

Взяв Руна за руку, я повела его по проходу и затем в фойе. Холодный порыв февральского нью-йоркского ветра был долгожданным облегчением от жары здания. Наш лимузин ждал у обочины, должно быть, Рун позвонил водителю.

Мы скользнули на заднее сиденье. Водитель втянулся в движение и Рун притянул меня к своему боку. Я охотно прижалась, вдыхая свежий запах от его блейзера. С каждым поворотом лимузина мое сердце ускоряло бег. Когда мы прибыли к отелю, я взяла Руна за руку и повела внутрь.

По дороге сюда не было произнесено ни одного слова, ни одного звука не было издано, когда лифт достиг верха. Звук открытия электронного замка ключ-картой прозвучал как гром в тихом коридоре. Я открыла дверь, мои каблуки цокали по деревянном полу, и прошла через гостиную.

Без слов, я вошла в спальню, только оглянувшись убедиться, что Рун следует за мной. Он стоял в дверном проеме, наблюдая мой уход.

Мы не смотрели друг на друга, и, нуждаясь в нем больше чем в воздухе, я медленно подняла голову. Я хотела его. Нуждалась в нем.

Я любила его.

Я наблюдала, как Рун глубоко вдохнул, затем сделал шаг ко мне. Он осторожно шел туда, где я ждала. Взяв меня за руку, его прикосновение послало вспышки света и любви через мое тело.

Глаза Руна были темными, почти черными, его расширенные зрачки заслонил синий. Его потребность была такой же сильной, как и моя, его любовь была доказана, как и полное доверие.

Спокойствие затопило меня через край, как реку. Я впустила его и повела Руна в спальню, закрыв за нами дверь. Атмосфера сгущалась между нами. Напряженный, оценивающий взгляд Руна следил за каждым моим движением.

Зная, что полностью завладела его вниманием, я выпустила его руку и сделала шаг назад. Подняв свои дрожащие пальцы, я начала расстегивать огромные пуговицы на пальто, наши с Руном взгляды не отрывались друг от друга, когда я распахнула пальто и медленно сбросила его на пол.

Взгляд Руна становился все интенсивнее, пока он наблюдал, его пальцы сжимались и разжимались по бокам.

Я сняла обувь, мои голые ступни погрузились в мягкий ворс ковра. Сделав успокаивающий вдох, я ступила по ковру туда, где Рун ждал меня. Когда я остановилась перед ним, то подняла тяжелые веки, когда чувства усилили натиск на меня.

Широкая грудь Руна поднималась и опадала, облегающая белая футболка под его блейзером демонстрировала накачанную грудь. Тепло прилило к моим щекам, и я положила ладони на его грудь. Рун стоял неподвижно, пока мои теплые руки касались его. Затем, не отрывая от него взгляда, я подняла руки к его плечам, освобождая его от блейзера. Он упал на

пол к его ногам.

Я три раза вдохнула, пытаясь контролировать нервозность, которая прошла через меня. Рун оставался полностью неподвижным, позволяя мне продолжать исследование; я провела руками по его животу, вверх к его рукам и взяла его руку в свою. Подняв наши соединенные руки к своему рту в движении таком знакомом для нас обоих, я поцеловала наши переплетенные пальцы.

— Вот как должно было быть всегда, — сказала я, глядя на наши руки.

Рун сглотнул и кивнул головой в безмолвном согласии.

Я отступила и повела нас дальше к кровати. Покрывало было отброшено назад, очевидно, не заправлено горничными. И чем ближе я была к кровати, тем больше нервозность оседала, и покой накрывал меня. Потому что вот как должно быть. Ничто, никто не сказал бы, что это неправильно.

Остановившись у края кровати, я освободила наши ладони. Одержимая желанием я взялась за край футболки Руна и медленно стянула ее у него над головой. Помогая мне, Рун бросил футболку на пол, оставшись стоять с голым торсом.

Рун спал так каждую ночь, но воздух между нами был электрически заряжен, и из-за того, как он сегодня заставил меня чувствовать себя благодаря сюрпризу, это казалось по-другому.

Все было по-другому.

Пронзительно.

Но это были мы.

Подняв руки, я прижала ладони к его коже и провела пальцами по пикам и долинам его пресса. Кожа Руна была теплой под моим прикосновением, его учащенное дыхание с шипением выходило через слегка приоткрытые губы.

Когда мои пальцы исследовали его широкую грудь, я наклонилась вперед и прижалась в поцелуе над его сердцем. Оно билось как крылья колибри.

— Ты идеальный, Рун Кристиансен, — прошептала я.

Рун поднял ладонь, запустив пальцы мне в волосы. Он наклонил мою голову, я держала взгляд опущенным до последней секунды, когда наконец подняла глаза и встретила с его кристально-голубым взглядом. Его глаза сверкали от слез.

Полные губы Руна приоткрылись, и он прошептал:

— Jeg elsker deg (прим. перев. норв. Я люблю тебя)

Он любил меня.

Я кивнула, давая знак, что услышала его. Но мой голос был украден, происходящим моментом. Драгоценностью его прикосновений. Я сделала шаг назад, Рун следил за каждым моим движением.

Я так и хотела.

Подняв руку к плечу, я справилась с нервозностью и опустила лямку по руке. Дыхание Руна стало поверхностным, когда я опустила другую лямку, шелк платья лужицей растекся у моих ног. Я заставила руки остаться по бокам, большая часть моего тела была открыта мальчику, которого я любила сильнее всего в этом мире.

Я была обнаженной, демонстрируя шрамы, которые получила в течение двух лет. Показывая себя — девочку, которую он всегда знал и боевые шрамы из решительного боя.

Рун осмотрел меня взглядом сверху донизу. Но в его глазах не было отвращения, в нем я видела только чистейшее сияние любви. Я видела только желание и нужду, и прежде всего... его сердце было открыто.

Только для моего взора.

Как всегда.

Рун подходил ближе и ближе, пока его теплая грудь не прижалась к моей. Прикосновением, будто перышком, он заправил мои волосы за ухо и затем провел пальцем по моей голой груди и к боку.

Мои ресницы затрепетали от этого прикосновения. По коже поползли мурашки. Запах

мятного дыхания Руна заполнил мои ноздри, когда он наклонился и провел мягкими губами по моей шее, оставляя нежные поцелуи на открытых участках кожи.

Я держалась за его сильные плечи, удерживая себя на полу.

— Поппимин, — прошептал хрипло Рун, когда его рот коснулся моего уха.

Глубоко вдохнув, я прошептала:

— Займись со мной любовью, Рун.

Рун замер на мгновение, затем, сдвинувшись, пока его лицо не парило над моим, он кратко посмотрел мне в глаза, прежде чем его губы коснулись моих. Этот поцелуй был приятным, как этот вечер, нежным, как его прикосновение. Поцелуй был другим — это было обещание, клятва Руна быть нежным... его клятва любить меня так, как я любила его.

Сильные руки Руна лежали на основании моей шеи, пока его рот порхал над моим. Затем, когда у меня перехватило дыхание, он переместил руки мне на талию и осторожно поднял меня на кровать.

Моя спина коснулась мягкого матраса, и я наблюдала с центра кровати, как Рун избавился от остатков одежды, не отрывая взгляда от меня, и залез на кровать рядом со мной.

От пронизательного выражения на красивом лице Руна я растаяла, мое сердце выстукивало в ритме стаккато. Перекатившись на бок, лицом к нему, я провела рукой по его щеке и прошептала:

— Я тоже люблю тебя.

Рун закрыл глаза, как будто ему было необходимо услышать эти слова больше, чем сделать следующий вдох. Он навис надо мной, его рот захватил мой. Я водила руками по его сильной спине и сквозь его длинные волосы. Руки Руна переместились на мои бока, затем освободили меня от остатков одежды и сбросили ее на пол к остальной.

Я задержала дыхание, когда Рун возвышался надо мной. Задержала дыхание, когда он встретился с моим взглядом и спросил:

— Ты уверена, Поппимин?

Не в состоянии сдержать улыбку я ответила:

— Больше чем в чем-либо в своей жизни.

Я закрыла глаза, когда Рун снова поцеловал меня, его руки исследовали мое тело — все когда-то знакомые части. И я делала то же самое. С каждым прикосновением и поцелуем моя нервозность исчезала, пока не остались только Поппи и Рун — не было начало нас и конца.

Воздух вокруг нас стал сгущаться и теплеть, чем больше мы целовались, пока, наконец, Рун не завис надо мной. Не разрывая зрительного контакта, он снова сделал меня своей.

Мое тело наполнилось жизнью и светом, когда мы стали одним целым. Мое сердце было настолько переполнено любовью, что я боялась, что в нем не хватит места для всего счастья.

Я обнимала его, когда мы вернулись на Землю, крепко держа его в своих объятиях. Рун уткнулся головой в изгиб моей шеи, его кожа была теплой и сверкала от пота.

Я держала глаза закрытыми, не желая разрушать этот момент. Идеальный момент. В конце концов, Рун поднял голову. Видя уязвимость в выражении его лица, я нежно его поцеловала. Так же нежно, как он делал меня своей. Так же нежно, как он обращался с моим хрупким сердцем.

Его руки заключили мою голову в колыбель, держа меня в безопасности. Когда я разорвала свой поцелуй, то встретилась с его влюбленным взглядом и прошептала:

— Поцелуй номер восемьсот двадцать. С моим руном в самый изумительный день в моей жизни. После того как мы занялись любовью... мое сердце почти взорвалось.

Дыхание Руна застряло в горле. После финального короткого поцелуя, он перекатился, оказавшись рядом со мной, и обнял меня.

Я закрыла глаза и задремала. Но я ощутила, как Рун поцеловал меня в макушку и встал с кровати. Когда дверь за ним закрылась, я проморгалась в темной комнате, уловив звук, как открылась дверь на террасу.

Убрав одеяло в сторону, я надела халат, который висел на спинке двери и тапочки,

которые аккуратно стояли на полу. Когда прошла через комнату, я улыбалась, все еще ощущая его запах на своей коже.

Оказавшись в гостиной, я направилась к двери наружу, но резко остановилась на полпути. Потому что через широкое окно я могла видеть Руна на полу, как он сидит на коленях. Разваливаясь на части.

Казалось, будто мое сердце физически разрывалось надвое, когда я наблюдала за ним, сидящим на этом холодном воздухе, одетом в одни джинсы. Слезы текли из его глаз, пока его спина дрожала от боли, сотрясающей тело.

Слезы заволокли мое видение, когда я уставилась на него. Моего Руна. Такого сломленного и одинокого, когда он сидел в слегка падающем снеге.

— Рун, малыш, — прошептала я сама себе, когда заставила ноги двигаться к двери, заставила руки повернуть дверную ручку и приказала сердцу быть сильным, несмотря на горе, вызванное этой сценой.

Под моими ногами хрустел тонкий слой снега. Казалось, Рун не слышал. Но я слышала его. Слышала его рваное дыхание. Но что еще хуже, я слышала его мучительные рыдания. Я слышала боль, которая накрыла его. Видела это в том, как он склонился вперед, ладони были прижаты к полу под ним.

Будучи не в состоянии сдержать свои рыдания, я бросилась вперед и обняла его. Его голая кожа была холодной. Казалось, не замечая холода, Рун рухнул на мои колени; его длинное широкое туловище нашло комфорт в моих объятиях.

И он сломался. Рун полностью развалился на части: поток слез катился по его щеке, хриплое дыхание вырывалось клубами пара, попадая в холодный воздух.

Я раскачивалась вперед-назад, прижимая его ближе.

— Ш-ш-ш, — успокаивала я, пытаюсь дышать сквозь собственную боль. Мне было больно, потому что я видела своего любимого мальчика в таком состоянии. Больно от осознания, что меня скоро не станет, тем не менее, желая отказаться от возвращения домой всем сердцем.

Я должна прийти к соглашению с моей угасающей жизнью. Сейчас я хотела бороться, чтобы остаться с Руном, за Руна, даже понимая, что это было бесполезно.

Я не контролировала свою судьбу.

— Рун, — прошептала я, мои слезы терялись в длинных прядях его волос у меня на коленях.

Рун поднял голову, его выражение было опустошенным, и он хрипло спросил:

— Почему? Почему я должен потерять тебя? — Он покачал головой, и его лицо исказилось от боли. — Потому что я не могу, Поппимин. Я не могу наблюдать, как ты угасаешь. Я не могу вынести мысль, что тебя не будет со мной остаток наших жизней. — Он задыхался рыданием, но смог проговорить: — Как можно разрушить такую любовь, как у нас? Как тебя могут забрать так рано?

— Я не знаю, малыш, — прошептала я, отведя взгляд в сторону в попытке сдерживаться. Огни Нью-Йорка сверкали перед моими глазами. Я прогоняла горе, которое приносили эти вопросы.

— Просто так вышло, Рун, — сказала я печально. — Нет определенной причины, почему я. Почему не я? Никто не заслуживает этого, тем не менее я... — я остановилась, но смогла добавить: — я обязана верить, что на это есть важная причина, иначе на меня обрушится боль, оставив все, что я люблю, позади. — Я втянула глоток воздуха и сказала: — Оставить тебя, особенно после сегодня. Особенно после того, как мы занимались любовью.

Рун уставился в мои глаза полные слез. Немного вернув самообладание, он встал на ноги и поднял меня в свои руки. Я была рада, потому что была слишком слаба двигаться, и не была уверена, смогу ли стоять на холодном влажном полу, если попытаюсь.

Обняв Руна за шею, я положила голову ему на грудь и закрыла глаза, когда он внес меня внутрь и назад к кровати. Убрав одеяло, он положил меня под него, улегся возле меня и обнял меня за талию. Мы были повернуты лицом к лицу.

Глаза Руна были красными, волосы влажными от снега, а кожа покрыта пятнышками от глубокой печали. Подняв руку, я провела ею по его лицу. Его кожа была холодной.

Рун повернул лицо к моей ладони.

— Когда ты стояла на сцене сегодня, я понимал, что ты прощаешься. И я... — его голос затих, но он откашлялся и продолжил. — Все это стало реальным, — его глаза остекленели от новых слез. — Я осознал, что это, правда, произойдет. — Рун взял мою руку и прижал к своей груди, крепко сжав ее. — И я не мог дышать. Я не мог дышать, пытаюсь представить жизнь без тебя. Я уже раз пытался, но вышло не очень хорошо. Но... но, по крайней мере, ты была жива там, где-то вдалеке. Скоро... скоро... — он прервался, когда слезы полились из глаз. Рун отвернул голову от моего взгляда.

Я положила ладонь на его щеку, он моргнул.

— Тебе страшно, Поппимин? Потому что я в ужасе. Я в ужасе от того, как, черт побери, жизнь будет выглядеть без тебя.

Я сделала паузу. Я по-настоящему задумалась над его вопросом. И позволила себе почувствовать правду. Позволила себе быть честной.

— Рун, я не боюсь умирать, — я наклонила голову, и боль, которая не беспокоила меня прежде, внезапно заполнила все мое существо. Я позволила своей голове упасть к его и прошептала: — Но с момента, как я вернула тебя, с момента, как мое сердце восстановило свой ритм — в унисон с твоим — я начала чувствовать то, чего не было прежде. Я молюсь о большем количестве времени, чтобы я смогла прожить еще больше дней в твоих объятиях. Я молюсь о большем количестве минут, чтобы ты мог подарить мне больше поцелуев. — Сделав такой нужный и долгий вдох, я добавила: — Но хуже всего, я начала чувствовать страх.

Рун придвинулся ближе, его руки усилили хватку на моей талии. Я подняла дрожащую руку к его лицу.

— Я чувствую страх покидать тебя. Я не боюсь умирать, Рун. Но боюсь уходить во что-то новое без тебя. — Рун закрыл глаза и зашипел от боли.

— Я не знаю себя без тебя, — сказала я тихо. — Даже когда ты был в Осло, я представляла твое лицо, вспоминала, как твоя рука ощущалась в моей. Я играла твои любимые мелодии и читала поцелуи из банки. Так, как моя бабушка говорила мне. И когда закрывала глаза, я ощущала твои губы на моих. — Я позволила себе улыбнуться. — Я помнила ночь, когда мы впервые занялись любовью, и чувствовала, что мое сердце в этот момент было заполнено... покоем.

Я шмыгнула носом и быстро вытерла мокрую щеку.

— Хоть ты и не был со мной, ты был в моем сердце. И этого было достаточно поддерживать меня, хотя я и не была счастлива. — Я поцеловала Руна в губы, чтобы сохранить его вкус. — Но сейчас, после времени, проведенного вместе, мне становится страшно. Кто мы друг без друга?

— Поппи, — прохрипел Рун.

Мои слезы текли безостановочно и, всхлипывая, я произнесла:

— Мне больно оттого, что я люблю тебя так сильно. И сейчас я должна буду уйти и отправиться в приключение без тебя. И это причиняет невыносимую боль. Я не могу оставить тебя такого одинокого и страдающего.

Рун притянул меня к груди. Я плакала, он плакал. Мы делили наши слезы потери и любви. Мои пальцы лежали на его спине, и я утешалась его теплом.

Когда наши слезы стихли, Рун нежно переложил меня на спину и взглянул в мое лицо.

— Поппи, — сказал он хрипло, — как небеса выглядят для тебя?

По его лицу я видела, как он отчаянно хотел узнать. Собрав все свое самообладание, я ответила:

— Как сон.

— Сон, — повторил Рун, и я видела, как приподнялся уголок его губ.

— Я читала однажды, что когда тебя снятся сны ночью, — на самом деле это

путешествие домой. Домой, Рун. На небеса. — Тепло от этого видения начало распространяться от моих пальцев ног и по всему телу. — Мои небеса — это я и ты в вишневой роще. Как и всегда. Навечно семнадцать.

Я зажала прядь волос Руна между пальцами, изучая золотистый цвет.

— Тебе когда-нибудь снилось что-то настолько живо, что, просыпаясь, ты думал это все по-настоящему? Ощущение реальности?

— Да, — сказал Рун тихо.

— Потому что в какой-то степени так и есть, Рун. Поэтому ночью, когда ты закроешь глаза, я буду там. Я встречу тебя в вишневой роще.

Пододвинувшись ближе, я добавила:

— И когда настанет твой черед вернуться домой, я буду той, кто поприветствует тебя. И не будет беспокойства или страха, или боли. — Я счастливо вздохнула. — Представь это, Рун. Место без боли и страданий. — Я закрыла глаза и улыбнулась. — Когда я думаю об этом в таком ключе, мне больше не страшно.

Губы Руна коснулись моих.

— Звучит идеально, — сказал он с сильным акцентом, его голос был хриплым. — Я хочу для тебя этого, Поппимин.

Я открыла глаза и увидела правду и принятие на красивом лице Руна

— Так и будет, Рун, — сказала я с непоколебимой уверенностью. — Мы не закончимся. Никогда.

Рун перекатил меня, пока я не оказалась на его груди. Я закрыла глаза, убаюканная гипнотическим ритмом глубокого дыхания Руна. Как только я начала погружаться в сон, Рун спросил:

— Поппимин?

— Да?

— Что ты хочешь сделать в оставшееся время?

Я подумала над его вопросом, но только пару вещей всплыли в моей голове.

— Я хочу увидеть цветение вишневой рощи в последний раз. — Я улыбнулась в грудь Руна. — Хочу потанцевать на выпускном с тобой... — я наклонила голову, заметив, что он улыбается, глядя на меня. — Когда ты будешь в смокинге, а волосы будут зачесаны назад. — Рун покачал головой в изумлении.

Вдохнув умиротворяющее счастье, которое мы обнаружили, я сказала:

— Я хочу увидеть финальный идеальный рассвет. — Присев, я встретилась взглядами с Руном и закончила: — Но больше всего, я хочу вернуться домой с твоим поцелуем на своих губах. Я хочу перейти в следующую жизнь, все еще ощущая твои губы на моих.

Снова устроившись на груди Руна, я закрыла глаза и прошептала:

— Вот о чем я молюсь больше всего. Продержаться достаточно, чтобы осуществить это.

— Идеально, малышка, — прошептал Рун, поглаживая мои волосы.

И вот как я уснула, под защитой Руна.

Мне снилось, что все мои желания исполнились.

Счастье.

13 глава

Рун

Я вырисовывал ленивые круги на листе, пока учитель бубнил о химических соединениях. Мой разум был поглощен Поппи. Как и всегда, но сегодня это было по-другому. Мы вернулись из Нью-Йорка четыре дня назад, и с каждым проходящим днем она становилась спокойнее.

Я постоянно спрашивал, что не так. Она всегда отвечала, что все в порядке. Но я знал,

что-то не так. Этим утром стало хуже.

Ее рука была слабой в моей, когда мы вошли в школу. Ее кожа была слишком горячей для прикосновений. Я спрашивал, чувствует ли она себя плохо, но она просто качала головой и улыбалась.

Она думала, что эта улыбка может остановить меня.

Обычно могла, но не сегодня.

Что-то было не так. Мое сердце опускалось каждый раз, когда мои мысли возвращались к обеду, когда мы ели вместе с нашими друзьями, и она лежала в моих руках. Она не разговаривала, вместо этого просто водила пальцем по моей руке.

Вторая половина дня тянулась долго, и каждая минута была наполнена беспокойством, что она не в порядке. Что время, когда ей придется уходить, приближается. Сев прямее, я пытался подавить панику, вызванную этой мыслью. Но все было бесполезно.

Когда прозвучал последний звонок, сигнализирующий окончание школьного дня, я подпрыгнул со своего места и бросился в коридор к шкафчику Поппи. Когда я подошел, там стояла Джори.

— Где она? — спросил я отрывисто.

Джори удивленно сделала шаг назад и указала на заднюю дверь. Когда я быстро направлялся к выходу, Джори крикнула:

— Она не очень хорошо выглядела на уроке, Рун. Я правда переживаю.

Мой позвоночник покрылся мурашками, когда я выбежал в теплый воздух. Взглядом я окинул двор, пока не нашел Поппи, которая стояла у дерева в парке напротив. Я протолкнулся мимо учеников и рванул к ней.

Она не заметила меня, когда пялилась вперед, как будто находясь в трансе. Легкий блеск пота покрывал ее лицо, а кожа на ногах и руках казалась бледной.

Я уставился прямо в ее направлении. Потускневший взгляд Поппи был вялым, когда она моргнула и медленно сфокусировалась на мне. Она вымучила улыбку и прошептала слабо:

— Рун.

Я прижал руку к ее лбу, мои брови сошлись вместе от беспокойства.

— Поппи? Что не так?

— Ничего, — сказала она неубедительно. — Я просто устала.

Мое сердце ударилось о ребра, когда я пойма ее на лжи. Зная, что должен отвести ее к родителям, я взял ее под руки. Когда задняя часть ее шеи ошпарила мою руку, я подавил проклятие.

— Пойдем домой, малышка, — сказал я нежно. Поппи обняла меня за талию. Ее хатка была слабой, но я был уверен, что она использовала мое тело, чтобы держаться прямо. Я знал, что она запротестует, если попытаюсь понести ее.

Я закрыл глаза на секунду, когда мы встали на тропинку, ведущую в парк. Я пытался подавить страх, снедающий меня изнутри. Страх ее болезни. Что если...

Поппи была молчаливая, но ее дыхание, чем дальше мы шли, становилось глубже и более хриплым. Когда мы вошли в вишневую рощу, Поппи запнулась. Я опустил взгляд и ощутил, что ее тело потеряло всю силу.

— Поппи! — крикнул я и поймал ее, перед тем, как она шлепнулась на землю. Посмотрев на нее в своих руках, я убрал мокрые волосы с ее лица. — Поппи? Поппи, малышка, что не так?

Глаза Поппи начали закатываться, но ее рука продолжала держать мою, так сильно, как могла. Это было едва заметное сжатие.

— Рун, — попыталась сказать она, но ее дыхание стало слишком быстрым, она изо всех сил пыталась сохранить достаточно воздуха, чтобы хоть что-то произнести.

Засунув руку в карман, я вытащил свой телефон и набрал 911. Как только ответил оператор, я продиктовал адрес Поппи и проинформировал о ее болезни.

Подхватив Поппи на руки, я собрался бежать, когда слабая ладонь Поппи оказалась на

моем лице. Я опустил голову, увидев, как слеза течет по ее щеке.

— Я... Я... не готова... — смогла сказать она, прежде чем ее голова откинулась назад и она потеряла сознание.

Несмотря на то, что мое сердце разрывалось из-за сломленного духа Поппи и ее ослабшего тела, я ускорился. Побежал быстрее, чем когда-либо.

Когда пробежал мимо своего дома, увидел маму и Алтона на подъездной дорожке.

— Рун? — крикнула мама, затем прошептала: — Нет! — когда увидела Поппи, безвольно повисшую в моих руках.

Звук сирен скорой помощи гремел на расстоянии. Не желая тратить времени, я бросился через переднюю дверь дома Поппи.

Я забежал в гостиную, где никого не было.

— На помощь! — закричал я как можно громче. Внезапно я услышал шаги, раздающиеся в нашем направлении.

— Поппи! — Мама Поппи выбежала из-за угла, когда я опустил ее на диван. — О боже мой! Поппи! — Миссис Личфилд присела рядом со мной, положив руку Поппи на лоб.

— Что случилось? Что не так? — спросила она.

Я покачал головой.

— Не знаю. Она просто потеряла сознание в моих руках. Я позвонил в скорую.

Как только эти слова слетели с моих губ, звук сирен раздался на нашей улице. Мама Поппи выбежала из дома. Я наблюдал за ее уходом; лед заменял кровь в моих венах. Я провел руками по волосам, не зная, что делать. Холодная ладонь опустилась на мое запястье.

Я перевел взгляд обратно на Поппи и увидел, что она борется за свое дыхание. Мое лицо поникло от этого зрелища. Наклонившись ближе, я поцеловал ее руку и прошептал:

— Все будет в порядке, Поппи. Я обещаю.

Поппи попыталась сделать вдох, но сумела обхватить ладонью мое лицо и сказала почти неслышно:

— Не... уйду домой... еще...

Я кивнул и поцеловал ее руку, крепко сжимая своей.

Внезапно за моей спиной раздался звук шагов, и я отодвинулся, давая врачам пройти. Но Поппи сразу же сжала мою руку. Слезы заполнили ее глаза.

— Я здесь, малышка, — прошептал я. — Я не уйду.

В глазах Поппи была написана благодарность. Сзади меня раздался звук плача. Когда повернулся, я заметил, что Ида и Саванна стоят в стороне, плача в объятиях друг друга. Миссис Личфилд подошла к другой стороне дивана и поцеловала Поппи в макушку.

— Все будет хорошо, малышка, — прошептала она, но посмотрела на меня, и я видел, что она не верила своим словам.

Она тоже думала, что пришло время.

Врач надел кислородную маску на лицо Поппи и ее подняли на носилки. Рука Поппи все еще держала мою, она отказывалась ее отпускать. Когда медперсонал вынес ее из дома, она не отпустила руку, и ее глаза не покидали меня, когда она изо всех сил пыталась держать их открытыми.

Миссис Личфилд бежала сзади, но когда увидела, что рука Поппи так крепко сжимает мою, она сказала:

— Поезжай с Поппи. Я поеду сзади с девочками.

Я видел противоречие в ее выражении. Она хотела быть с дочерью.

— Я привезу их, Айви, поезжай с Поппи и Руном, — сказала позади меня моя мама. Я залез в заднюю часть машины скорой помощи, миссис Личфилд присоединилась ко мне.

Хоть глаза Поппи и были закрыты по пути в больницу, она не отпускала мою руку. И когда миссис Личфилд расплакалась рядом со мной, я дал ей другую свою руку.

Я оставался с Поппи, когда ее отвезли в онкологическую палату. Мое сердце билось так быстро, когда медсестры и доктора передвигались — размытая масса активных действий.

Я боролся с комом в горле. Сдерживал оцепенение внутри себя в страхе. Поппи осматривали, брали разные анализы — взяли кровь, померили температуру, слишком много всего, чтобы сосчитать. И моя малышка боролась. Когда ее грудь беспорядочно поднималась и опускалась из-за неспособности правильно дышать, она сохраняла спокойствие. Когда потеря сознания пыталась поглотить ее, она изо всех сил старалась держать глаза открытыми... она пыталась фокусировать взгляд на мне, произнося одним ртом мое имя, когда почти отключалась.

Я оставался сильным ради Поппи. Я не позволю ей увидеть, как я разваливаюсь на части.

Я должен быть сильным ради нее.

Миссис Личфилд сидела рядом, держа меня за руку. Прибежал мистер Личфилд с портфелем в руке, его галстук был в беспорядке.

— Айви, — сказал он торопливо, — что случилось?

Миссис Личфилд вытерла слезы со щек и взяла мужа за руку.

— Она потеряла сознания на руках у Руна по дороге из школы. Доктора полагают, это инфекция. Ее иммунная система слишком слабая, она больше не может бороться.

Мистер Личфилд посмотрел на меня, когда миссис Личфилд добавила:

— Рун нес Поппи на руках всю дорогу до дома. Он прибежал и позвонил в скорую. Он спас ее, Джеймс, Рун спас нашу девочку.

Я тяжело сглотнул от слов миссис Личфилд. Мистер Личфилд кивнул, как я предполагал в благодарности, затем бросился к дочери. Я видел, как он сжимал ее руку, но доктора быстро оттолкнули его с пути.

Через пять минут доктор заговорил с нами. Он был неподвижен, его лицо — безэмоциональным.

— Мистер и миссис Личфилд, организм Поппи пытается бороться с инфекцией. Как вы знаете, ее иммунная система подверглась серьезной опасности.

— И что теперь? — подталкивала доктора миссис Личфилд, в ее горле застрял ком от горя.

Слова доктора просочились мне в голову. Я отвернулся от него, когда почувствовал, что пара глаз смотрят на меня.

Медперсонал расчистил пространство, и я увидел, что на лице Поппи маска, а в руку воткнута капельница. Но ее зеленые глаза, глаза, которые я так обожал, не покидали меня. Ее рука свисала сбоку.

— Мы делаем все, что в наших силах. Мы дадим вам минутку, прежде чем введем ей общий наркоз.

Я слышал, как доктора говорили, что погрузят ее в искусственную кому, чтобы помочь организму бороться с инфекцией. И что нам нужно повидаться с ней до этого. Но мои ноги уже перемещались сами по себе. Ее рука тянулась ко мне.

Как только я взял Поппи за руку, ее глаза сразу начали искать мои, и она слабо покачала головой. Я закрыл глаза на краткое мгновение, но когда открыл, не смог остановить слезу, скатившуюся по щеке. Поппи издала шум под кислородной маской, и мне не нужно было снимать ее, чтобы понять, что она сказала. Она еще не покинет меня. Я видел обещание в ее взгляде.

— Рун, сынок, — сказал мистер Личфилд. — Можем мы побыть наедине с Поппи, поцеловать ее и поговорить с ней ненадолго?

Я кивнул и отошел в сторону, когда Поппи снова издала звук и покачала головой. Она снова сжала мою руку, потому что не хотела, чтобы я уходил.

Наклонившись, я прижался поцелуем к ее лбу, ощущая его тепло на своих губах, вдыхая ее сладкий аромат.

— Я буду здесь, Поппимин. Я не покину тебя, обещаю.

Поппи следила за мной, когда я сделал шаг назад. Я наблюдал как мистер и миссис Личфилд тихо разговаривают со своей дочерью, целуя ее и сжимая ее руку.

Я прислонился к стене маленькой палаты, сжав руки в кулаки, когда упорно пытался собрать все последние силы. Я должен быть сильным ради нее. Она ненавидит слезы. Она ненавидит обременять свою семью таким образом.

Она не увидит, как я сломаюсь.

Миссис Личфилд вышла из палаты. Ида и Саванна последовали туда. Я хотел отвернуться, когда увидел боль во взгляде Поппи. Она обожала своих сестер, она не хотела, чтобы они видели ее в таком состоянии.

— Поппи, — закричала Ида и бросилась к ней. Слабая рука Поппи поднялась к лицу сестры. Ида поцеловала Поппи в щеку, затем отступила в ждущие руки миссис Личфилд. Саванна была следующей. Она сломалась, увидев свою сестру, своего героя, в таком состоянии. Поппи вытянула руку, и Саванна прошептала:

— Я люблю тебя, ПопПопс. Пожалуйста... пожалуйста, не уходи еще.

Поппи покачала головой, затем посмотрела в моем направлении, ее рука изо всех сил старалась указать в моем направлении. Я подошел, ощущая каждый шаг длиной в милю. Внутри меня взбудоражился шторм темноты, но как только моя рука скользнула в ее, буря успокоилась. Поппи моргнула, ее длинные черные ресницы загорхали на щеках. Сидя на краю ее кровати, я наклонился и убрал волосы с ее лица.

— Привет, Поппимин, — сказал я тихо, стараясь быть как можно морально сильнее. Поппи закрыла глаза, услышав мои слова. Я знал, что под маской она улыбалась. Когда ее взгляд вновь встретился с моим, я сказал: — Они усыпят тебя на некоторое время, чтобы помочь бороться с инфекцией. — Поппи кивнула головой в понимании. — Ты должна поспать, малышка, — сказал я, вымучив улыбку. — Отправляйся ненадолго повидаться со своей бабушкой, пока не накопишь сил вернуться ко мне. — Поппи вздохнула, слеза скатилась с ее глаза. — Ты помнишь, нам еще нужно кое-что сделать перед тем, как ты отправишься домой?

Поппи слабо кивнула, и я поцеловал ее в щеку. Когда я отстранился, то прошептал:

— Засыпай, малышка. Я останусь здесь и буду ждать твоего возвращения.

Я гладил волосы Поппи, пока она не закрыла глаза, и я понял, что она уснула.

Доктор вошел секунду спустя.

— Если вы все отправитесь в комнату ожидания, я подойду, когда буду новости.

Я слышал, как ее семья уходила, но когда я уставился на ее руку в моей, то не хотел отпускать. Рука приземлилась на мое плечо, и я поднял взгляд, увидев, что доктор смотрит на меня.

— Мы позаботимся о ней, сынок. Обещаю.

Прижавшись в последнем поцелуе к ее руке, я заставил себя встать и покинуть палату. Когда дверь за мной закрылась, я поднял голову и увидел комнату ожидания напротив. Но я не мог войти туда. Мне был нужен свежий воздух. Мне был нужен...

Я помчался к небольшому саду в конце коридора и ломанулся через двери. Теплый ветерок обдувал мое лицо и, видя, что находился тут один, я расположился на скамейке в центре сада. Опустившись на сиденье, я позволил печали поглотить меня.

Моя голова покоилась на руках, слезы стекали по лицу. Я услышал звук открывшейся двери, когда поднял взгляд, мой папа стоял в дверях.

Я ожидал обычной агрессии при виде его лица, но, должно быть, она была погребена под тонной горя. Папа ничего не сказал, вместо этого подошел и сел рядом со мной. Он не сделал ни движения, чтобы успокоить меня, потому что понимал, его прикосновения не будут приветствоваться. Вместо этого просто сидел, пока я разваливался на части.

Часть меня была рада этому. Я бы никогда не рассказал ему. Но настолько, насколько не хотел признавать это, я не хотел быть одиноким.

Я не был уверен, сколько прошло времени, но, в конце концов, я выпрямился и убрал волосы с лица, вытерев рукой лицо.

— Рун, она...

— С ней все будет хорошо, — сказал я, прервав что бы он там ни собирался сказать. Рука папы лежала на колене, пока он сжимал и разжимал ее, как будто сомневался, стоит ли протянуть руку и коснуться меня.

Мои челюсти напряглись. Я не хотел этого.

Время с Поппи поджимало, и это было его вина, что у нас осталось только... Мысль прервалась. Я не знал, сколько времени у меня осталось с моей девочкой.

Прежде чем мой папа мог что-то сделать, дверь снова открылась, и на этот раз вошел мистер Личфилд. Папа встал на ноги и покачал головой.

— Мне жаль, Джеймс, — сказал он.

Мистер Личфилд похлопал его по плечу, затем спросил:

— Не возражаешь, если я поговорю с Руном минутку?

Я напрягся, каждая мышца в моем теле укрепилась перед его гневом. Мой папа посмотрел на меня, но кивнул.

— Я оставлю вас наедине.

Папа покинул сад, и мистер Личфилд медленно подошел к месту, где сидел я, затем он опустился на скамейку возле меня. Я задержал дыхание, ожидая, когда он заговорит. Не дождавшись, я сказал:

— Я не оставлю ее. Даже не просите меня уходить, потому что я никуда не уйду.

Я знал, что звучал зло и агрессивно, но мое сердце со всей силы ударялось о ребра при мысли, что он скажет мне уйти. Мне было некуда пойти, кроме как находиться рядом с Поппи.

Мистер Личфилд напрягся, затем спросил:

— Почему?

Удивленный его вопросом, я повернулся к нему и прочитал эмоции на его лице. Он смотрел на меня без обиняков, и очевидно очень хотел узнать ответ. Не разрывая зрительного контакта, я ответил:

— Потому что я люблю ее. Я люблю ее больше всего в этом мире. — Я говорил сквозь ком в горле. Сделав глубокий вдох, я смог проговорить: — Я дал ей обещание, что никогда не покину ее. Я бы в любом случае не смог уйти. Мое сердце, моя душа, все остальное — связаны с Поппи. — Я сжал руки в кулаки по бокам. — Я не могу покинуть ее сейчас, когда она нуждается во мне больше всего. И не уйду, пока она не заставит.

Мистер Личфилд вздохнул и провел рукой по лицу, прислонившись к спинке скамейки.

— Когда ты вернулся в Блоссом Гроув, Рун, я бросил один взгляд на тебя и не мог поверить, как ты изменился. Я чувствовал разочарование, — признался он. От его слов в моей груди стало тесно. Он покачал головой. — Я видел курение, твоё поведение и предположил, что в тебе больше нет сходства с мальчиком, которым ты был. Тем, кто любил мою дочь так же, как она любила его. Тот мальчик, могу поклясться своей жизнью, прошел бы через огонь ради моей малышки.

— Но я не ожидал, что ты будешь любить ее так, как она этого заслуживает таким, каким являешься сейчас. — Голос мистера Личфилда стал хриплым от боли. Прочистив горло, он сказал: — Я был против тебя. Когда увидел вашу возродившуюся связь, я пытался предупредить ее. Но вы двое всегда были как магниты, вас притягивала друг к другу неизведанная сила. — Он фыркнул. — Бабушка Поппи говорила, что вы оба были связаны вместе по великой причине. По той, о которой мы не узнаем, пока она не покажет себя. Она всегда говорила, что великим влюбленным всегда суждено быть вместе по великой причине. — Он остановился и повернулся ко мне. — И теперь я понимаю.

Я смотрел ему прямо в глаза. Твердая рука мистера Личфилда приземлилась на мое плечо.

— Вам предназначено быть вместе, чтобы ты мог быть ее путеводным светом, пока она проходит через это. Ты создан идеально для нее, чтобы сделать это время особенным для моей девочки. Убедиться, что ее оставшиеся дни наполнены тем, что мы с ее мамой не

можем ей дать.

Боль пронзила все мое тело, и я закрыл глаза. Когда снова открыл их, мистер Личфилд опустил руку, но все еще смотрел на меня.

— Рун, я был против тебя. Но я видел, как сильно она любит тебя. Я просто не был уверен, что ты любишь ее в ответ.

— Люблю, — сказал я хрипло. — И никогда не перестану.

Он кивнул.

— Я не понимал до вашей поездки в Нью-Йорк. Я не хотел, чтобы она летела. — Он сказал на вдохе: — Но по ее возвращению, я видел, что ее накрыл покой. Затем она рассказала мне, что ты сделал для нее. «Карнеги-холл»? — Он покачал головой. — Ты осуществил самую большую мечту моей девочки, потому что просто хотел, чтобы она добилась этого. Хотел сделать ее счастливой... потому что любишь ее.

— Она дает мне больше, — ответил я, повесив голову. — Только лишь находясь рядом с ней, я получаю это в десять раз больше.

— Рун, если Поппи очнется...

— Когда, — перебил я. — Когда она очнется.

Я поднял голову и увидел, что мистер Личфилд смотрит на меня.

— Когда, — сказал он с обнадеживающим вздохом. — Я не буду стоять у тебя на пути. — Он наклонился вперед и уткнулся лицом в ладони. — Она так и не пришла в себя после твоего отъезда, Рун. Я знаю, что ты боролся, когда ее не было в твоей жизни. И нужно быть дураком, чтобы не заметить, что ты обвиняешь своего папу в этом. В том, что ты уехал. Но иногда жизнь идет не так, как мы ожидаем. Прежде я никогда не думал, что моя дочь умрет раньше меня. Но Поппи научила меня, что я не могу злиться. Потому что, сынок, — сказал он и посмотрел мне в лицо, — если Поппи не злится, что у нее такая короткая жизнь, как смеет кто-то из нас злиться из-за этого?

Я молча уставился в одну точку. Мое сердце забилось быстрее от его слов. Мою голову заполнили изображения, как Поппи кружится в вишневой роще с широкой улыбкой на лице, вдыхая душистый воздух. У нее была та же улыбка, что и когда она танцевала на мелководье на пляже, ее руки подняты в воздухе, пока солнце целовало ее лицо.

Поппи была счастлива. Даже с диагнозом, даже испытав всю боль и разочарование от лечения, она была счастлива.

— Я рад, что ты вернулся, сынок. По словам Поппи, ты делаешь ее последние дни: такими особенными, какими они только могли быть.

Мистер Личфилд встал на ноги. И как я видел, делает только его дочь Поппи, он запрокинул голову к солнцу и закрыл глаза.

Когда он опустил голову, то направился к двери и, развернувшись, сказал:

— Тебе рады здесь, и ты можешь находиться возле нее сколько хочешь, Рун. Думаю, если ты будешь рядом, Поппи очнется. Она очнется, только чтобы провести еще несколько дней с тобой. Я видел этот взгляд в ее глазах, когда она лежала на кровати: она еще никуда не собирается. Ты, как и я, прекрасно знаешь, если она намерена довести что-то до конца, она, черт возьми, сделает это.

Мои губы приподнялись в небольшой улыбке. Мистер Личфилд оставил меня одного в саду. Потянувшись в карман, я вытащил сигарету, и когда зажег ее, то остановился. Улыбка Поппи просочилась в мою голову то, как она морщила носик каждый раз, когда я курил, и я вытащил сигарету изо рта и бросил ее на землю.

— Достаточно, — сказал я громко. — Больше не надо.

Сделав глубокий вдох свежего воздуха, я встал на ноги и направился внутрь. Когда я вошел в комнату ожидания, семья Поппи сидела на одной стороне, а на другой мои мама, папа и Алтон. Как только мой младший брат увидел меня, он поднял голову и помахал.

Делая то, что хотела бы Поппи, я сел рядом с ним.

— Привет, братишка, — сказал я и почти потерял самообладание, когда он залез ко мне на колени и обнял меня за шею.

Я ощущал, как спина Алтона дрожала. Когда он приподнял голову, его щека была влажной.

— Поппимин больна?

Прочистив горло, я кивнул. Его нижняя губа дрожала.

— Но ты любишь ее, — прошептал он, из-за чего мое сердце надломилось. Я снова кивнул, и он положил голову мне на грудь. — Я не хочу, чтобы Поппимин куда-то уходила. Благодаря ей ты разговариваешь со мной. Из-за нее ты стал моим лучшим другом, — он шмыгнул носом. — Я не хочу, чтобы ты снова стал злым.

Каждое его слова было как удар кинжалом в мое сердце. Но эти раны заполнял свет, когда я думал о том, как Поппи привела меня к Алтону. Я думал о том, как она разочаруется, если я буду его игнорировать.

Прижав Алтона ближе, я прошептал:

— Я больше никогда не буду игнорировать тебя, братишка. Обещаю.

Алтон поднял свою голову и вытер глаза. Когда он убрал свои волосы с лица, я не смог сдержать ухмылку. Алтон улыбнулся в ответ и обнял меня крепче. Он не отпускал меня, пока доктор не вошел в комнату. Он сказал, что мы можем пойти и увидеть ее по двое.

Мистер и миссис Личфилд пошли первыми, затем настал мой черед. Я прошел через дверь и замер на полпути.

Поппи лежала на кровати по центру комнаты, а вокруг нее были аппараты. Мое сердце надломилось. Она выглядела такой сломленной, такой тихой.

Никакого смеха или улыбки на ее лице.

Я пошел вперед и сел на стул рядом с ее кроватью. Взяв ее за руку, я поднес ее к своим губам и прижался в поцелуе.

Я не мог сидеть в тишине. Поэтому начал рассказывать Поппи, как впервые поцеловал ее. Я рассказал ей о каждом поцелуе, с тех пор, как нам исполнилось восемь, который помнил, — как они ощущались, что я чувствовал, — зная, что если она слышала меня, она любила каждое сказанное мной слово.

Возрождая каждый поцелуй, который она так бережно хранила.

Вес девятьсот два, которые мы собрали.

И девятьсот восемь, которые еще придется собрать.

Когда она очнется.

Потому что она должна.

Нам нужно исполнить обещание.

14 глава

Рун

Неделю спустя

— Привет, Рун.

Я оторвал взгляд от листка, с которого читал, и увидел Джори у двери в палату Поппи. Джадсон, Дикон и Руби стояли за ней в коридоре. Я дернул подбородком в их направлении и все они вошли.

Поппи все еще была в кровати, все еще в коме. Через несколько дней доктора сказали, что худшая часть инфекции позади, и разрешено приходить другим посетителям.

Моя Поппи преодолела это. Как и обещала, она боролась с инфекцией, которая пыталась разрушить ее. Я знал, что так и будет. Она держала меня за руку, давая обещание. Смотрела мне в глаза.

Все было обязано закончиться хорошо.

Доктора планировали медленно выводить ее из комы в течение следующих дней. С сегодняшнего вечера они собирались понемногу уменьшать дозу анестезии. И я не мог

дождаться. Эта неделя без нее ощущалась вечностью. Все было неправильным и не на своем месте. Многое изменилось в моем мире с ее уходом, и как будто на контрасте снаружи ничего не поменялось.

Единственным настоящим изменением было то, что вся школа знала, что у Поппи осталось не так уж много времени. Из того, что я слышал, все были в предсказуемом шоке и опечалены. Мы ходили в школу с большинством из этих подростков, зная их еще с детского сада. Хотя они и не знали Поппи, как наша маленькая компания друзей, тем не менее, это пошатнуло покой в городе. Люди из церкви собирались помолиться за нее. Показать свою любовь. И я знал, если бы Поппи была в курсе этого, это согрело бы ее сердце.

Доктора не были уверены, насколько сильной она будет, когда проснется. Они неохотно оценивали, сколько ей осталось, но доктор признался нам, что инфекция сильно ослабила ее состояние. Он предупредил, что мы должны быть готовы: когда она, наконец, проснется, останутся недели.

Как бы это ни разрывало мое сердце, и как бы оно не было готово вырваться из груди, я пытался радоваться маленьким победам. У меня оставались недели, чтобы воплотить желания Поппи в реальность. У меня будет время, чтобы по-настоящему попрощаться, услышать ее смех, увидеть улыбку и поцеловать ее мягкие губы.

Джори и Руби первые вошли в палату, встав у противоположной стороны кровати от меня, пока я держал Поппи за руку.

Дикон и Джадсон остановились возле меня, в жесте поддержки положив руки мне на плечи. В минуту, когда новость о Поппи распространилась, мои друзья приехали из школы, чтобы увидеть меня. Как только увидел их, мчавшихся по коридору, я осознал, что все знали. Осознал, что они знали. Они были рядом со мной с того момента.

Они были расстроены, что мы с Поппи не сказали никому, кроме Джори. Но, в конце концов, поняли, почему Поппи не хотела этой суеты. Думаю, они полюбили ее еще больше за это. Они увидели ее настоящую силу.

Я не ходил в школу всю прошлую неделю, и мои друзья приносили мне задания от учителей. Они приглядывали за мной, как я за Поппи. Дикон и Джадсон заявили, что они решительно настроены, что я не буду исключен за неуспеваемость, когда мы добрались до нашего выпускного года. Я думал об этом меньше всего, но ценил их обеспокоенность.

В действительности эта неделя показала мне, как много они значат для меня. Хоть Поппи и была всей моей жизнью, я осознал, что меня любили и другие. У меня были друзья, которые пройдут через огонь ради меня. Моя мама приходила каждый день. Как и папа. Казалось, что ему все равно, что по большей части я игнорировал его. Ему было все равно, что мы сидели в тишине. Думаю, ему было важно только то, что он был здесь, рядом со мной.

Я еще не был уверен, что с этим делать.

Джори подняла голову, поймав мой взгляд.

— Как обстоят дела сегодня?

Я встал со своего стула и подошел к краю кровати Поппи. Переплел ее пальцы со своими и крепко сжал. Наклонившись вперед, я убрал волосы с ее лица и поцеловал ее в лоб.

— Она становится сильнее с каждым днем, — сказал я тихо, и затем только для Поппи прошептал: — Наши друзья здесь, малышка. Они снова пришли провести тебя.

Мое сердце пропустило удар, когда мне показалось, что я видел, как затрепетали ее ресницы, но чем дольше я смотрел, тем больше осознавал, что это, должно быть, мое воображение. Я отчаянно хотел увидеть ее снова на столько часов, что трудно сосчитать. Затем я расслабился, осознав, что в следующие несколько дней все это не будет плодом моего воображения. Станет реальностью.

Мои друзья сели на диван возле большого окна.

— Доктора решили сегодня начать потихоньку выводить ее из комы, — сказал я. — Может занять несколько недель для нее, чтобы полностью прийти в сознание, но они верят, что лучше всего делать все медленно. Ее иммунная система укрепилась, как они и рассчитывали. Инфекция миновала. Она готова вернуться к нам. — Я выдохнул и быстро

добавил: — Наконец-то. Я наконец-то снова увижу ее глаза.

— Это хорошо, Рун, — ответила Джори и слабо улыбнулась. Наступила выжидательная тишина, мои друзья переглянулись друг с другом.

— Что? — спросил я, пытаюсь прочитать выражения их лиц.

Руби ответила:

— Какой она будет, когда очнется?

Мой желудок сжался.

— Слабой, — прошептал я, повернувшись к Поппи, погладил ее по щеке. — Но она снова будет здесь. Я готов носить ее везде на руках. Я просто хочу увидеть ее улыбку. Она будет со мной, там, где и должна быть... по крайней мере, на некоторое время.

Я услышал шмыганье носом и увидел, что Руби плачет. Джори прижала ее ближе к себе.

Я сочувственно вздохнул, затем сказал:

— Я знаю, ты любишь ее, Руби. Но когда она проснется, когда поймет, что все знают, веди себя как обычно. Ей ненавистна мысль расстраивать тех, кого она любит. Для нее это самое худшее. — Я сжал пальцы Поппи. — Когда она очнется, мы должны сделать ее счастливой, как она делала всех. Мы не должны показывать свою печаль.

Руби кивнула, затем спросила:

— Она больше не вернется в школу?

Я покачал головой.

— Как и я. Пока не... — я остановился на полуслове, не желая заканчивать предложение. Я еще не был готов сказать им. Не был готов встретиться лицом к лицу с правдой.

Еще нет.

— Рун, — сказал Дикон серьезным тоном. — Что ты будешь делать на следующий год? Колледж? Ты подал куда-нибудь заявление? — Он сцепил пальцы вместе. — Я беспокоюсь. Мы уедем. А ты вообще не упоминаешь об этом. Мы переживаем.

— Я не думаю наперед, — ответил я. — Моя жизнь здесь, прямо сейчас, в этот самый момент. Все остальное позже. Я сосредоточен только на Поппи. Мне плевать на следующий год или что-то подобное.

В палате повисла тишина. По лицу Дикона было видно, что он хотел сказать больше, но не смел.

— Она пойдет на выпускной?

Мое сердце ухнуло вниз, когда Джори с грустью посмотрела на свою лучшую подругу.

— Я не знаю, — признался я. — Она хотела, очень сильно, но до него еще шесть недель. — Я пожал плечами. — Доктора не знают. — Я повернулся к Джори. — Это было одно из последних ее желаний. Увидеть наш выпускной. — Я сглотнул и повернулся к Поппи. — Все, что она хотела в конце, почувствовать мой поцелуй и увидеть наш выпускной. Все, о чем она просила. Ничего грандиозного или меняющего жизнь... только это. Со мной.

Через мгновение Джори и Руби начали тихо плакать. Но я не нарушал это. Я просто тихо считал часы, когда она начнет просыпаться. Представлял мгновение, когда снова увижу ее. Как она посмотрит на меня.

Сожмет мою руку в своей.

Через час или около того мои друзья встали. Дядсон положил листы на небольшой столик возле кровати Поппи.

— Математика и география, чувак. Учителя написали все здесь для тебя. Когда надо сдать и все такое. — Я встал попрощаться со своими друзьями, поблагодарив их за визит. Когда они ушли, я подошел к столу, чтобы доделать домашнюю работу. Закончив, я взял фотоаппарат на улицу. Я не снимал его с шеи неделями.

Фотоаппарат снова стал частью меня.

Проходили часы, пока я заходил и выходил из палаты, запечатлевая день снаружи. Позже этим вечером, семья Поппи начала заполнять палату, а доктора Поппи следовали

позади. Я подпрыгнул с места и потер уставшие глаза. Должно быть, они пришли выводить ее из комы.

— Рун, — поприветствовал мистер Личфилд. Он подошел туда, где я стоял, и обнял меня. Счастливое перемирие образовалось между нами с тех пор, как Поппи оказалась в коме. Он понимал меня, а я его. Из-за этого думаю, даже Саванна начала доверять мне, что я не разобью сердце ее сестры.

И потому что я не ушел ни разу с тех пор, как был допущен к Поппи. Если Поппи была здесь, то и я. Должно быть, моя преданность показала, что я любил ее больше, чем кто-либо из них верил.

Ида подошла к месту, где я стоял, и обняла меня за талию. Мисси Личфилд поцеловала меня в щеку.

Затем мы все ждали, когда доктор закончит свой осмотр.

Повернувшись к нам, он сказал:

— Лейкоциты Поппи в достаточном количестве, как мы можем надеяться на этой стадии болезни. Мы будем постепенно сокращать количество анестезии, чтобы привести ее в сознание. Когда она станет сильнее, мы сможем отключить ее от некоторых аппаратов. — Мое сердце забилося сильнее, а руки сжались в кулаки по бокам.

— Сейчас, — продолжил доктор, — Поппи поначалу будет приходить в сознание и так же быстро его терять. Когда она очнется, то в какой-то степени может начать бредить. Это из-за количества лекарств в ее организме. Но в конечном итоге она начнет бодрствовать в течение более долгих периодов, и если все будет хорошо, то через несколько дней, она покажет нам счастливую обычную себя. — Доктор поднял руки. — Но Поппи будет слабой. Пока мы не осмотрим ее в сознании, не сможем оценить, насколько инфекция ослабила ее. Время покажет. Но она может быть ограничена в движениях, что в свою очередь ограничит действия, которые она сможет совершать. Вряд ли она вновь обретет полную силу.

Я закрыл глаза, молясь Богу, чтобы она была в порядке. А если нет, я пообещал, что помогу ей пройти через это — все что угодно, если это даст нам больше времени. Неважно, что потребуется, я сделаю что угодно.

Следующие несколько дней долго тянулись. Руки Поппи начали слегка двигаться, ресницы трепетать, и на второй день она начала открывать глаза. Это было всего на пару секунд за раз, но этого было достаточно, чтобы наполнить меня смесью надежды и воодушевления.

На третий день группа докторов и медсестер вошла в палату и начала процесс отключения Поппи от аппаратов. Я наблюдал с глухо стучащим сердцем, когда дыхательную трубку извлекли из ее горла. Аппарат увозили за аппаратом, пока я снова не увидел свою девочку.

Мое сердце переполнилось эмоциями.

Ее кожа была бледной, а обычно мягкие губы потрескавшимися. Но увидев ее свободной от всех этих аппаратов, я был уверен, что она никогда не была настолько идеальной для меня.

Я терпеливо сидел на стуле возле ее кровати, держа ее руку в своей. Моя голова была запрокинута назад, пока, как в трансе, я уставился на потолок, затем я ощутил, как рука Поппи слегка сжала мою. Мое дыхание перехватило. Глаза уставились на Поппи. Ее пальцы на свободной руке слегка подергивались.

Потянувшись к стене, я нажал на кнопку вызова медсестры. Когда она вошла, я сказал:

— Думаю, она просыпается. — Поппи немного двигалась последние двадцать четыре часа, но ни разу так много и так долго.

— Я за доктором, — ответила она и покинула палату. Вскоре примчались родители Поппи, которые как раз прибыли для ежедневного визита.

Доктор вошел секунды спустя. Когда он появился у кровати, я отошел, чтобы встать с родителями Поппи, позволив ассистирующей сестре проверить жизненные показатели Поппи.

Глаза Поппи начали трепетать под веками, затем она медленно открыла их. Я глубоко вдохнул, когда ее зеленые глаза начали сонно осматривать окружение.

— Поппи? Поппи, ты в порядке, — сказал доктор успокаивающе. Я видел, как Поппи пыталась повернуть голову в его сторону, но ее взгляд не мог сфокусироваться. Я ощутил толчок внутри себя, когда она потянула руку, в поисках меня. Даже в запутанном состоянии она искала мою руку.

— Поппи, ты спала некоторое время. С тобой все хорошо, но ты будешь чувствовать себя уставшей. Просто знай, что ты в порядке.

Поппи издала звук, как будто пыталась говорить. Доктор повернулся к медсестре.

— Принесите немного льда для ее губ.

Я не мог больше стоять и бросился к ней, игнорируя слова мистера Личфилда остановиться. Встав с краю ее кровати, я наклонился и обернул руку вокруг Поппи. В это же мгновение ее тело расслабилось, и голова медленно повернулась в моем направлении. Ее глаза затрепетали, открываясь, и она посмотрела прямо на меня.

— Привет, Поппимин, — прошептал я, борясь с комом в горле.

И затем она улыбнулась. Улыбка была небольшой, едва заметной, но она была. Ее слабые пальцы сжали мои со всей имеющейся силой, затем она провалилась в сон.

Я протяжно выдохнул. Но рука Поппи не покидала мою. Поэтому я остался на месте, сидел на стуле возле нее.

Прошел еще один день с еще большим количеством моментов, когда Поппи находилась в сознании. Она не действовала очень осознанно, когда просыпалась, но улыбалась мне, когда фокусировала свое внимание. Я понимал, что часть нее хоть и была в замешательства, но ощущала, что я был здесь с ней. Ее слабые улыбки придавали мне уверенности, что я должен находиться именно здесь.

Позже в этот день, когда медсестра пришла на свою ежечасную проверку, я спросил:

— Могу я переставить ее кровать?

Медсестра перестала заниматься своим делом и приподняла бровь:

— Куда, милый?

Я подошел к большому окну и сказал:

— Сюда. Когда она очнется, то будет видеть улицу. — Я фыркнул от смеха. — Она любит наблюдать рассвет. Сейчас, когда она не подключена ни к чему, кроме капельницы, я подумал, что можно так сделать?

Медсестра уставилась на меня, в ее взгляде я видел сочувствие, а я не хотел его. Я просто хотел ее помощи. Чтобы она помогла мне дать это Поппи.

— Конечно, — сказала она в конце концов. — Не думаю, что это проблема. — Мое тело расслабилось, я подошел к краю кровати Поппи, медсестра к противоположному, мы перекатали больничную койку к окну, из которого открывался вид на сад детского онкологического отделения. Сад как раз находился под голубым небом.

— Так хорошо? — спросила медсестра и опустила тормоз кровати.

— Идеально, — ответил я и улыбнулся.

Когда семья Поппи пришла через некоторое время, ее мама обняла меня.

— Ей понравится, — сказала она. Когда мы сели вокруг кровати Поппи, она двигалась время от времени, но не дольше чем на несколько секунд.

Последние несколько недель ее родители по очереди ночевали в семейной палате в противоположной стороне коридора. Один из них оставался дома с девочками. Чаще всего ее мама оставалась здесь.

Я остался в палате Поппи.

Лежал рядом с ней в ее маленькой кровати каждую ночь. Спал с ней в моих объятиях, в ожидания момента, когда она проснется.

Я понимал, что ее родители не в восторге от этого, но полагал, что они позволяли это, потому что... почему бы и нет? Они бы не смогли запретить. Не сейчас. Не при таких обстоятельствах.

И я был чертовски уверен, что не уйду.

Мама Поппи разговаривала со своей спящей дочерью о ее сестрах. Рассказывала об их учебе — мирские темы. Я сидел, слушая вполуха, когда раздался тихий стук в дверь.

Подняв голову, я увидел своего отца в дверном проеме. Он махнул миссис Личфилд и затем посмотрел на меня.

— Рун? Могу я поговорить с тобой минутку?

Я напрягся, мои брови сошлись на переносице. Папа ждал у двери, не разрывая зрительного контакта со мной. Протяжно выдохнув, я встал со своего места. Папа отошел от двери при моем появлении. Покинув палату, я увидел, что он что-то держал в руках.

Он нервно раскачивался на пятках.

— Знаю, что ты не просил меня об этом, но я проявил твои пленки.

Я замер.

— Знаю, ты просил отвезти их домой. Но я видел тебя, Рун. Я наблюдал, как ты фотографировал, и я знаю, что фото для Поппи. — Он пожал плечами. — Поппи просыпается, я подумал, что ты захочешь показать их ей.

Больше не говоря ни слова, он протянул мне фотоальбом. Он был заполнен фотографиями, которые я сделал, пока Поппи спала. На них были запечатлены мгновения, которые она пропустила.

Ком начал формироваться у меня в горле. Я не был дома. Я не мог проявить пленки для нее... но мой отец.

— Спасибо, — прохрипел я, затем опустил взгляд в пол.

Боковым зрением я видел, что тело моего отца расслабилось. Он поднял руку, как будто хотел коснуться моего плеча. Я замер в это мгновение. Рука папы зависла на полудвижении, но явно решив закончить, он положил руку мне на плечо и сжал.

Я закрыл глаза, ощутив его руку на себе. И впервые за неделю, мне казалось, что я могу дышать. В секунду, когда мой папа показал мне, что он со мной, я задышал.

Но чем дольше мы стояли так, тем больше я не знал, что делать. Я долго время не взаимодействовал с ним таким образом. Не подпускал его близко.

Я был не в состоянии разбираться с этим, поэтому кивнул головой и вернулся в палату. Закрыв дверь, я сел с альбомом на коленях. Миссис Личфилд не спросила, что это, а я не сказал. До позднего вечера она продолжала рассказывать Поппи истории.

Когда миссис Личфилд покинула палату, я снял ботинки и как делал каждую ночь, открыл шторы и лег рядом с Поппи.

Я помнил, что смотрел на звезды, и в следующее мгновение ощутил, как рука гладит мою. дезориентированный, я моргнул, заметив, что первые лучи нового дня просачиваются в палату.

Я пытался отбросить туман сна из своей головы, когда ощутил, что волосы щекочут мой нос, а теплое дыхание опаляет мое лицо. Подняв голову, я сморгнул сон из глаз и встретился взглядами с самой красивой парой зеленых глаз, которые когда-либо видел.

Мое сердце пропустило удар, а губы Поппи растянулись в улыбке, ее ямочки показались на бледных щеках. Подняв голову удивленно, я взял ее за руку и проговорил:

— Поппимин?

Поппи моргнула, затем еще раз, затем ее взгляд осмотрел помещение. Она сглотнула, поморщившись при этом. Увидев, что ее губы сухие, я вытянул руку и взял стакан воды с тумбочки. Когда я поднес соломинку к ее рту, Поппи сделала несколько маленьких глотков, затем оттолкнула стакан.

Она облегченно вздохнула. Подняв ее любимый вишневый бальзам с тумбочки, я смазал тонким слоем ее губы. Поппи медленно потеряла их друг об друга, и, не разрывая со мной взгляда, улыбнулась широкой красивой улыбкой.

Моя грудь наполнялась светом, я наклонился и прижался к ее губам. Это был короткий, едва ощутимый поцелуй, но когда я отстранился, Поппи сглотнула и хрипло прошептала:

— Поцелуй номер... — Ее брови нахмурились, когда замешательство отразилось на ее

лице.

— Девятьсот три, — закончил я за нее.

Поппи кивнула.

— Когда я вернулась к Руну, — добавила она, удерживая мой взгляд и слабо вцепившись в мою руку, — как я и обещала.

— Поппи, — прошептал я в ответ и опустил голову, пока не уткнулся в сгиб ее шеи. Я хотел держать ее так близко, как мог, но она была как хрупкая кукла: ее было легко сломать.

Поппи зарылась пальцами в мои волосы, и таким же знакомым движением как дышать, она провела по прядям, пока ее дыхание обдувало мое лицо.

Я поднял голову и уставился на нее. Впитал в себя каждую деталь ее лица, ее глаза. Я убедился, что сохранию этот момент.

Мгновение, когда она вернулась ко мне.

— Сколько? — спросила она.

Я убрал волосы с ее лица.

— Ты была в коме неделю. Постепенно просыпалась в течение нескольких дней.

Поппи закрыла глаза на секунду, затем снова открыла.

— И сколько... осталось?

Я покачал головой, гордясь ее силой, и честно ответил:

— Я не знаю.

Поппи кивнула, едва заметным движением. Чувствуя, как тепло распространяется по задней части моей шеи, я повернулся и посмотрел в окно. На моем лице была улыбка, и снова повернувшись к Поппи, я сказала:

— Ты проснулась с солнцем, малышка.

Поппи нахмурилась, пока я не сдвинулся. Когда сделал это, услышал, как она задержала дыхание. Посмотрев в ее лицо, я увидел, что оранжевые лучи целуют ее кожу. Я увидел, как ее глаза закрылись и снова открылись, когда ее губы растянулись в улыбке.

— Так красиво, — прошептала она. Я лежал на подушке возле нее, наблюдая, как солнце окрашивает новый день. Поппи ничего не сказала, пока мы наблюдали рассвет на небе, а солнце заливало палату светом и теплом.

Ее рука сжала мою.

— Я чувствую слабость.

Мой желудок ухнул вниз.

— Инфекция сильно ударила по тебе. Нанесла урон.

Поппи кивнула в понимании, и затем еще раз потерялась в утреннем пейзаже.

— Я пропустила это, — сказала она, указывая пальцем в окно.

— Ты много помнишь?

— Нет, — ответила она тихо. — Но знаю, что пропустила рассветы. — Она посмотрела на свою руку и сказала: — Я помню, как ощущала твою руку в своей хотя... это странно. Я не помню ничего, кроме этого.

— Ja? — спросил я

— Да, — ответила она тихо. — Думаю, я буду всегда помнить ощущение, как твоя рука держит мою.

Потянувшись рядом с собой, я поднял альбом, который принес папа, положив его себе на колени, и открыл его. На первом фото солнце вставало через густые облака. Лучи пробивались через листья сосновых деревьев, идеально захватывая розовые оттенки.

— Рун, — прошептала Поппи и провела рукой по снимку.

— Это было твое первое утро здесь, — я пожал плечами. — Я не хотел, чтобы ты пропустила рассвет.

Поппи переместила голову, пока та не оказалась на моем плече. Я знал, что сделал все правильно. Я ощущал счастье в ее прикосновениях. Это было лучше любых слов.

Я перелистывал страницы альбома. Показывая ей, как деревья начинают цвести снаружи. Капли дождя на окне. Звезды в небе, полную луну и птиц на деревьях.

Когда я закрыл альбом, Поппи подняла голову и посмотрела мне в глаза.

— Ты запечатлел все, что я пропустила.

Мои щеки покраснели, и я опустил голову.

— Конечно. Как всегда.

Поппи вздохнула.

— Даже когда я не здесь... Ты должен запечатлевать мгновения. — Мой желудок перевернулся. Прежде чем я смог что-нибудь сказать, Поппи обхватила рукой мою щеку — прикосновение было очень легким. — Пообещай мне, — сказала она. Когда я не ответил, она настояла. — Пообещай мне, Рун. Эти фото слишком драгоценны, чтобы не быть увиденными. — Она улыбнулась. — Подумай о том, что можешь запечатлеть в будущем. Подумай о возможностях перед собой.

— Я обещаю, — ответил я тихо. — Обещаю, Поппимин.

Она выдохнула.

— Спасибо.

Наклонившись, я поцеловал ее в щеку. Когда отстранился, свернулся на кровати лицом к ней.

— Я скучал по тебе, Поппимин.

Улыбнувшись, она прошептала в ответ:

— Я тоже скучала.

— Нам нужно многое сделать, когда тебя выпишут, — сказал я, наблюдая, как восторг загорается в ее взгляде.

— Да, — ответила она. Поппи потерла губы вместе и сказала: — Сколько осталось до цветения первых вишен?

Мое сердце разрывалось, когда я подумал о ходе ее мыслей. Она пыталась оценить, сколько времени ей осталось. Проживет ли она, чтобы увидеть, как ее последние желания воплотятся в жизнь.

— Где-то около недели.

На этот раз не было никакой маскировки чистейшего счастья, которое излучала ее улыбка.

— Я смогу продержаться дольше, — сказала она уверенно и сжала мою руку немного крепче.

— Ты выдержишься дольше, — пообещал я, и Поппи кивнула.

— До тысячного незабываемого поцелуя, — согласилась она.

Погладив ее щеку рукой, я сказал:

— Тогда я растяну их.

— Да, — улыбнулась Поппи. — До бесконечности.

Поппи выписали из больницы неделю спустя. Полные масштабы того, как на нее повлияла инфекция, стали видны через несколько дней. Поппи не могла ходить. Она потеряла всю силу в своих ногах. Доктор проинформировал нас, что если бы рак был вылечен, с течением времени она бы обрела эту силу. Но, исходя из того, как все обстоит сейчас, она никогда не сможет снова ходить.

Поппи находилась в инвалидном кресле. И как свойственно ее характеру, это сильно не повлияло на нее.

— Как долго я смогу находиться снаружи и чувствовать на себе лучи солнца, я буду счастлива, — сказала она, когда доктор объявил ей плохие новости. Она посмотрела на меня и добавила: — Как долго я смогу держать Руна за руку, мне правда все равно, буду ли я снова ходить.

И как всегда, я растаял от ее слов на месте.

Сжав новые фотографии в руке, я бежал по траве между нашими домами к окну Поппи.

Когда я забрался через него, то увидел, что она спала.

Ее привезли домой в этот день. Она устала, но я хотел показать ей это. Это был мой сюрприз. Ее приветствие дома.

Одно из ее желаний воплотится в жизнь.

Когда я вошел в комнату, Поппи моргнула, и улыбка растянулась на ее лице.

— Кровать такая холодная без тебя, — сказала она и провела руками по моей обычной стороне.

— Я принес тебе кое-что, — сказал я, садясь на кровать. Наклонившись, я поцеловал ее в губы. Я поцеловал ее страстно, улыбнувшись, когда ее щеки порозовели после этого. Потянувшись, Поппи взяла пустое бумажное сердце из банки и нацарапал на нем что-то.

Я уставился на почти полную банку, когда она опускала туда сердце.

Мы были почти у цели.

Повернувшись, Поппи переместилась в сидячее положение.

— Что у тебя в руке? — спросила она с возбуждением в голосе.

— Фотографии, — объявил я и наблюдал, как ее лицо озарилось счастьем.

— Мой любимый подарок, — сказала она, и я знал, что Поппи имела в виду каждое слово. — Твоя волшебная способность запечатлевать моменты.

Я протянул ей конверт, и Поппи открыла его. Она ахнула, увидев изображение. Рассматривая каждое фото с восторгом, она повернулась ко мне с надеждой во взгляде.

— Первые цветки?

Я улыбнулся в ответ и кивнул. Поппи приложила руку ко рту и ее глаза засияли счастьем.

— Когда ты сделал их?

— Несколько дней назад, — ответил я, наблюдая, как ее рука упала, а губы изогнулись в улыбку.

— Рун, — прошептала она и потянулась за моей рукой. Она поднесла ее к моему лицу.

— Это означает...

Я встал.

Встав сбоку ее кровати, я поднял ее на руки. Поппи обернула руки вокруг моей шеи, и я опустил губы к ее. Когда отстранился, то спросил:

— Ты со мной?

Счастливо вздохнув, она ответила:

— Я с тобой.

Я осторожно посадил ее в кресло, натянул ей на ноги одеяло, затем схватился за ручки. Поппи запрокинула голову, пока я катил ее по коридору.

— Спасибо, — прошептала она.

Я поцеловал ее вздернутый ротик.

— Поехали.

Заразительное хихиканье Поппи отражалось от стен, когда я толкал ее по коридору и вышел на открытый воздух, затем спустил ее по ступенькам на руках. Как только она была в своем кресле, я толкал его по траве по направлению к роще. Погода была теплой, солнце светило на ясном небе.

Поппи запрокинула голову, чтобы впитать солнечное тепло, отчего ее щеки наливались жизнью. Когда она открыла глаза, я понял, что она уловила запах, прежде чем увидела рощу.

— Рун, — сказала Поппи, схватившись за ручки кресла.

Мое сердце билось все сильнее, когда мы приближались. Затем, когда мы завернули за угол, и вишневая роща предстала перед нами, я задержал дыхание.

Громкое оханье сорвалось с губ Поппи. Сняв фотоаппарат с шеи, я встал сбоку от нее, чтобы видеть ее лицо в идеальном ракурсе. Поппи даже не замечала, как я снова и снова нажимал на кнопку; она была слишком потеряна в красоте перед собой. Она была слишком загипнотизирована, подняв руку и легким касанием погладив только что рожденный лепесток. Затем она опустила голову, закрыла глаза, ее руки были в воздухе, а смех

разносился по роще.

Я поднял фотоаппарат, держа палец на кнопке, молясь, о мгновении, что могло последовать дальше. И все случилось: Поппи открыла глаза, полностью восхищенная этим моментом, затем посмотрела на меня. Палец нажал на кнопку — ее улыбающееся лицо на фоне розового и белого, сияло изобилием жизни.

Поппи медленно опустила руки, и ее улыбка смягчилась, глядя на меня. Я опустил фотоаппарат, вернув ей взгляд. Вишневые деревья были в полном цвету и сияли жизнью вокруг места, где она сидела — ее символический ореол. Затем меня осенило. Поппи, Поппимин, была вишневым цветком.

Она была моим вишневым цветком.

Непревзойденно красивым, ограниченным в жизни. Настолько светлым в своей красоте, что не мог длиться долго. Он оставался, чтобы обогатить нашу жизнь, и затем его уносил ветер. Никогда не забытый. Потому что напоминал нам, что мы должны жить. Что жизнь хрупка, тем не менее, в этой хрупкости есть сила. Любовь. Цель. Напоминание, что жизнь коротка, наши вдохи ограничены, а судьба неизменна, независимо от того, как мы боремся.

Напоминание не тратить впустую ни секунду жизни. Жить на всю катушку, любить до умопомрачения. Воплощать мечты, искать приключения... запечатлевать моменты.

Жить красиво.

Я сглотнул, пока эти мысли кружились в моей голове. Затем Поппи вытянула руку.

— Провези меня по роще, малыш, — сказала она тихо. — Я хочу пережить этот момент с тобой.

Оставив фотоаппарат висеть на своей шее, я встал за инвалидным креслом и толкал его по сухой грязной тропинке. Поппи медленно и размеренно вдыхала. Моя любимая девочка впитывала все увиденное. Красоту этих моментов. Ее желание было исполнено.

Достигнув нашего дерева, ветви которого были покрыты бежевыми лепестками, я вытащил покрывало из задней части кресла и расстелил его на земле. Подняв Поппи на руки, я усадил нас под деревом, и перед нами простирался великолепный вид на рощу.

Поппи сидела, прижавшись спиной к моей груди. Она вздохнула, взяв меня за руку, что лежала на ее животе, и прошептала:

— Мы сделали это.

Убрав волосы с ее шеи, я поцеловал теплую кожу.

— Да, малышка.

Она затихла на мгновение.

— Как во сне... как будто картина. Я бы хотела, чтобы небеса выглядели именно так.

Вместо того чтобы чувствовать боль или грусть из-за ее комментария, я обнаружил, что хочу этого для Поппи. Очень сильно хочу, чтобы она получила такую вечность.

Я видел, какой она была уставшей. Видел, что ей было больно. Она никогда не признавалась, но и не надо было. Мы общались без слов.

И я знал. Я знал, что она останется, пока я не буду готов отпустить ее.

— Рун? — голос Поппи отвлек меня от мыслей. Прислонившись спиной к стволу дерева, я переместил Поппи так, что она лежала на моих ногах, и я мог ее видеть. Чтобы я мог запомнить каждую секунду этого дня.

— Да? — ответил я и провел пальцами по ее лицу. Ее лоб испещрили морщинки беспокойства. Я сел немного прямее.

Поппи сделала глубокий вдох и произнесла:

— Что если я забуду?

Мое сердце надломилось прямо посередине, когда я увидел страх на ее лице. Поппи не чувствовала страх. Но сейчас он был.

— Что забудешь, малышка?

— Всё, — прошептала она, ее голос слегка надломился. — Тебя, мою семью... все поцелуй. Поцелуй, которые я хочу пережить вновь, когда в один прекрасный день мы снова будем вместе.

Вынуждая себя оставаться сильным, я заверил ее.

— Не забудешь.

Поппи отвела взгляд.

— Однажды я читала, что души забывают свою жизнь на Земле, когда уходят. Они должны забыть, иначе не смогут двигаться дальше, чтобы обрести покой на небесах. — Ее пальцы начали очерчивать узоры на моих пальцах — Но я не хочу этого, — добавила она почти не слышно. — Я хочу все помнить.

Когда она посмотрела на меня, я увидел слезы в ее глазах.

— Я не хочу забывать тебя. Ты мне нужен рядом, всегда. Я хочу наблюдать, как ты живешь своей жизнью. Захватывающей жизнью, которая я знаю, будет у тебя. Я хочу видеть сделанные тобой фотографии. — Она сглотнула. — Но больше всего я хочу свою тысячу поцелуев. Я не хочу забыть то, что мы разделили. Я хочу помнить их всегда.

— Тогда я найду способ напомнить тебе о них, — сказал я, и печаль Поппи улетела вместе с ветром, который окружил нас.

— Да? — прошептала она, надежда ясно выделялась в ее нежном голосе.

Я кивнул.

— Обещаю. Я не знаю как, но найду способ. Ничто, даже Господь, не остановит меня.

— Тогда я буду ждать в нашей роще, — сказала она с мечтательной, отстраненной улыбкой.

— Да.

Снова устроившись в моих руках, Поппи прошептала:

— Это будет приятно. — Наклонив голову, она сказала. — Но подожди год.

— Год?

Поппи кивнула.

— Я читала, что душе нужен год, чтобы перейти в другой мир. Не знаю, правда это или нет, но на всякий случай, подожди год, чтобы напомнить мне о наших поцелуях, я не хочу пропустить это... что бы ты ни сделал.

— Хорошо, — согласился я, но мне нужно было перестать говорить. Я не был уверен, что не развалюсь на части.

Птицы перелетали с дерева на дерево, пропадая из поля зрения в роще. Сцепив наши руки вместе, Поппи сказала:

— Ты подарил мне это, Рун. Подарил мне это желание.

Я не мог ответить. Мое дыхание застревало в горле, когда я говорил. Я сильнее сжал Поппи в объятиях, затем, положив палец ей под подбородок, приподнял ее лицо для своего в поцелуе. Самый сладкий поцелуй все еще был на ее губах. Когда я отстранился, Поппи держала глаза закрытыми и сказала:

— Поцелуй девятьсот тридцать четыре. В вишневой роще, когда вишневые деревья были в полном цвету. С моим Руном... мое сердце почти взорвалось.

Я улыбнулся и почувствовал боль счастья за свою девочку. Мы были почти на месте. Конец приключения был близок.

— Рун? — позвала Поппи.

— Ммм? — ответил я.

— Ты перестал курить.

Выдохнув, я ответил:

— Да.

— Почему?

Сделав паузу, чтобы сочинить ответ, я признался:

— Кое-кто, кого я люблю, научил меня, что жизнь драгоценна. Она научила меня не делать ничего, что может подвергнуть риску приключение. И я послушался.

— Рун, — сказала Поппи, дыхание перехватило у нее в горле. — Она драгоценна, — прошептала она, — очень-очень драгоценна, не трать впустую ни единой секунды.

Поппи облокотилась на меня, наблюдая красоту рощи. Сделав глубокий вдох, она

сказала уверенно:

— Не думаю, что увижу выпускной, Рун. — Я замер. — Я чувствую себя очень уставшей. — Она попыталась держаться за меня крепче и повторила. — Очень уставшей.

Я крепко зажмурил глаза и прижал ее ближе.

— Чудеса случаются, малышка, — ответил я.

— Да, — ответила Поппи, не дыша, — случаются. — Она поднесла мою руку к своему рту и поцеловала каждый палец. — Я бы очень хотела увидеть тебя в смокинге. И я бы хотела потанцевать с тобой под огнями софитов, под песню, которая заставит меня задуматься о нас с тобой.

Ощущая, что Поппи начала уставать в моих руках, я сдержал боль, которую вызвало это изображение, и сказал:

— Пойдем домой, малышка.

Когда я встал, Поппи потянулась к моей руке. Я опустил взгляд.

— Ты будешь рядом со мной?

Опустившись на корточки, я обхватил ее щеки руками.

— Всегда.

— Хорошо, — прошептала она. — Я не совсем готова отпустить тебя, еще нет.

Когда я прикатил ее домой, то отправил безмолвную молитву Господу, прося его дать ей еще две недели. Он может забрать мою девочку домой после этого: она будет готова, я буду готов. После того, как я исполню все ее желания.

Просто позволь мне исполнить для нее это последнее желание.

Я обязан.

Это было мое прощальное «спасибо» за всю любовь, что она подарила мне.

Единственный подарок, который я мог ей дать.

15 глава

Поппи

Две недели спустя

Я сидела в кресле в ванной мамы, пока она наносила тушь на мои ресницы. Я наблюдала за ней, как будто не делала этого прежде. Она улыбалась. Я наблюдала, чтобы убедиться, что запомнила каждую черточку ее лица в своей памяти.

Правда заключалась в том, что я слабла. Думаю, в глубине души мы все это знали. Каждое утро, когда я просыпалась, Рун лежал рядом, а я чувствовала себя более уставшей, более слабой.

Но в сердце я оставалась сильной. Я ощущала, что зов из дома становился сильнее. Ощущала, как покой от этого зова накатывал на меня минута за минутой.

И я была почти готова.

Когда я наблюдала за своей семьей последние несколько дней, то осознала, что с ними все будет хорошо. Мои сестры были счастливыми и сильными, а родители отчаянно их любили, поэтому я знала, все будет хорошо.

И Рун. Мой Рун, человек, покидать которого было тяжелее всего... он повзрослел. Он до сих пор не понял, что больше не был капризным, сломленным мальчиком, который вернулся из Норвегии.

Он сиял.

Он улыбался.

Снова фотографировал.

Но что еще лучше, он любил меня открыто. Вернувшийся мальчик скрывался за стеной мрака. Но больше нет — его сердце было открыто. И из-за этого он пустил свет в свою душу.

С ним все будет хорошо.

Мама пошла к шкафу. Когда она вернулась в ванную, то держала красивое белое платье. Вытянув руку, я провела рукой по материалу.

— Оно прекрасно, — сказала я и улыбнулась ей.

— Давай наденем его на тебя.

Я моргнула, находясь в замешательстве.

— Зачем, мама? Что произошло?

Мама махнула рукой.

— Достаточно вопросов, девочка. — Она помогла мне надеть платье и белые туфли на ноги.

Когда дверь в спальню открылась, я оглянулась. В дверном проеме стояла тетя Диди, прижимая руки к груди.

— Поппи, — сказала она со слезами в глазах. — Ты такая красивая.

Диди посмотрела на мою маму и потянулась к ее руке. Мама прижалась к своей сестре, и они стояли, глядя на меня. Улыбнувшись взгляду на их лицах, я спросила:

— Могу я посмотреть?

Мама толкнула мое кресло к зеркалу, и я замерла от увиденного отражения. Платье выглядело так красиво, красивее, чем я могла себе представить. И мои волосы... мои волосы были собраны набок в низкий пучок, мой любимый белый бант удерживал их сверху.

Как всегда, на мне были мои серьги в форме бесконечности: яркие и гордые.

Я провела рукой по платью.

— Я не понимаю... как будто я оделась для выпускного...

Мои глаза вперились в отражение мамы и Диди в зеркале. Мое сердце начало неконтролируемо биться.

— Мама? — спросила я. — Это так? Потому что он через две недели! Как...

Мой вопрос был прерван трелью дверного звонка. Мама и Диди переглянулись, и мама приказала:

— Диди, открой дверь.

Диди направилась к двери, но мама вытянула руку, остановив ее.

— Нет, подожди, возьми кресло. Я отнесу Поппи вниз.

Мама подняла меня на кровать, когда Диди покинула спальню, и я услышала голос папы внизу, приглушенный другими. Мысли роем проносились в моей голове, но я не смела сильно надеяться. Тем не менее, я так отчаянно хотела, чтобы эти надежды воплотились в жизнь.

— Ты готова, малышка? — спросила мама.

— Да, — ответила я, не дыша.

Я держалась за маму, когда мы спускались вниз по лестнице и к передней двери. Когда мы завернули за угол, я увидела, что мои сестры и папа все столпились в коридоре, глядя на нас.

Затем, хоть я и чувствовала слабость, мама поставила меня на пол. И я увидела, что, прислонившись к дверному косяку, стоит Рун. В его руке была ветка вишни... и на нем был смокинг.

Мое сердце расколосось, излучая свет.

Он подарил мне мое желание.

Как только наши взгляды встретились, Рун выпрямился. Я наблюдала, как он сглотнул, когда мама усадила меня в мое кресло. Когда она отошла, Рун присел на корточки, не заботясь о том, кто рядом, и прошептал:

— Поппимин, — я перестала дышать, когда он продолжил: — Ты такая красивая.

Вытянув руку, я потянула за кончик его светлых волос.

— Они зачесаны, и я могу видеть твоё красивое лицо. И ты в смокинге.

Игривая улыбка растянулась на его губах.

— Я обещал тебе, — ответил он.

Рун взял меня за руку и так нежно, как мог, надел бутоньерку мне на руку. Я провела

рукой по вишневым листьям и не смогла сдержать улыбку.

Посмотрев в голубые глаза Руна, я сказала:

— Это все реально?

Наклонившись, он поцеловал меня и прошептал:

— Ты идешь на выпускной.

Слезы стекали из моих глаз, застилая взор. Я наблюдала, как лицо Руна погрузнело, но рассмеялась и сказала ему:

— Это слезы радости, малыш. Я счастлива.

Рун сглотнул и, подняв руку, коснулся своего лица.

— Ты делаешь меня такой до невозможности счастливой.

Я надеялась, что он услышал глубинный смысл этих слов. Потому что я не имела в виду только сегодняшний вечер. Я имела в виду, что он всегда делал меня самой счастливой девушкой на планете. Он должен знать.

Он должен был ощущать правдивость этого факта.

Рун поднял мою руку к своим губам и поцеловал:

— Ты тоже делаешь меня таким чертовски счастливым.

И я знала, что он понимал.

Звук голоса моего папы отвлек нас друг от друга.

— Ладно, детки, вам лучше поторопиться.

Я уловила хрипотцу в голосе отца. Я знала, что ему было тяжело вынести эту сцену, поэтому он пытался выпроводить нас.

Рун встал, обошел мое кресло, расположившись сзади:

— Ты готова, малышка?

— Да, — ответила я уверенно.

Казалось, что вся моя слабость исчезла в одно мгновение. Потому что Рун каким-то образом воплотил все это в жизнь для меня.

Я не собиралась тратить ни единой секунды.

Рун покатил меня к машине моей мамы. Он поднял меня с инвалидной коляски и усадил на переднее сиденье. Я так широко улыбалась, в действительности, я не переставала улыбаться на протяжении всей поездки.

Когда мы подъехали к школе, я услышала, как музыка изнутри просачивается наружу. Я закрыла глаза, впитывая в себя все происходящее: парад лимузинов, пребывающих один за другим, красиво одетых учеников, входящих в зал.

Как и всегда с большой заботой, Рун вытащил меня из машины и усадил в мое кресло, затем встал рядом со мной и поцеловал меня. Он целовал меня с упоением, как будто понимал, что эти поцелуи были ограничены тем, что я прекрасно знала.

От этого любое прикосновение или вкус становились особенными. Мы целовались почти тысячу раз, тем не менее, самые последние были самыми особенными. Когда ты знаешь, что что-то ограничено, то оно становится более значимым.

Когда Рун отстранился, я обхватила его лицо в колыбель своих ладоней и сказала:

— Поцелуй девятьсот девяносто четыре. На моем выпускном в старшем классе. С моим Руном... мое сердце почти взорвалось.

Рун сделал глубокий вдох и прижался в финальном поцелуе к моей щеке, начав толкать меня к спортивному залу. Учителя, отвечающие за порядок, увидели наше прибытие. Их реакции согревали мое сердце: они улыбались, обнимали меня — я чувствовала себя любимой.

Музыка гремела даже в коридоре. Я отчаянно хотела увидеть, как украшено помещение. Рун потянулся к ручке двери, и когда повернул ее, школьный спортивный зал показался в поле зрения... он был украшен в бежевые и розовые цвета. Прекрасно декорирован идеальной тематикой моих любимых цветов.

Моя рука взлетела к лицу, опустив ее, я шепнула:

— Тематика «Вишневая роща».

Я посмотрела на Руна. Он пожал плечами.

— Ничего особенного.

— Рун, — прошептала я, когда он толкнул меня в зал. Ребята, танцевавшие рядом, остановились, когда я оказалась внутри. На минуту я почувствовала неловкость, когда встретила со всеми их взглядами.

Это был первый раз, когда большинство из них видели меня с тех пор как... Но неловкость была забыта, когда они все начали подходить, приветствовать меня и желать благополучия. Через некоторое время, очевидно увидев, что я была перегружена, Рун подкатил меня к столику, с которого открывался вид на танцпол.

Я улыбнулась, увидев, что все наши друзья сидят за столом. Джори и Руби заметили меня первыми. Они подпрыгнули на ноги и побежали к нам. Рун отошел, чтобы мои подруги могли обнять меня.

— Святое дерьмо, Попс. Ты такая красивая, — закричала Джори. Я рассмеялась и указала на ее голубое платье.

— Как и ты, милая. — Джори улыбнулась в ответ. Подошел Джадсон и взял ее за руку. Когда я уставилась на их соединенные руки, то снова улыбнулась.

Джори встретила со мной взглядом и пожала плечами.

— Думаю, в конце концов, это должно было произойти.

Я была счастлива за нее. Мне нравилось знать, что она была с кем-то, кого обожала. Она была прекрасной подругой для меня.

Джадсон и Дикон обняли меня следующими, затем Руби. Когда все наши друзья поприветствовали меня, Рун занял свое место за столом. Конечно, он сидел рядом со мной, сразу же взяв меня за руку.

Я видела, как он наблюдал за мной. Его взгляд не покидал моего лица. Повернувшись к нему, я спросила:

— Ты в порядке, малыш?

Рун кивнул, затем наклонился и сказал:

— Не думаю, что ты когда-нибудь выглядела настолько красиво. Я не могу оторвать от тебя взгляда.

Я наклонила голову набок, осматривая его внешность.

— Ты нравишься мне в смокинге, — призналась я.

— Он не плох, я полагаю. — Рун поднял руку и повозился с галстуком-бабочкой. — Эту штуковину было почти невозможно надеть.

— Но ты справился, — подразнила я.

Рун отвел взгляд, затем снова посмотрел на меня.

— Мой папа помог мне.

— Да? — спросила я тихо.

Рун коротко кивнул.

— И ты позволил ему? — настаивала я, заметив, что он упрямо наклонил свой подбородок. Мое сердце забило сильнее, пока я ждала ответ. Рун не знал, что моим тайным желанием было его примирение с отцом.

Он скоро будет нужен ему.

И его папа любил его.

Это было последнее препятствие, которое я хотела, чтобы Рун преодолел.

Рун вздохнул.

— Я позволил ему.

Я не могла остановить улыбку, растягивающую мои губы. Потянувшись, я положила голову ему на плечо. Подняв ее, я сказала:

— Я горжусь тобой, Рун.

Рун стиснул челюсти, но не сказал ничего в ответ.

Подняв голову, я осматривала помещение, наблюдая, как наши одноклассники танцуют и веселятся. И мне нравилось это. Я посмотрела на каждого человека, с которым выросла,

задаваясь вопросом, какими они станут, когда вырастут. Кто женится, у кого будут дети.

Затем мой взгляд остановился на знакомом лице, которое смотрело на меня через комнату. Эйвери сидела со своей группой друзей. Когда поймала ее взгляд, я подняла руку и слабо ей помахала. Она улыбнулась и махнула мне в ответ.

Когда я снова посмотрела за наш столик, Рук сердито смотрел на Эйвери. Я положила руку ему на плечо, и он вздохнул, покачав головой.

— Только ты, — сказал он. — Только ты.

Весь вечер я наблюдала, как наши друзья танцевали, полностью удовлетворенная. Я дорожила этим временем. Дорожила тем, что видела всех такими счастливыми.

Рун приобнял меня за плечи.

— Как ты провернул это?

Рун указал на Джори и Руби.

— Это все они, Поппимин. Они хотели, чтобы ты получила это. Они все сделали. Передвинули дату. Тематика и все остальное.

Я посмотрела на него скептически.

— Почему меня преследует чувство, что это не только их заслуга?

Щеки Руна покраснели, когда он пожал плечами. Я знала, что он сделал гораздо больше, чем раскрыл.

Придвинувшись ближе, я обхватила его лицо руками и сказала:

— Я люблю тебя, Рун Кристиансен. Я так сильно люблю тебя.

Рун закрыл глаза на пару секунд. Его дыхание выходило глубокими выдохами через нос, затем он открыл глаза и объявил:

— Я тоже люблю тебя, Поппимин. Больше, чем думаю, ты можешь понять.

Я оглядела взглядом спортзал и улыбнулась.

— Я понимаю, Рун... понимаю.

Рун прижал меня ближе. Он пригласил меня на танец, но я не хотела сидеть в кресле на переполненном толпой танцполе. Я была счастлива наблюдать, как остальные танцуют, когда увидела, что Джори направилась к диджею.

Она смотрела на меня. Я не могла прочесть ее взгляд, но затем услышала, что первые аккорды *If I Could Fly*, группы *One Direction* наполнили комнату.

Я замерла. Как-то раз я рассказала Джори, что эта песня заставляет меня думать о Руне. Когда Рун был вдали от меня в Норвегии. И еще больше я думала о том Руне, который был со мной наедине. Возлюбленный. Только мой. Когда он говорил миру, что он плохой, то только мне говорил, что влюблен.

Он любил.

Всецело.

Я мечтательно сказала ей, что если бы мы поженились, это была бы наша песня. Наш первый танец. Рун медленно встал на ноги, казалось, будто Джори рассказала Руну.

Когда Рун наклонился, я покачала головой, не желая тащить свое кресло на танцпол. Но затем к моему удивлению, движением, которое почти украло мое сердце, Рун взял меня на руки и держал над полом.

— Рун, — слабо запротестовала я, обнимая его за шею руками. Рун покачал головой, не сказав ни слова, и начал танцевать со мной в своих руках.

Отказываясь смотреть куда-нибудь еще, я уставилась ему в глаза, зная, что он мог слышать каждое слово. Я отчетливо видела в его взгляде, что он понимал, почему эта песня была наша.

Он прижал меня ближе, медленно раскачиваясь под музыку. И, как и всегда было у нас с Руном, весь остальной мир исчез, оставив только нас двоих. Танцующих среди цветов, так отчаянно влюбленных.

Две половинки одного целого.

Когда песня достигла своей кульминации, медленно начиная подходить к концу, я наклонилась вперед и спросила:

— Рун?

— Да? — прохрипел он в ответ.

— Ты отвезешь меня кое-куда?

Он нахмурил свои темные брови, но кивнул, соглашаясь. Когда песня закончилась, Рун притянул меня для поцелуя. Его губы слегка дрожали у моих. Также чувствуя себя поглощенной эмоциями, я позволила одинокой слезинке скатиться по щеке, прежде чем сделала глубокий вдох и успокоилась.

Когда Рун отстранился, я прошептала:

— Поцелуй девятьсот девяносто пять. С моим Руном. На выпускном, пока мы танцевали. Мое сердце почти взорвалось.

Рун прижал свой лоб к моему.

Когда Рун понес меня к выходу, я посмотрела в центр танцпола. Джори стояла, замерев, наблюдая за мной со слезами в глазах. Вперившись в нее взглядом, я положила руку на сердце и проговорила:

— Спасибо тебе... я люблю тебя... Я буду скучать.

Джори закрыла глаза, а когда открыла их снова, то проговорила ртом в ответ:

— Я тоже люблю тебя и буду по тебе скучать.

Она подняла руку и слабо махнула, и я встретила взглядом с Руном.

— Готова?

Я кивнула, затем он посадил меня в мое кресло и покатил из зала. Когда усадил меня на переднее сиденье и завел машину, то посмотрел на меня.

— Куда мы, Поппимин?

Вздыхнув от абсолютного счастья, я раскрыла свое желание:

— На пляж. Позволь мне увидеть рассвет с пляжа.

— Наш пляж? — уточнил Рун, когда завел машину. — У нас займет некоторое время попасть туда, а уже поздно.

— Мне все равно, — ответила я. — Главное сделать это до рассвета. — Я откинулась на спинку сиденье, взяв Руна за руку, когда мы начали наше финальное путешествие на побережье.

К тому времени, как мы прибыли на пляж, ночь начала сгущаться. До рассвета оставалось пару часов, и я была довольна этим.

Я хотела провести это время с Руном.

Когда мы оказались на парковке, Рун посмотрел на меня.

— Ты хочешь сидеть на песке?

— Да, — сказала я торопливо, уставившись на яркие звезды в небе.

Он остановился.

— Здесь может быть слишком прохладно для тебя.

— У меня есть ты, — ответила я, и его выражение лица смягчилось.

— Подожди здесь, — Рун выскользнул из машины, и я услышала, как он достает вещи из пикапа. На пляже было темно, он освещался только луной сверху. В лунном свете, я увидела, что Рун расстилает одеяло на песке, а рядом с ним лежало еще несколько одеял из пикапа.

Когда он вернулся, то вытянул руку и расстегнул свой галстук-бабочку, а затем и несколько пуговиц на своей рубашке. Когда я устала на Руна, то спросила себя, как я могла быть такой везучей. Я была любима этим парнем, любима так отчаянно, что любая другая любовь меркла по сравнению с этим.

Несмотря на то, что моя жизнь была короткой, я долго любила. И в конце концов этого было достаточно.

Рун открыл машину и подхватил меня в свои сильные руки. Я захихикала, когда он

прижимал меня к себе.

— Я тяжелая? — спросила я, пока Рун закрывал дверь.

Рун встретился с моим взглядом.

— Совсем нет, Поппимин. Я держу тебя.

Улыбнувшись, я оставила поцелуй у него на щеке и прижала голову к его груди, пока он нес меня к покрывалу. Звук разбивающихся волн заполнял ночной воздух, легкий теплый ветерок развеивал мои волосы.

Подойдя к покрывалу, Рун опустился на колени и нежно положил меня на него. Я закрыла глаза и вдохнула соленый воздух, наполняющий мои легкие.

Ощущение шерсти на моих плечах заставило меня открыть глаза: Рун накинул на меня теплое одеяло. Я наклонила голову, наблюдая за ним позади себя. Заметив мою улыбку, он поцеловал меня в кончик носа. Я захихикала, внезапно оказавшись в сильных объятиях Руна.

Он вытянул ноги, заключая меня в ловушку. Моя голова откинулась на его грудь, и я позволила себе расслабиться.

Рун прижался в поцелуе к моей щеке.

— Ты в порядке, Поппимин?

Я кивнула и ответила:

— Все идеально.

Рун убрал волосы с моего лица рукой.

— Ты устала?

Я начала качать головой, но желая быть честной, ответила:

— Да, я устала, Рун.

Так же как почувствовала, я услышала его тяжелый вздох.

— Ты сделала это, малышка, — сказал он гордо. — Вишневые деревья, выпускной...

— Остались только наши поцелуи, — закончила я за него. Я почувствовала, как он кивнул сзади меня. — Рун? — сказала я, нуждаясь в том, чтобы он услышал меня.

— Да?

Закрыв глаза, я подняла руки к своим губам.

— Помни, что тысячный поцелуй будет, когда я вернусь домой. — Рун напрягся возле меня, крепче держа в своих объятиях. — Ты все еще нормально к этому относишься?

— Все что угодно, — ответил Рун. Но по хрипу в его голосе я осознавала, что эта просьба тяжело давалась ему.

— Я не могу представить более умиротворяющее и прекрасное прощание, чем твои губы на моих. Конец нашего приключения. Приключения, в котором мы были девять лет.

Оглянувшись на него, я выдержала его напряженный взгляд и улыбнулась.

— И хочу, чтобы ты знал, я никогда не жалела и дня. Все о тебе и обо мне было идеальным. — Схватив его руку, я сказала: — Я хочу, чтобы ты знал, как сильно я любила тебя.

Я повернулась через плечо, чтобы смотреть прямо в глаза Руну.

— Пообещай, что ты продолжишь приключение путешествовать по миру. Посетишь другие страны и познаешь жизнь.

Рун кивнул. Я ждала и ждала звука его голоса.

— Обещаю, — ответил он.

Кивнув, я выпустила сдерживаемый воздух и положила голову ему на грудь.

Минута за минутой проходили в тишине. Я смотрела, как звезды сверкали на небе. Живя этим мгновением.

— Поппимин?

— Да, малыш, — ответила я.

— Ты была счастлива? Ты... — Он прочистил горло. — Ты любила свою жизнь?

Отвечая на сто процентов честно, я сказала:

— Я любила свою жизнь. Все в ней. И я любила тебя. Как бы банально это ни звучало, этого всегда было достаточно. Ты всегда был лучшей частью каждого моего дня. Ты был

причиной каждой моей улыбки.

Я закрыла глаза и проиграла наши жизни в голове. Вспоминала мгновения, когда я обнимала его, а он обнимал меня крепче. Я вспоминала, как целовала его, и он целовал меня глубже. И самое лучшее, я вспоминала, как я любила его, а он всегда стремился любить меня сильнее.

— Да, Рун, — сказала я с полной уверенностью. — Я любила свою жизнь.

Рун выдохнул, как будто мой ответ освободил его сердце от тяжелого бремени.

— Я тоже, — согласился Рун.

Мои брови сошлись вместе. Посмотрев на него, я сказала:

— Рун, твоя жизнь не закончена.

— Поппи, я...

Я прервала, что бы он ни пытался сказать, жестом руки.

— Нет, Рун. Послушай меня. — Я сделала глубокий вдох. — Ты, возможно, почувствуешь потерю половины своего сердца, когда я уйду, но это не даст тебе право жить наполовину. И половина твоего сердца никуда не уйдет. Потому что я всегда буду идти рядом с тобой. Всегда буду держать тебя за руку. Я вплетена в ткань, из которой ты создан — как и ты всегда будешь привязан к моей душе. Ты будешь любить и смеяться, и исследовать мир... за нас обоих.

Я держала Руна за руку, умоляя его слушать. Он отвернулся, затем повернулся снова посмотреть мне в глаза, как я и хотела.

— Всегда говори «да», Рун. Всегда говори «да» новым приключениям.

Уголки губ Руна приподнялись, когда я уставилась на него тяжелым взглядом.

Он провел пальцами по моему лицу.

— Хорошо, Поппимин. Так и будет.

Я улыбнулась к его изумлению, затем сказала на полном серьезе:

— Ты так много можешь предложить миру, Рун. Ты мальчик, который подарил мне поцелуи, воплотил в жизнь мои последние желания. Этот мальчик не остановится из-за потери. Вместо этого он будет подниматься, так же как солнце каждый день. — Я вздохнула. — Переживи шторм, Рун. Затем вспоминай одну истину.

— Какую? — спросил он.

Отмахнувшись от расстройства, я улыбнулась и сказала:

— Лунные сердца и солнечные улыбки.

Потерпев неудачу сдержать смех, Рун расхохотался... и это было прекрасно. Я закрыла глаза, когда его насыщенный баритон накрыл меня.

— Я помню, Поппимин. Помню.

— Хорошо, — сказала я триумфально и откинулась на него. Мое сердце сжалось, когда я увидела, что солнце начало вспыхивать на горизонте. Опустив руку вниз, я молча взяла Руна за руку и держала ее в своей.

Рассвет не нуждался в повествовании. Я сказала Руну все, что должна была. Я любила его. Хотела, чтобы он жил полной жизнью. И я знала, что увижу его снова.

Я была спокойна.

Я была готова отпустить.

Как будто чувствуя завершенность в моей душе, Рун прижал меня к себе до невозможности крепко, когда гребень солнца появился из синих волн, прогоняя звезды.

Мои веки начали тяжелеть, пока я сидела полностью удовлетворенная в объятиях Руна.

— Поппимин?

— Мм?

— Меня было достаточно для тебя тоже? — от угрюмости в голосе Руна мое сердце разрывалось, но я мягко кивнула.

— Более чем, — уверила я и улыбнулась, добавив только для него: — Ты был таким особенным, какими только мог быть.

Рун втянул резкий вдох на мой ответ.

Когда солнце встало на место, чтобы покровительственно смотреть на все с неба, я сказала:

— Рун, я готова отправиться домой.

Рун сжал меня в последний раз, затем начал вставать на ноги. Когда он выпрямился, я подняла свою ослабшую руку и взялась за его запястье. Рун смотрел на меня и смаргивал слезы в своих глазах.

— Я имею в виду... я готова отправиться домой.

Рун закрыл глаза на мгновение. Он сел на корточки и обхватил мое лицо руками. Когда открыл глаза, он кивнул:

— Я понимаю, малышка. Я почувствовал тот момент, когда ты решилась.

Я улыбнулась и бросила последний взгляд на панораму, которая развернулась перед глазами.

Время настало.

Рун нежно поднял меня на руки, и я смотрела на его прекрасное лицо, пока он нес меня по песку. Он тоже смотрел на меня.

Последний раз повернувшись лицом к солнцу, я опустила взгляд на золотой песок. И затем мое сердце наполнилось таким невероятным светом, когда я прошептала:

— Смотри, Рун. Посмотри на свои шаги на песке.

Взгляд Руна покинул меня, чтобы исследовать пляж. Его дыхание перехватило в горле, и взгляд снова вернулся ко мне. Моя губа дрожала, и я прошептала:

— Ты нес меня. В мои худшие времена, когда я не могла ходить... ты пронес меня через них.

— Всегда, — Рун смог хрипло ответить. — Навечно и навсегда.

Сделав глубокий вдох, я прижала голову к его груди и пробормотала:

— Отвези меня домой, малыш.

Когда Рун вел машину, обгоняя день, я не отрывала от него своего взгляда.

Я хотела запомнить его таким.

Навсегда.

Пока он снова не окажется в моих объятиях навеки.

16 глава

Рун

Прошло два дня

Два дня я лежал в кровати Поппи, запоминая каждую ее черточку. Держа ее в своих объятиях, целуя — достигая нашего девятьсот девяносто девятого поцелуя.

Когда мы вернулись с пляжа, кровать Поппи была переставлена к окну, так же как в больнице. С каждым часом она слабела, но в стиле Поппи, с каждой проходящей минутой она наполнялась счастьем. Ее улыбка заверяла нас, что она в порядке.

Я так чертовски гордился ею.

Когда я стоял в задней части комнаты, то наблюдал, как все члены семьи целуют ее на прощание. Я слышал, как ее сестры и Диди говорят ей, что увидят ее снова. Я оставался сильным, когда ее родители сдерживали свои слезы горя.

Когда ее мама отошла в сторону, я увидел вытянутую руку Поппи. Она тянулась ко мне. Глубоко вдохнув, я заставил себя двигаться к ее кровати.

От ее красоты у меня все еще перехватывало дыхание.

— Привет, Поппимин, — сказал и сел на край ее кровати.

— Привет, малыш, — ответила она, ее голос был чуть слышнее шепота. Я опустил свою голову к ее и прижался в поцелуе к ее губам.

Поппи улыбнулась, и эта улыбка растопила мое сердце. Громкий порыв ветра

просвистел у окна. Поппи резко вдохнула, и я повернул голову посмотреть, что она видит.

Множество вишневых лепестков развевалось на ветру.

— Они улетают... — сказала она.

На краткое мгновение я закрыл глаза. Было уместно, что Поппи покидала нас в тот же день, когда вишневые деревья теряли свои лепестки.

Они направляли ее душу домой.

Поппи дышала поверхностно, и я наклонился вперед, зная, что время настало. Я прижал свой лоб к ее в последний раз. Поппи подняла свою мягкую руку к моему лицу и прошептала:

— Я люблю тебя.

— Я тоже люблю тебя, Поппимин.

Когда я отстранился, Поппи посмотрела мне в глаза и сказала:

— Я увижу тебя в твоих снах.

Пытаясь сдержать свои эмоции, я прохрипел в ответ:

— Я увижу тебя в своих снах.

Поппи вздохнула, и умиротворенная улыбка воцарилась на ее лице. Затем она закрыла глаза, приподняв подбородок для нашего последнего поцелуя, пока ее рука сжимала мою.

Наклонившись к ее рту, я прижался к ее губам в нежном, самом значимом поцелуе. Поппи выдохнула через нос, ее сладкий запах захватил меня... и она больше не дышала.

Неохотно отстранившись, я открыл глаза, теперь наблюдая за вечным сном Поппи. Она была такой же красивой, как и в жизни.

Но я не мог оторваться от нее и прижался в еще одном поцелуе к ее щеке.

— Тысяча первый, — прошептал я громко. Я целовал еще раз и еще раз. — Тысяча второй, тысяча третий, тысяча четвертый. — Ощутив руку на своей руке, я поднял голову. Мистер Личфилд печально тряс головой.

Так много эмоций накатило на меня, и я не знал, что делать. Теперь уже замершая навечно рука Поппи оставалась в моей, и я не хотел ее отпускать. Но когда опустил взгляд, то понял, что она вернулась домой.

— Поппимин, — прошептал я и посмотрел в окно, наблюдая, как улетают опавшие лепестки. Снова отвернувшись, я увидел ее банку с поцелуями на полке, одинокое бумажное сердце и ручка лежали рядом. Я поднялся на ноги, взял их и бросился на крыльцо. Как только воздух ударил мне в лицо, я прислонился к стене, пытаюсь сморгнуть слезы, текущие по моему лицу.

Упав на пол, я положил сердце на колено и написал:

Открыв банку, я положил теперь уже исписанное сердце внутрь и крепко закрыл ее. Затем...

Я не знал, что делать. Осматривался вокруг себя в поисках помощи, но ничего не было. Я поставил банку рядом с собой и обернул руки вокруг коленей, раскачиваясь вперед-назад.

Раздался скрип ступеньки. Когда я поднял голову, мой папа стоял возле меня. Я встретился с ним взглядом. Он сразу понял, что Поппи ушла. Слезы немедленно затопили его глаза.

Я больше не мог сдерживать слезы, поэтому выпустил их, в полную силу. Как раз в этот момент вокруг меня обернулись руки, я напрягся, затем понял, что меня обнимает отец.

Но на этот раз я нуждался в нем.

Он был мне нужен.

Отпустив остатки гнева, который все еще сдерживал, я упал в объятия папы и освободил едва сдерживаемые эмоции. И папа позволил мне это. Он оставался со мной на

крыльце, когда день перешел в ночь. Он держал меня, не проронив ни слова.

Это был четвертый и последний момент, определивший мою жизнь, — когда я потерял свою девочку. И зная это, мой папа просто обнимал меня.

Я был уверен, что если бы внимательно прислушался к ноющему вокруг ветру, я бы услышал, как губы Поппи расплываются в улыбке, когда она танцует на своем пути домой.

Поппи была похоронена неделю спустя. Церемония была красивой, как она и заслуживала. Церковь была маленькой; идеальное прощание с девушкой, которая любила свою семью и друзей всем сердцем.

После церемонии я решил не идти в дом родителей Поппи, а направился к себе в комнату. Меньше чем через две минуты раздался стук в дверь, и вошли мама с папой.

В руках папы была коробка. Я нахмурился, когда он положил ее мне на кровать.

— Что это? — спросил я в замешательстве.

Папа сел и положил руку мне на плечо.

— Она попросила нас отдать ее тебе после похорон, сынок. Она подготовила ее втихушку до смерти.

Сердце глухо забилося в груди. Папа постучал по запечатанной коробке.

— Там есть письмо, которое ты должен прочитать первым. И несколько коробок. Они пронумерованы согласно тому, как ты должен открыть их.

Папа встал на ноги, и как только начал уходить, я схватил его за руку.

— Спасибо, — сказал я хрипло. Он наклонился, поцеловав меня в макушку.

— Люблю тебя, сынок, — сказал он тихо.

— Тоже люблю тебя, — ответил я, имея в виду каждое слово. На этой неделе наши отношения стали проще. Короткая жизнь Поппи показала мне, что я должен научиться прощать. Я должен любить и жизнь. Долгое время я обвинял своего отца во многом. В конце концов, моя злость принесла только боль.

Лунные сердца и солнечные улыбки.

Мама поцеловала меня в щеку.

— Мы будем снаружи, если понадобится. — Она переживала обо мне. Но также часть нее была расслаблена. Я знаю, это из-за моста, который мы построили с отцом. Из-за того, что я освободил остатки злости.

Я кивнул и ждал, пока они уйдут. Заняло пятнадцать минут, прежде чем я смог открыть коробку. Сверху лежало письмо.

У меня заняло больше десяти минут, чтобы разорвать конверт.

Рун,

Позволь мне начать с того, как сильно я люблю тебя. Я знаю, ты знаешь это. Думаю, нет человека на планете, который не видел, как идеально мы созданы друг для друга.

Однако, если ты читаешь это письмо, значит я вернулась домой. Когда читаешь это, знай, что я не боюсь.

Полагаю, последняя неделя была тяжелой для тебя. Полагаю, тебе приходилось прикладывать усилия, чтобы дышать, вставать с кровати каждый день — я знаю это, потому что вот как я чувствовала бы себя в мире без тебя. Но, несмотря на то, что я понимаю, мне больно, что мое отсутствие делает это с тобой.

Но самая тяжелая часть для меня наблюдать, как тот, кого я люблю, разваливается на части. Худшая часть наблюдать, как злость возрождается. Пожалуйста, не позволяй этому снова произойти.

Хотя бы ради меня продолжай оставаться парнем, которым стал. Самым лучшим парнем.

Как видишь, я оставила тебе коробку.

Я попросила твоего отца помочь мне недели назад. И он помог без задней мысли. Потому что очень сильно любит тебя.

Надеюсь, ты сейчас тоже это понимаешь.

В коробке есть еще один большой конверт. Пожалуйста, открой его сейчас, затем я объясню.

Мое сердце забилося быстрее, когда я осторожно положил письмо от Поппи на кровать. Трясущимися руками я потянулся в коробку и вытащил большой конверт. Нуждаясь увидеть, что она сделала, я быстро разорвал его. Внутри было письмо, которое я вытащил. Мои брови удивленно приподнялись, а затем я увидел фирменный бланк, и мое сердце остановилось:

Нью-Йоркский университет. Школа искусств «Тиш».

Мои глаза просматривали страницу, и я прочитал.

Мистер Кристиансен, от имени приемной комиссии для меня честь и привилегия сообщить вам, что вы допущены к нашей программе «Искусство фотографии»...

Я перечитал письмо. Дважды.

Не понимая, что произошло, я схватил письмо от Поппи и прочитал.

Поздравляю!

Знаю, что прямо сейчас ты в замешательстве. Эти русые брови, которые я так обожаю, сведены вместе, а на твоем лице привычный хмурый оскал.

Но все хорошо.

Я ожидала, что ты будешь шокирован. Ожидала, что сначала откажешься. Но ты не можешь. Эта школа твоя мечта с тех пор, как мы были детьми. И раз меня больше нет, чтобы жить своей мечтой рядом с тобой, это не значит, что ты должен пожертвовать своей.

Потому что я хорошо тебя знаю, и также знаю, что в мои последние недели ты будешь избегать всего, чтобы остаться со мной. Я люблю тебя за это больше, чем ты можешь представить. За то, как ты заботаешься обо мне, защищаешь... то, как ты обнимаешь меня и нежно целуешь.

Я ничего не могу изменить.

Но я знаю, что твоя любовь принесет в жертву твое будущее.

Я не могу позволить этому случиться. Ты был рожден запечатлеть эти волшебные мгновения, Рун Кристиансен. Я никогда не видела никого настолько талантливого, как ты. Я также никогда не видела, чтобы кто-то так чем-то увлекался. Ты должен сделать это.

Я сделаю все, чтобы это произошло.

В это раз я позабочусь о тебе.

Прежде чем я попрошу тебя посмотреть кое-что еще, ты должен узнать, что это твой папа помог мне собрать твое портфолио, чтобы ты получил место. Он также оплатил твой первый семестр обучения и общежитие. Хотя ты и продолжаешь делать ему больно, он сделал это так самозабвенно, что довел меня до слез. В его глазах было столько гордости, что это сразило меня.

Он любит тебя.

Ты неизмеримо любим.

Теперь, пожалуйста, открой коробку номер два.

Сглотнув изматывающую нервозность, я взял помеченную коробку и вытащил ее, чтобы открыть. Внутри было портфолио. Я пролистывал страницу за страницей. Поппи и папа собрали вместе фото за фото пейзажей, закатов, рассветов. В действительности, это те

работы, которыми я больше всего гордился.

Но когда я достиг последней страницы, замер. Поппи. Там была фотография Поппи на пляже со мной пару месяцев назад. Та, где она повернулась ко мне в идеальный момент, позволив мне запечатлеть ее на пленку — фото говорило о ее красоте и грации больше, чем могли сказать слова.

Мое любимое фото всех времен.

Смахнув слезы, я провел пальцами по ее лицу.

Она была идеальной для меня.

Медленно опустив портфолио, я снова поднял письмо и продолжил:

Впечатлен, ха? Ты чрезмерно одарен, Рун. Когда мы отправили твои работы, я знала, что тебя примут. Может, я и не эксперт в искусстве фотографии, но даже я вижу, как ты умеешь запечатлеть моменты, как никто другой. У тебя уникальный стиль.

Такой особенный... такой особенный, каким только может быть .

Последняя фотография моя самая любимая. Не потому что на ней я, а потому что я знаю страсть, которую разожгла эта фотография. В тот день на пляже я увидела, что искра огня внутри тебя снова зажглась.

Это был первый раз, когда я поняла, что с тобой все будет хорошо после моего ухода. Потому что я начала видеть, что Рун, которого я знала и любила, начал прорываться наружу. Мальчик, который проживет жизнь за нас обоих. Мальчик, который сейчас исцелен.

Посмотрев на лицо Поппи, которое смотрела на меня с фото, я не мог ничего поделать и подумал о выставке в НЙ. Должно быть, в тот день она уже знала, что меня приняли.

Затем я подумал о последнем фото. Эстер. Фотография, которая была выставлена меценатом последней. Фото его последней жены, которая умерла слишком молодой. Фотография, которая не изменила мир, но показала женщину, которая изменила его.

Ничто не описывало фотографию, на которую я сейчас смотрел, больше, чем это объяснение. Поппи Личфилд была семнадцатилетней девушкой из маленького городка в Джорджии. Тем не менее, в день, когда я встретил ее, она перевернула мой мир с ног на голову. И даже сейчас, после ее смерти, она все еще изменяет мой мир. Обогащает и наполняет его самоотверженной красотой, с которой невозможно конкурировать.

Снова взяв письмо, я прочитал:

Это подводит меня к последней коробке, Рун. К той, против содержания которой ты будешь противостоять больше всего, но ты должен пройти через это.

Я знаю, что сейчас ты в замешательстве, но прежде чем я отпущу тебя, ты должен кое-что узнать.

Быть любимой тобой было самым большим достижением моей жизни. У меня не было много и достаточно времени с тобой, как я хотела. Но за эти годы, за мои последние месяцы, я узнала, что такое настоящая любовь. Ты показал мне ее. Ты принес улыбки в мое сердце и свет в мою душу.

Но самое лучшее — ты подарил мне свои поцелуи.

Когда я оглядываюсь на последние несколько месяцев с тех пор, как ты вернулся в мою жизнь, я не могу злиться. Я не могу грустить о нашем ограниченном времени. Я не могу печалиться, что не проживу свою жизнь рядом с тобой. Потому что ты был со мной так долго, как тому позволено. И это идеально. Снова быть так отчаянно и интенсивно любимой — этого достаточно.

Но не для тебя. Потому что ты должен быть любим, Рун.

Я знаю, что когда ты узнал о моей болезни, ты страдал, потому что не мог исцелить меня. Спасти меня. Но чем больше я думаю об этом, тем больше верю, что это не ты должен был спасать меня. Скорее всего, я должна была спасти тебя.

Может, после моей смерти, после нашего совместного путешествия, ты нашел свой путь к себе. Самое главное приключение из всех, что у меня были.

Ты прорвался сквозь тьму и нашел свой путь к свету.

И этот свет такой чистый и сильный, что он пронесет тебя через... он приведет тебя к любви.

Когда ты читаешь это, я представляю, что машешь головой. Но, Рун, жизнь коротка. Однако я выучила, что любовь безгранична, а сердце большое.

Поэтому открой свое сердце, Рун. Держи его открытым и позволь себе любить и быть любимым.

Я хочу, чтобы ты открыл следующую коробку через пару секунд. Но сначала я просто хочу поблагодарить тебя.

Спасибо тебе, Рун. Спасибо, что любил меня настолько сильно, что я чувствовала это каждую минуту каждого дня. Спасибо за мои улыбки, твои руки, что так крепко держали меня...

За мои поцелуи. Всю тысячу. Каждый был дорог сердцу. Обожаем.

Как и ты.

Знай, что хоть я и ушла, ты никогда не будешь одиноким. Моя рука всегда будет держать твою.

Я буду следами, что идут рядом с тобой по песку.

Я люблю тебя, Рун Кристиансен. Всем своим сердцем.

Я не могу дождаться, когда увижу тебя в своих снах.

Опустив письмо, молчаливые слезы стекали по моему лицу. Подняв руку, я вытер их. Я сделал глубокий вдох, прежде чем поставил последнюю коробку на свою кровать. Она была тяжелее других.

Я осторожно открыл крышку и взглянул на содержимое. Мои глаза закрылись от осознания, что это было. Затем я прочитал от руки написанное послание Поппи вокруг крышки:

Я уставился на огромную банку. На множество голубых бумажных сердечек. Пустых бумажных сердечек прижатых к стеклу. Бирка на банке гласила:

Прижав банку к груди, я лег на кровать и просто начал дышать. Я не был уверен, сколько лежал так, уставившись в потолок, вспоминая каждое мгновение, что было у меня с моей девочкой.

Но когда наступила ночь, и я подумал обо всем, что она сделала, счастливая улыбка расплзлась на моем лице.

Покой наполнил мое сердце.

Я не был уверен, почему чувствовал его в это мгновение. Но я был уверен, что где-то там, в неизвестности, Поппи наблюдала за мной с ямочками на ее прекрасном лице... и с большим белым бантом в волосах.

Год спустя

Блоссом Гроув, Джорджия

— Ты готов, дружок? — спросил я Алтона, когда он пробежал по коридору и вложил свою руку в мою.

— Да, — сказал он и улыбнулся мне щербатой ухмылкой.

— Хорошо, все уже должны собраться на месте.

Я повел своего брата к двери, и мы направились в вишневую рощу. Ночь была идеальной. Небо было кристально ясным, на нем сверкали звезды и, конечно, сияла луна.

Я знал, что мне понадобится мой фотоаппарат, поэтому он висел на шее. Я знал, что запечатлею этот момент навсегда.

Я дал обещание Поппимин.

Сначала до нас донеслись звуки голосов людей, собравшихся в роще. Алтон посмотрел на меня широко открытыми глазами.

— Звучит так, будто там много людей, — сказал он нервно.

— Тысяча, — ответил я, и мы повернули в рощу. Я улыбнулся: розовые и белые лепестки наполняли рощу. Я на мгновение закрыл глаза, вспоминая последний раз, когда был здесь. Затем снова открыл их, чувствуя, как тепло распространяется по моему телу из-за голосов горожан: они наполняли маленькое пространство.

— Рун! — голос Иды вернул меня в настоящее. Я улыбнулся, когда она бежала сквозь толпу, остановившись, только когда врезалась в мою грудь и обняла меня за талию.

Я рассмеялся, когда она посмотрела на меня. На мгновение я увидел Поппи в ее молодом лице. Ее зеленые глаза были наполнены счастьем, когда она сверкала мне улыбкой, тоже с ямочками.

— Мы так сильно скучали по тебе! — сказала она, отступив.

Когда я поднял голову, передо мной была Саванна, обнимая меня нежно. Мистер и миссис Личфилд подошли следующими, следуя за мамой и папой.

Миссис Личфилд поцеловала меня в щеку, затем мистер Личфилд пожал мою руку, прежде чем обнял. Когда отстранился, он улыбался.

— Ты хорошо выглядишь, сынок. Правда, хорошо.

Я кивнул.

— И вы тоже, сэр.

— Как Нью-Йорк? — спросила миссис Личфилд.

— Хорошо. — Видя, что они ждут большего, я признался. — Я люблю его. Все в нем. — Я сделал паузу, затем тихо добавил: — Она бы тоже его полюбила.

В глазах миссис Личфилд засияли слезы, затем она указала на толпу за нами.

— Она бы полюбила это, Рун. — Миссис Личфилд кивнула и вытерла слезы со щек. — И я не сомневаюсь, что она видит нас с небес.

Я не ответил. Не смог.

Освобождая мне проход, родители и сестры Поппи встали за мной, когда мой папа обнял меня за плечо. Алтон все еще крепко держал меня за руку. Он отказывался отпускать меня с момента, как я приехал домой.

— Все готовы, сынок, — проинформировал меня папа. Увидев небольшую сцену в центре рощи и ожидающий микрофон, я отправился туда, когда Дикон, Джадсон, Джори и Руби встали у меня на пути.

— Рун! — воодушевленно воскликнула Джори, и обняла меня с большой улыбкой на лице. Как и все остальные.

Дикон хлопнул меня рукой по спине.

— Все готово, только ждем твоего сигнала. Мы быстро собрали людей. У нас больше добровольцев, чем нужно.

Я кивнул и осмотрел горожан с китайскими фонариками в руках. На этих фонариках

большими черными буквами был написан каждый поцелуй, что я подарил Поппи. Мои глаза сфокусировались, чтобы прочитать ближайшие...

...Поцелуй двести три, под дождем на улице, мое сердце почти взорвалось... Поцелуй двадцать три, в моем дворе под луной с моим Руном, и мое сердце почти взорвалось.... Поцелуй девятьсот один с моим Руном в кровати, и мое сердце почти взорвалось...

Сглотнув интенсивные эмоции, я остановился, когда увидел фонарик, ожидающий меня сбоку сцены. Я оглянулся вокруг роши в поисках того, кто оставил его. Когда толпа разошлась, я заметил, что папа внимательно наблюдает за мной. Когда я встретился с ним взглядами, он опустил голову, прежде чем ушел.

Тысячный поцелуй... с моей Поппи, когда она вернулась домой... мое сердце взорвалось...

Правильно, что я пошлю его ей сам. Поппи бы хотела именно этого.

Забравшись на сцену с Алтоном рядом со мной, я поднял микрофон, и в роще стало тихо. Я закрыл глаза, собрав все свои силы, и затем поднял голову. Море китайских фонариков были подняты в воздухе, готовые к полету, направленные лицом на меня. Идеально. Лучше, чем я мог представить себе.

Подняв микрофон к губам, я сделал вдох и сказал:

— Я не буду говорить долго. Я не особо хорош в речах на публике. Я просто хочу поблагодарить вас за то, что пришли сегодня... — я затих. Слова застревали в горле. Я провел рукой по волосам, собираясь с силами, и смог сказать: — Прежде чем ушла, моя Поппи попросила меня отправить эти поцелуи ей, чтобы она могла видеть их на небесах. Знаю, большинство из вас не знали ее, но она была самым лучшим человеком, которого я знал... она бы дорожила этим моментом. — Моя губа приподнялась в крошечной улыбке от мысли, что она увидит их.

Она бы полюбила это.

— Поэтому, пожалуйста, подожгите свои фонарики и помогите поцелуям долететь до моей девочки!

Я опустил микрофон. Алтон ахнул, когда зажигалки во всей роще зажгли фонари и отправили их парить в ночное небо. Один за другим они наполняли темноту, пока все небо не светилось огнями, плывущими вверх.

Наклонившись, я взял фонарик рядом с собой и поднял его в воздух. Посмотрев на Алтона, сказал:

— Ты готов отправить его Поппимин, дружище?

Алтон кивнул, и я поджег фонарик. В мгновение, когда пламя охватило его, мы отпустили тысячный и последний поцелуй в небо. Выпрямившись, я наблюдал, как он поднимался выше, преследуя других, обретая свой новый дом.

— Вау, — прошептал Алтон и снова взял меня за руку. Его пальцы крепко сжали мои.

Закрыв глаза, я отправил молчаливое сообщение: *Вот твои поцелуи, Поппимин. Я обещал, что отправлю их тебе. Я нашел способ.*

Я не мог оторвать взгляда от светового шоу в небе, но Алтон потянул меня за руку.

— Рун? — спросил он, и я посмотрел туда, где он стоял, наблюдая за мной.

— Да?

— Почему мы делаем это здесь? В этой роще?

— Потому что это было любимое место Поппимин, — ответил я тихо.

Алтон кивнул.

— Но почему мы дождались, чтобы сначала зацвели вишневые деревья?

Сделав глубокий вдох, я объяснил:

— Потому что Поппимин как вишневый цветок, Алт. У нее была короткая жизнь, как и у них, но красивая, и она привнесла в мир то, что никогда не забудут. Она была вишневым

лепестком, бабочкой... падающей звездой... она была идеальной... ее жизнь была короткой... но она была моей.

Я сделал глубокий вдох и прошептал напоследок:

— Так же как я ее.

Эпилог

Рун

Десть лет спустя

Я моргнул, когда проснулся, вокруг отчетливо была видна вишневая роща. Я мог ощущать яркое солнце на своей коже, запах богато цветущих листьев заполнял мои легкие.

Я сделал глубокий вдох и поднял голову. Надо мной возвышалось темное небо, небо, наполненное светом. Одна тысяча китайских фонарей, посланная годы назад, плыли по воздуху, отлично замирая на месте.

Сев, я осмотрел рощу, чтобы убедиться, что каждый цветок расцвел. Так и было. Но так было всегда. Здесь красота длилась вечность.

Как и она.

Звучание нежного пения доносилось от входа в рощу, и мое сердце ускорило свой бег. Я подпрыгнул на ноги и, затаив дыхание, ждал ее появления.

И она появилась.

Мое тело наполнилось светом, когда она вышла из-за угла, нежно касаясь цветущих деревьев. Я наблюдал, как она улыбалась цветкам. Затем она заметила меня в центре рощи. Ее губы растянулись в широкой улыбке.

— Рун! — позвала она радостно и побежала ко мне.

Улыбнувшись в ответ, я поднял ее в своих руках, когда она обняла меня за шею.

— Я скучала по тебе! — прошептала она мне в ухо, и я прижал ее еще ближе. — Я так сильно скучала по тебе!

Чуть отстранившись, чтобы полюбоваться на ее красивое лицо, я прошептал:

— Я тоже скучал по тебе, малышка.

Щечки Поппи покраснели, и стали полностью видны ямочки. Опустив ее, я взял руку Поппи в свою. Поппи вздохнула при этом, когда осмотрела меня с ног до головы. Я смотрел на свою руку в ее. Мою семнадцатилетнюю руку. Мне всегда было семнадцать, когда я приходил сюда во снах. Так, как всегда хотела Поппи.

Мы были такими же, как тогда.

Поппи встала на цыпочки, снова притягивая мое внимание к себе. Обхватив руками ее щеки, я наклонился и прижал свои губы к ее. Поппи выдохнула мне в рот, и я страстно ее поцеловал. Я вообще не хотел отпускать ее.

Когда я все же отстранился, ресницы Поппи трепетали. Я заулыбался, когда она повела нас под свое любимое дерево. Когда мы присели, я держал ее в своих руках, а ее спина была прижата к моей груди. Убрав ее волосы с шеи, я покрывал легкими поцелуями ее нежную кожу. Когда я был здесь, а она оказывалась в моих объятиях, я прикасался к ней так много, как мог, я целовал ее... обнимал ее, зная, что скоро мне придется уйти.

Поппи счастливо вздохнула. Когда я поднял голову, то увидел, что она смотрит на яркие фонари в небе. Я знал, что для нее это много значило, эти фонарики делали ее счастливой. Эти фонарики были нашими поцелуями, подаренными только ей.

Устроившись рядом со мной, Поппи спросила:

— Как поживают мои сестры, Рун? Как Алтон? Как мои и твои родители?

Я прижал ее ближе.

— У них все хорошо, малышка. Твои сестры и родители счастливы. А у Алта все идеально. У него есть девушка, которую он любит больше чем жизнь, и он хороший игрок в

бейсбол. С моими родителями тоже все хорошо. Со всеми все в порядке.

— Это хорошо, — ответила Поппи радостно.

Затем она затихла.

Я нахмурился. В моих снах Поппи всегда спрашивала меня о моей работе — обо всех местах, что я посетил, и сколько из моих фотографий, которые помогали спасти мир, было недавно опубликовано. Но сегодня она молчала. Она довольная находилась в моих объятиях. Она чувствовала себя настолько умиротворенно, насколько это было возможно.

Поппи поерзала на месте, затем с любопытством спросила:

— Ты когда-нибудь жалел, что так и не влюбился снова, Рун? Жалел все это время, что больше никого не поцеловал, кроме меня? Никогда не любил никого другого? Не заполнил банку, которую я тебе подарила?

— Нет, — ответил я честно. — И в моей жизни есть любовь, малышка. Я люблю свою семью. Свою работу. Моих друзей и всех тех людей, которых встретил во время своих приключений. У меня хорошая и счастливая жизнь, Поппимин. И я любим и люблю всем своим сердцем... тебя, малышка. Я так и не перестал тебя любить. Тебя достаточно на всю оставшуюся жизнь, — я вздохнул. — И моя банка была заполнена... заполнена вместе с твоей. Больше не нужно собирать никаких поцелуев.

Подложив руку под подбородок Поппи, я повернул ее лицо к своему и сказал:

— Эти губы твои, Поппимин. Я пообещал их тебе годы назад, ничего не изменилось.

Поппи расплылась в довольной улыбке и прошептала:

— Так же как эти губы твои, Рун. Они всегда были твоими и только твоими.

Когда я заерзал на мягкой земле и положил на нее ладонь, я внезапно осознал, что трава подо мной реальнее, чем в мои прошлые визиты. Когда я приходил к Поппи в своих снах, трава всегда ощущалась, будто я во сне. Я ощущал покров, но не травинки, ощущал ветер, но не температуру, деревья, но не кору.

Когда я поднял голову сегодня в своем сне, я ощутил теплый ветерок на своем лице. Я мог ощущать его так реально, как и тогда, когда просыпался. Я ощущал траву под своими ладонями, травинки и шероховатость грязи. И когда я наклонился, чтобы поцеловать Поппи, я ощущал ее теплое дыхание на своих губах, видел, как ее кожа покрывается мурашками.

Чувствуя интенсивный взгляд Поппи на мне, я поднял голову и заметил, что она выжидающе смотрит на меня с широко раскрытыми глазами.

Затем меня осенило.

Я осознал, почему все стало таким реальным. Мое сердце быстрее забилося в груди. Потому что если все это было реальным... если я понял все верно...

— Поппимин? — спросил я и сделал глубокий вдох. — Это не сон...?

Поппи встала на колени передо мной и обхватила нежными ладонями мои щеки.

— Нет, малыш, — прошептала она, глядя в мои глаза.

— Как? — спросил я сконфуженно.

Взгляд Поппи смягчился.

— Все случилось быстро и спокойно, Рун. С твоей семьей все хорошо, они счастливы, что ты в лучшем месте. Ты прожил короткую, но полную жизнь. Хорошую жизнь, о которой я всегда для тебя мечтала.

Я замер, затем спросил:

— Ты хочешь сказать...?

— Да, малыш, — ответила Поппи. — Ты вернулся домой. Ты вернулся домой ко мне.

Широкая улыбка растянулась на моем лице, волна чистейшего счастья накрыла меня. Не в состоянии сопротивляться, я припал губами к ожидающему рту Поппи. В мгновение, когда я ощутил ее вкус на своих губах, глубокий покой заполнил меня изнутри. Отстранившись, я прижал свой лоб к ее.

— Я останусь с тобой? Навсегда? — спросил я, молясь, чтобы это было правдой.

— Да, — нежно ответила Поппи, и я мог слышать полную безмятежность в ее голосе. — Наше следующее приключение.

Это было реальным.

По-настоящему.

Я снова поцеловал ее, медленно и нежно. После этого глаза Поппи оставались закрытыми, затем, когда румянец распространился на ее красивом лице с ямочками, она прошептала:

— Вечный поцелуй с моим Руном... в нашей вишневой роще... когда он, наконец, вернулся домой.

Она улыбнулась.

Я улыбнулся.

Затем она добавила:

— ... и мое сердце почти взорвалось.

КОНЕЦ

«Forever Always», Ed Williamson

Плейлист:

One Direction

Infinity

If I Could Fly

Walking in the Wind

Don't Forget Where You Belong

Strong

Fireproof

Happily

Something Great

Better Than Words

Last First Kiss

I Want to Write You a Song

Love You Goodbye

Little Mix

Secret Love Song Pt II

I Love You

Always Be Together

Love Me or Leave Me

Turn Your Face

Другие исполнители:

Eyes Shut — Years & Years

Heal — Tom Odell

Can't Take You With Me — Bahamas

Let The River In — Dotan

Are You With Me — Suzan & Freek

Stay Alive — José González

Beautiful World — Aiden Hawken

The Swan (From *Carnival of the Animals*) — Camille Saint-Saëns
When We Were Young — Adele
Footprints — Sia
Lonely Enough — Little Big Town
Over and Over Again — Nathan Sykes

Заметки

[
#8592;1
]

английская фольклорная песня, известная с XVI века. Дважды упоминается в произведениях Уильяма Шекспира, в том числе в комедии «Виндзорские насмешницы».

[
#8592;2
]

злокачественное заболевание лимфоидной ткани

[
#8592;3
]

Корневое пиво (Рутбир, англ. Root beer, также известное как Сассапарилла) — газированный напиток, обычно изготовленный из коры дерева Сассафрас. Корневое пиво, популярное в Северной Америке, производится двух видов: алкогольное и безалкогольное.

[
#8592;4
]

«Карнавал животных» (фр. Le carnaval des animaux) — сюита («зоологическая фантазия») для камерного ансамбля Камиля Сен-Санса. «Карнавал животных» состоит из четырнадцати частей.

[
#8592;5
]

Арпеджио — способ исполнения аккордов на фортепиано, некоторых клавишных (ксилофон, виброфон) и струнных инструментах, при котором звуки аккорда следуют один за другим. Чаще всего арпеджио обозначается волнообразной линией или дугой перед аккордом.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.com](http://Royallib.com)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)